

ДЖОНАТАН
СТРЕНДЖ

МИСТЕР
НОРРЕЛЛ

Сюзанна Кларк

The Big Book

Сюзанна Кларк

**Джонатан Стрендж
и мистер Норрелл**

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кларк С.

Джонатан Стрендж и мистер Норрелл / С. Кларк — «Азбука-Аттикус», 2004 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-12360-1

«Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс», – полагает Александр Генис, а Нил Гейман называл эту книгу «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет». Здесь Англия – страна древних магических традиций, оставшихся в прошлом, – воюет с Наполеоном, а осторожный мистер Норрелл и его порывистый ученик Джонатан Стрендж мечтают возродить волшебное искусство. Здесь «темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов» (Time). Здесь невероятные конфликты, человеческие и нечеловеческие, описаны с абсолютной достоверностью, а реалии, стиль, язык ушедшей эпохи воссозданы с размахом и дотошностью «Имени Розы» Умберто Эко. Роман был переведен на десятки языков, разошелся по миру тиражом свыше миллиона экземпляров и был экранизирован: в 2015 году на экраны вышел одноименный мини-сериал первого телеканала Би-би-си, главные роли исполнили Берти Карвел и Эдди Марсан. Перевод публикуется в новой редакции, с дополнительными материалами и множеством иллюстраций.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12360-1

© Кларк С., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Предисловие	14
Том I. Мистер Норрелл	15
1. Библиотека Хартфью	16
2. Таверна «Старая звезда»	25
3. Йоркские камни	33
4. Друзья английской магии	38
5. Дролайт	45
6. «Магия малопочтенна, сэр»	54
7. Такой случай может не повториться	62
8. Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе	67
9. Леди Поул	74
10. Трудно подыскать занятие для волшебника	77
11. Брест	80
12. Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии	84
13. Чародей с Треднидл-стрит	91
14. Ферма «Разбитое сердце»	98
15. «Как здоровье леди Поул?»	104
16. «Утраченная Надежда»	110
17. Необъяснимое появление двадцати пяти гиней	116
18. Сэр Уолтер советуется с джентльменами разных профессий	121
19. «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»	126
20. Подозрительный шляпник	130
21. Марсельское Таро	135
22. Рыцарь Жезлов	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Сюзанна Кларк

Джонатан Стрендж и мистер Норрелл

Susanna Clarke

JONATHAN STRANGE & MR. NORRELL

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод (гл. 1–10), примечания, 2016

© М. Клеветенко, перевод (гл. 11–24, 59–69), 2016

© А. Коноплев, перевод (гл. 25–29, 33–44), 2016

© С. Самуйлов, перевод (гл. 30–32, 45–58), 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

Безусловно лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет. Смешная, трогательная, страшная, потусторонняя, практическая и магическая, путешествие сквозь тень и свет. Упоительное чтение, изящный и точный стиль: госпожа Кларк выстраивает слова так же хитроумно и грозно, как герцог Веллингтон выстраивал свои полки, а финальная часть истории таит множество неожиданных поворотов, словно лабиринт старых лондонских улочек или темный английский лес. Закрывая «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» на восьмисотой странице, я жалел лишь, что книга не оказалась вдвое длиннее... Чистое наслаждение от первой до последней строки.

Нил Гейман

Роман захватил меня и увлек так, что я не мог его отложить, пока не прочел до конца. Тон рассказчика выбран превосходно. Он полон иронии, преподносимой с серьезной миной, а его сдержанность позволяет читателю самому составить мнение о персонажах. Меня восхищала вымышленная ученость, завораживала смесь исторического реализма и чудесных событий. Я почти верил, что и впрямь существовала традиция «английской магии», о которой мне не доводилось слышать. Автор убедительнейше воспроизводит время и его литературные условности. И часть удовольствия от книги – наблюдать, как легко магия вписалась в роман XIX века. Настоящий шедевр. Не могу припомнить ничего хоть сколько-нибудь похожего.

Чарльз Паллисер

До ужаса правдоподобная параллельная история Британии, в которой волшебники играют не меньшую роль, чем известные нам исторические лица.

Мишель Фейбер

Книга для ума, книга для души, повод для разговоров и легкое чтение в дорогу – все это соединилось для меня в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле»... Я буквально не мог оторваться от этого романа.

Джулиан Феллоуз

Всякая книга, кроме телефонной, – вымысел уже потому, что ее единственным содержанием является чудо, преображающее жизнь в буквы, настоящее – в вечное, быль – в сказку. Когда я был маленьким, этот обман назывался «научной фантастикой».

Сегодня фантастическое не нуждается в алиби. С тех пор как Гарри Поттер стал главным героем нашего еще незрелого столетия, писатели всех стран и народов вступили в борьбу за его наследство. Мы живем в эпоху, переплавившую магический реализм в обычную сказку, упразднившую критерий правдоподобного для детей любого возраста. Выдавив другие жанры в нон-фикшн, сказка захватила единоличную власть над словесностью. В том числе и отечественной, что доказывают старые герои новой русской прозы – Сорокин и Пелевин. Первый сочиняет сказки для гностиков, второй – для агностиков. Сорокин выдает быль за сказку, Пелевин опрокидывает сказку в быль. У обоих подлинный смысл истории открывается лишь тем, кто приобщен к ее темным тайнам.

Сказка делает мнимую жизнь зловещей и подлинной. В сущности, тут не нужна магия. Но без нее не обойтись другой – еще более широкой – аудитории. С тех пор как истощенная расточительным постмодернистским эпилогом литература, впав в детство, вернулась к своему истоку и стала тем, чем, в сущности, всегда была – рассказом о чудесах. За что мы ее готовы простить и снова полюбить.

Со мной такое произошло, когда я прочел 800-страничный фолиант 50-летней дебютантки из Кембриджа Сюзанны Кларк под обманчиво скучным названием «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл». Восторженные критики уже успели назвать ее «Гарри Поттером для взрослых», но, по-моему, это сомнительный комплимент для автора, открывшего новый способ обращаться с чудесами.

Так мог бы выглядеть роман «Мастер и Маргарита», если бы его написал Диккенс.

Дело в том, что книга Кларк – грандиозный анахронизм: она написана так, будто мы еще живем в Викторианскую эпоху. Презрев «страх влияния», автор перебралась в XIX век, чтобы медленно и верно выткать подробный гобелен давно умершей эпохи.

Писать сегодня викторианскую книгу – все равно что строить действующую модель кареты в натуральную величину. Самое странное, что она действительно ездит, переносит читателя в бурную наполеоновскую эру, так хорошо нам знакомую по «Войне и миру». Обманчивая убедительность исторического повествования настолько обескураживает читателя, что он принимает главную, и единственную, условность романа – чудеса. Англия Сюзанны Кларк – страна великих магических традиций. Деяния средневековых волшебников, выходцев из смежного, но невидимого мира, – непреложный факт, документированная часть британской истории. Однако, вступив на путь прогресса, Англия утратила древнее магическое искусство, которое и взялся возродить тщеславный мизантроп мистер Норрелл со своим добродушным учеником Джонатаном Стренджем.

Тут-то и начинается самое интересное. Чудеса в книге изображены с той же неторопливой дотошностью, что и все остальное. Ирония уже давно научила сказку встречаться с прозой жизни, как это бывало у Гофмана, Андерсена и Шварца. Но, кажется, впервые магия, реанимировав старомодный

жанр, сошла на страницы толстого реалистического романа. Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис

(Иностранная литература)

Сюзанне Кларк удалось неподдельное чудо: ее «викторианская фэнтези» – всамделишная литература, без кавычек и оговорок; не постмодернистская игра, не изящный жанровый эксперимент – живая, сильная книга. Содержащая вдобавок ноу-хау. Да, были уже Толкин и последователи, Урсула Ле Гуин, в конце концов, Нил Гейман (назвавший, между прочим, «Стренджа...» «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет»), но только Кларк столь естественно удается вплести свою волшебную нить, свалянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен. Ну подумаешь, магия. Чем не занятие для джентльмена. В сущности, рутина: кто-то воюет с Бонапартием, кто-то торгует в заморских колониях, кто-то колдует и общается с эльфами. Бывает.

Александр Гаррос

(Эксперт Online)

Удивительная неспешность повествования, заставляющая вас позабыть о том, что на свете уже существуют метро, интернет и авиастроение. Абсурдное внимание к деталям (ко всем деталям: историческое и фантастическое Кларк живописует с одинаковой дотошностью). Ну и главное – язык, конечно. О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века – языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта простительна: Сюзанна Кларк – прирожденный стилист; она пишет – ты веришь. Вероятно, именно это ощущение подлинности, которое, точно пряный запах старинного фолианта, насквозь пропитывает книгу, и превращает «Джонатана Стренджа...» в блестящий сеанс магии – причем без последующего разоблачения. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно, как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец

(Гудок)

Девятисотстраничный фолиант Сюзанны Кларк способен понравиться самым разным читателям. Во-первых, это исторический роман, в котором дотошно воссозданы не только реалии эпохи, но и ее язык, ее стиль, – история современной литературы знает только один подобный подвиг: «Имя Розы» Умберто Эко. Радует то, что языковые прелести книги доступны и россиянам: книга великолепно переведена, что заставляет вспомнить и сдержанную прозу Пушкина, и достоверные гоголевские гротески. Во-вторых, Кларк должна прийти по нраву каждому поклоннику фэнтези. «Стрендж и Норрелл» – дальние родственники «Волшебника Земноморья»: автор использует магию не только как прием авантюрного романа, но описывает

очертания границ, за которые не следует заглядывать человеку, и причины, по которым их порой все же стоит пересекать. В-третьих, «Стрендж и Норрелл» – подарок для англомана: за тем, что покажется иным читателям занудством и бесчувственностью, поклонники Вальтера Скотта и Кольриджа увидят английскую сдержанность, способ передавать через недосказанность массу косвенной информации. Кларк обставила свою выдумку с беспримерным вкусом и вниманием: обилие ссылок на несуществующие труды по магии, исторических ироничных анекдотов, вставных новелл и красочных описаний иных миров заставляет читателя поверить, что перед ним не просто огромный роман, но достоверный исторический рассказ о возрождении магии.

Иван Якишин

(Книжная витрина)

Что же такое «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»? Самым коротким ответом будет: Джейн Остен в Стране чудес. Викторианская Англия, Наполеоновские войны, зеленые лужайки, экипажи, кукольные домики, мильные столбы и вересковые пустоши. Это не только место действия, это время написания. Представьте себе роман Чарльза Диккенса или Джейн Остен, где чопорные политики становятся жертвами зловредных эльфов, а на приеме у тетушек, жаждущих пристроить своих племянниц замуж, появляется пара волшебников, только что отчитавшихся в Министерстве внутренних дел об исполнении поручения о предотвращении разлива рек в графстве Суффолк.

Стилизация выполнена настолько идеально, что даже вызывает оторопь. Это что, всерьез? Ну кому сейчас придет в голову писать, а уж тем более издать викторианский роман? Его многословие, пространные описания чувств и пейзажей, неторопливая размеренность были хороши во времена, когда скорость передвижения не превышала 15 километров в час, а новости недельной давности считались последними известиями. Но в наше время читать эти 890 страниц, где динамичность повествования разворачивается со скоростью перемещения дамы в кринолине? Как выясняется, и в карете прошлого можно уехать далеко, если она находится в рабочем состоянии.

Приключения мистера Норрелла, задумавшего воскресить в Англии утраченное искусство магии, и его ученика Джонатана Стренджа, однажды покинувшего учителя, прибирают тебя к рукам постепенно и исподволь, и вскоре ты, успокоившись, перестаешь досадовать на неспешность езды и начинаешь получать удовольствие от забытых, а то и никогда не испытанных ощущений альтернативного способа перемещения в альтернативном мире.

Вадим Нестеров

(Gazeta.Ru)

Эта Кларк оказалась такой изобретательной и остроумной рассказчицей, что нет ни одной причины, по которой взрослый человек может позволить себе проигнорировать этот роман про волшебников; и вам вовсе не нужно быть литературным критиком, предсказуемо реагирующим на подмигивания в сторону Джейн Остен и Мэри Шелли, чтобы понимать, ознакомившись с первой же сотней страниц, что в ваших руках – классическое произведение, которое будут читать в вашей семье еще в нескольких поколениях. «Гарри

Поттер» для взрослых? Дж. Роулинг со своей метлой «Нимбус-2000» может наниматься к Кларк в дворники.

Лев Данилкин
(Афиша)

Эта волшебная история затянула меня... увлекательный сюжет и магическая премудрость. Великолепно!

Independent on Sunday

Плотный, написанный слогом XIX века роман согреет читателя в темные и ненастные ночи... не книга, а огромный бурлящий котел.

Daily Telegraph

Блистательно, остроумно, увлекательно, триумф многовековой литературной традиции... Книга берет читателя в плен и отправляет в странствие, полное невероятных приключений.

Irish Times

Изящная и остроумная историческая фантазия, достойная того, чтобы ее оценивали по ее собственным (значительным) достоинствам.

Sunday Telegraph

Книга, полная заклинаний, непогоды, говорящих статуй, призрачных бальных залов и зловещих джентльменов с волосами, как пух на отцветшем чертополохе... поддайтесь чарам!

Elle

Книга сказочная и в прямом, и в переносном смысле слова... в высшей степени неординарная и увлекательная.

Sunday Times

Мастерская шлифовка деталей и щедрый юмор, интригующие загадки и приключения черпают энергию из самых мрачных фантазий.

Zembla

Волшебно... Мастерское, блистательно размеренное повествование... буйство воображения, изящный юмор, чарующий слог.

Scotsman

От оригинальности и смелости захватывает дух... ошеломляющий полет воображения. Читать всенепреренно.

Image

Изумительно... Роман, в котором темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов... Уникальность «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» – в отношении к магии. Магия у Кларк печальна и зловеща; она соткана из дождя, снега и зеркал и описана с абсолютным реализмом... У Кларк есть и другое редкое достоинство: она умеет живописать зло... через темные, спутанные корни жанра она углубляется в Средневековье и страшную, фрейдистскую составляющую сказок. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»

объясняет живучесть литературного вымысла: он говорит на языке наших снов. И наших кошмаров.

Time

Воображение Кларк не знает пределов; волшебный темп повествования и тонкая ирония сплетаются в величественную картину.

The New York Times

Восхищает способность Кларк выстроить полностью воображаемый мир, раскрываемый в длинных остроумных примечаниях...

The New Yorker

Какое волшебство надо вложить в восьмисотстраничный роман, чтобы он показался коротким? В чем бы ни состояло это волшебство, Сюзанна Кларк им владеет.

USA Today

Грандиозно, умно, изобретательно... Кларк пишет сдержанно и остроумно; ее стиль великолепен.

Entertainment Weekly

Кларк мастерски вместила в свои восемьсот страниц мир Джейн Остен, готический роман, светскую новеллу, военно-исторические приключения в духе «Стрелка Шарпа» и «Хозяина морей», романтический байронизм и вальтер-скоттовскую страсть к героическому прошлому Севера. Есть книги, которые читаешь, книги, которые изучаешь, и книги, в которых живешь. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» – из тех книг, в которых живешь.

The Washington Post

Соединяя фольклор с вымыслом, от которого веет романом ужасов, Кларк создает Англию наполеоновских времен, полную обещаний... опасностей... неуправляемых сил... Точный и строгий стиль придает фантазии весомость, а тщательные исторические изыскания наделяют магические эпизоды пугающим реализмом.

People

Самый блистательный литературный дебют года.

Salon

Завораживающе.

Harper's Bazaar

Восьмисотстраничный литературный вымысел – представьте себе Гарри Поттера с толкиновским флером, – альтернативная история Англии, где магия, эльфы и колдовство присутствуют в обыденной жизни... Роман, который Кларк писала больше десяти лет, заканчивается чересчур быстро.

New York Post

Вот писатель, который помнит, что сказочные персонажи вовсе не так безобидны, как предстают в пересказах для детей. Ее бесподобная книга – наглядный урок наслаждения, риска и волшебства.

Village Voice

Роскошно... Блестящая, феноменально смелая книга.
The Onion

Роман, мгновенно ставший классикой. Одна из лучших литературных фантазий всех времен.
Kirkus Reviews

Невероятно... Одинаково понравится любителям мейнстрима и фантастической прозы.
Publishers Weekly

Оглушительный успех... История и вымысел идут рука об руку...
Booklist

Чудесно. Почти восемьсот страниц плотного, закрученного повествования наполнены мастерски прописанными персонажами, неожиданными поворотами, древними пророчествами и самыми невероятными человеческими и нечеловеческими конфликтами... одна великолепная сцена сменяет другую.
Toronto Globe and Mail

«Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» составлен из равных частей Джейн Остен и Диккенса, приправленных Толкином и Роулинг. Безусловно лучший и самый оригинальный роман года.
National Post (Canada)

Ехидное остроумие Джейн Остен в сочетании с мистическим ужасом Артура Конан Дойла.
Seattle Times

Книга, которая затягивает с головой.
Baltimore Sun

Остроумные диалоги, меткие наблюдения, интригующие примечания... Головокружительное приключение, полное выразительных деталей. Из смеси истории и воображения рождается вымышленный мир, который выглядит таким же реальным, как наш собственный.
San Francisco Chronicle

Хотя в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле» присутствует тот же элемент игры, что в «Гарри Поттере», роман одновременно грустный и трагический – прямая противоположность детскому чтению... Кларк написала пронзительно точную книгу о вечных истинах.
Fort Worth Star-Telegram

Дивно. Затейливое переплетение исторической прозы с литературной сказкой понравится каждому, кто любит погрузиться в мир, созданный великолепным рассказчиком.
Denver Post

Феноменально... Если, читая «Гарри Поттера», хочется вновь стать ребенком, «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» напоминает, что быть взрослым куда увлекательнее.

Atlanta Journal-Constitution

Памяти моего брата Пола Фредерика Ганна Кларка (1961–2000)

Предисловие

Январь, я приезжаю в загородный йоркширский дворец. Парк скрыт за туманом и дождем. Дворец – полутемный лабиринт великолепных, но запустелых комнат, наполненных зимними тенями и отзвуками шагов.

Все нравится мне невероятно: идеальная обстановка для романа, стилизованного под девятнадцатый век.

Первый раз мне позвонили и сказали о возможной съемке телесериала по «Джонатану Стренджу и мистеру Норреллу» много лет назад, но теперь, когда время пришло и я здесь, в Вентворт-Вудхаусе, на меня накатывает растерянность. И дело не только в масштабе происходящего. (Взять хоть целый парад грузовиков перед фасадом, – может, мне надо кого-нибудь найти и попросить извинения за доставленные хлопоты?) И не в ощущении потусторонней, вывернутой реальности, – наверное, это свойство всех съемочных площадок. (Взять хоть мили проводов, что змеятся по лестницам и пропадают в темноте одной из сотни безымянных комнат.) Нет, больше всего меня ошеломили люди с прическами начала девятнадцатого века и в нарядах начала девятнадцатого века. Наверное, мне следовало этого ожидать, да их тут и не так много, во всяком случае, по сравнению со съемочной группой.

Однако ничто не подготовило меня к виду собственных персонажей, разгуливающих по дому. Сценарист или драматург, наверное, предвидят такое, писательница – нет и, естественно, решает, что сошла с ума. (Зачем им столько зонтов? Разве эти люди не понимают, что они все вымышленные?)

В той части Вентворт-Вудхауса, которая сейчас изображает палату общин, сэр Уолтер Поул с улыбкой бросается ко мне, чтобы сказать несколько слов. В неимоверно роскошном бальном зале леди Поул и миссис Стрендж исполняют танец собственного сочинения, комичный и в то же время грациозный. (Потом мне подарят фотографию с этой сценой.) Стивен Блэк, серьезный и сосредоточенный, держится в тени. Чилдермасс по-йоркширски раскованно протягивает мне свою колоду Таро – она теплая и приятно грубая на ощупь. Из выстроенного для танца ряда эльфов и фей машет мне джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе. (Что, признаю, совершенно не в его образе.)

Кого я, к некоторому облегчению, не встретила на съемках, так это Джонатана Стренджа и Гильберта Норрелла. Я знаю, что не встретила их, потому что самые заметные черты Стренджа и Норрелла – заносчивость и самовлюбленность. (Мне печально говорить такое о близких людях, но это правда). Те, кого я встретила вместо них – Берти Карвел и Эдди Марсан, – совсем другие, очень милые и душевные.

Месяц спустя мы в Йорке перед собором. Люди идут домой с работы, едут на машинах, едят в ресторанах. Все тихо и обыденно. И только здесь, перед величественным западным фасадом, метет метель. Через нее пробиваются волшебники в черных сюртуках и черных треуголках. В руках у них фонари. Сейчас мистер Норрелл вновь сотворит волшебство в Йоркском соборе. Прохожие останавливаются и смотрят. Посреди Йорка двадцать первого века в обычный будний день внезапно возник странный пузырь никогда не существовавшей Англии девятнадцатого столетия.

На следующий день мы с приятельницей проходим перед собором. Я смотрю под ноги и вижу, что в щелях булыжной мостовой что-то белеется.

– Ой, глянь, – говорю я. – Это мой снег.

*Сюзанна Кларк
Ноябрь 2014-го*

Том I. Мистер Норрелл

Он редко говорил о магии, а если и говорил, это больше напоминало урок истории, и ни у кого не хватало терпения его слушать.

1. Библиотека Хартфью

Осень 1806 – январь 1807 года

Некоторое время назад существовало в городе Йорке общество волшебников. Каждую третью среду месяца его члены собирались и читали друг другу длинные скучные статьи по истории английской магии.

То были волшебники-джентльмены: своим колдовством они никому не принесли и малейшего вреда, как, впрочем, и малейшей пользы. Вообще-то, сказать по правде, ни один из них за целую жизнь не произнес и одного заклинания; ни один листик не дрогнул под воздействием их чар, ни одна пылинка не сменила курса, ни один волосок не упал с чьей-либо головы. Впрочем, несмотря на упомянутое мелкое обстоятельство, они пользовались репутацией наимудрейших джентльменов в Йоркшире.

Один великий волшебник как-то сказал о своих коллегах, что те «не могут вбить себе в голову и крупицу знания, а вот ссоры и свары даются им без труда»¹, и йоркские волшебники на протяжении многих лет успешно доказывали справедливость его слов.

Осенью 1806-го к ним прибыло пополнение в лице некоего Джона Сегундуса. На первом же собрании этот джентльмен обратился к коллегам с речью. Для начала он упомянул о славной истории общества и перечислил множество именитых волшебников и ученых, состоявших в разное время в его рядах, а также намекнул, что именно желание познакомиться с обществом главным образом и привело его в Йорк. Северные волшебники, напомнил он слушателям, всегда пользовались большим уважением, чем их южные собратья. Мистер Сегундус поведал, что изучает магию на протяжении многих лет и знает практически обо всех великих чародеях прошлого, читал все последние публикации, посвященные магии, и даже сам выступил с несколькими скромными статьями. Однако с недавних пор он серьезно задумался над тем, почему великие магические свершения предстают лишь на страницах книг, но не на улицах или в газетной хронике. Мистер Сегундус желал знать, почему современные волшебники уже не способны на то колдовство, о котором так красиво пишут. Неужто в Англии разучились колдовать?

Трудно вообразить более избитый вопрос. Каждый английский ребенок рано или поздно задает его гувернантке, учителю или кому-нибудь из родителей. Однако высокоученым членам Йоркского общества вопрос этот не понравился, и вот почему: они, как и все остальные, не могли на него ответить.

Президент Йоркского общества доктор Фокскасл повернулся к Джону Сегундусу и объяснил, что неправильна сама постановка вопроса.

– Считается, будто практиковать магию – святая обязанность волшебников. Это нелепое заблуждение. Надеюсь, вы не полагаете, что задача ботаников – изобретать новые цветы? Или что астрономы должны передвигать звезды на небе? Волшебники, мистер Сегундус, изучают магию прошлого. Чего еще можно требовать?

Пожилый джентльмен с блеклыми глазами и в блеклой одежде (не то Харт, не то Хант – мистеру Сегундусу никак не удавалось толком расслышать его имя) блеклым голосом произнес, что неважно, кто чего требует. Джентльмен не может заниматься магией. Магия – это то, чем уличные шарлатаны выманивают у детишек мелкие деньги. Магия (в практическом смысле) себя скомпрометировала. Она вращается в дурном обществе, водит знакомство с бородачами, цыганами, карманниками, живет в обшарпанных комнатухах за грязными желтыми занавесками. Ну уж нет! Настоящий джентльмен никогда не будет таким заниматься! Джентльмену прилично изучать историю магии (разве можно придумать занятие благороднее!), но

¹ Джонатан Стрендж. «История и практика английской магии». Том I, глава 2. Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1816.

дальше идти не следует. Пожилой джентльмен посмотрел на мистера Сегундуса блеклым отеческим взором и выразил надежду, что тот никогда не пытался произносить заклинания.

Джон Сегундус залился краской.

Однако давно подмечено, что два волшебника – в нашем случае доктор Фокскасл и мистер Хант (он же Харт) – не могут прийти к единому мнению без того, чтобы два других не заняли тут же противоположную позицию. Некоторые совершенно неожиданно открыли для себя, что всецело согласны с мистером Сегундусом по вопросу о важности практической магии. Наиболее рьяно поддержал его некий Хонифут, приятный и дружелюбный господин лет пятидесяти пяти, седой и краснолицый. По мере того как спор накалялся и доктор Фокскасл метал в мистера Сегундуса все более и более острые стрелы сарказма, мистер Хонифут то и дело поворачивался к нему и ободряюще шептал: «Не слушайте их, сэр. Я полностью на вашей стороне», или «Вы правы, не дайте им себя смутить», или «Вы попали в самую точку, сэр! Мы никуда не движемся, потому что не догадывались задать нужный вопрос. Зато теперь, с вашей помощью, мы придем к великим свершениям».

Эти добрые слова не замедлили произвести приятное впечатление на Джона Сегундуса, глубоко потрясенного столь жарким отпором.

– Боюсь, я не угодил обществу, – прошептал он мистеру Хонифуту. – Однако, уверяю, это никак не входило в мои намерения.

Поначалу мистер Сегундус безропотно терпел, но некоторые особо язвительные выпады доктора Фокскасла вызвали его негодование.

– Этот джентльмен, – начал Фокскасл, пригвождая мистера Сегундуса ледяным взглядом, – кажется, желает, чтобы мы разделили печальную участь Манчестерского общества волшебников!

Мистер Сегундус наклонился к мистеру Хонифуту и сказал:

– Я никак не ожидал, что йоркширские волшебники окажутся такими твердолобыми. Если в Йоркшире не любят волшебство, то где же тогда его любят?

Доброта мистера Хонифута не закончилась после закрытия заседания. Он пригласил мистера Сегундуса в свой дом на Хайпитергейт – отобедать в компании миссис Хонифут и трех ее очаровательных дочерей. Мистер Сегундус, будучи холост и небогат, с огромным удовольствием принял столь лестное приглашение. После обеда старшая мисс Хонифут играла на фортепьяно, а мисс Джейн пела по-итальянски. На следующий день миссис Хонифут сказала мужу, что Джон Сегундус – истинный джентльмен, но едва ли добьется в жизни больших успехов, ибо доброта и скромность нынче не в моде.

Знакомство быстро переросло в прочную дружбу. Вскоре мистер Сегундус уже проводил в доме на Хайпитергейт два или три вечера в неделю. Когда собиралось много молодых людей, устраивали танцы. Все было очень мило, но частенько мистер Хонифут и мистер Сегундус тихонько ускользали, чтобы обсудить то единственное, что занимало обоих – почему в Англии больше не колдуют? Однако, сколько бы они ни говорили (а их беседы частенько длились до самого утра), они ни на дюйм не приблизились к разгадке. Впрочем, это и неудивительно, ведь множество волшебников, историков, ученых или просто любителей древностей спрашивали о том же вот уже двести с лишним лет.

Мистер Хонифут – высокий, бодрый, улыбчивый джентльмен с неисчерпаемым запасом энергии – любил что-нибудь делать или планировать, редко удосуживаясь спросить, зачем это надо. Нынешняя задача напомнила ему про средневековых волшебников², которые, столкнувшись с неразрешимым на первый взгляд вопросом, уезжали на год и один день в сопровождении лишь эльфа-слуги в качестве провожатого и непременно находили ответ. Мистер Хонифут сказал мистеру Сегундусу, что, по его мнению, им следует взять пример с этих великих людей,

² Правильнее называемых *ауреатами*, или волшебниками Золотого века.

уезжавших в наиболее отдаленные уголки Англии, Шотландии или Ирландии (где самый воздух пронизан магическими чарами) либо вообще покидавших наш мир, так что никто теперь не скажет наверняка, где они были и что там делали. Мистер Хонифут не предлагал заходить столь далеко и вообще сильно отдаляться от дома: стояла зима и дороги были ужасны. Однако он был твердо убежден, что им нужно *куда-нибудь* отправиться и с *кем-нибудь* посоветоваться. Они топчутся на месте; им нужна свежая струя. Впрочем, куда или к кому ехать, мистер Хонифут не знал и потому совершенно пал духом.

Несколько лет назад до Йоркского общества дошли слухи, что в Йоркшире обитает еще один волшебник. Этот джентльмен жил в самой отдаленной части графства, где (как рассказывали) проводил дни и ночи в собственной удивительной библиотеке, изучая редкие и древние магические тексты. Доктор Фокскасл выяснил, как зовут волшебника, где он живет, и отправил ему письмо с вежливым приглашением вступить в общество. В ответном письме тот благодарил за оказанную честь и выражал глубокое сожаление, что не сможет приехать: огромное расстояние между Йорком и аббатством Хартфью... дурное состояние дорог... невозможность оставить работу... и прочая, и прочая.

Все йоркские волшебники прочли письмо и сошлись во мнении, что человек с таким мелким почерком вряд ли может быть дельным волшебником. Потом – легонько вздохнув из-за того, что не увидят прославленной библиотеки, – выбросили строптивого коллегу из головы. Однако мистер Хонифут сказал мистеру Сегундусу, что ввиду чрезвычайной важности вопроса «Почему в Англии больше не колдуют?» им не следует упускать ни единой возможности. Кто знает, быть может, тот волшебник скажет что-нибудь толковое. Поэтому мистер Хонифут написал письмо, где сообщал, что они с мистером Сегундусом хотели бы посетить его в третий вторник после Рождества в два часа пополудни. Ответ пришел быстро, и мистер Хонифут со свойственной ему душевной щедростью сразу же послал за мистером Сегундусом, дабы и тот мог прочесть письмо. Мелким почерком волшебник писал, что рад будет свести знакомство. Мистер Хонифут был очень доволен и тут же пошел сказать Уотерсу, кучеру, в какой день тот будет им нужен.

Мистер Сегундус остался в комнате один на один с письмом. Он прочел: «Признаюсь, я в легкой растерянности, ибо затрудняюсь понять, чему обязан столь неожиданной честью. Трудно поверить, что йоркские волшебники, которым выпало счастье жить в окружении множества высокоученых коллег, сочли нужным советоваться с таким одиноким отшельником, как я...»

В письме сквозил тонкий сарказм; казалось, автор в каждом слове смеется над мистером Хонифутом. Мистер Сегундус порадовался, что мистер Хонифут этого не заметил, – иначе не пошел бы в таком воодушевлении говорить с Уотерсом. Послание было выдержано в столь недружелюбной манере, что мистеру Сегундусу решительно расхотелось встречаться с автором. Впрочем, подумал он, какая разница, я поеду, коли того желает мистер Хонифут. В конце концов, что мы теряем? В худшем случае увидим его, разочаруемся, и делу конец.

За день до визита погода выдалась дождливая, на бурых опустелых полях блестели длинные зигзаги луж, черепичные крыши домов превратились в каменные зеркала; экипаж мистера Хонифута ехал через мир, в котором пасмурного неба было куда больше, а твердой земли куда меньше, нежели в обычные дни.

С первого вечера мистер Сегундус намеревался расспросить мистера Хонифута об Ученом обществе манчестерских волшебников, которое доктор Фокскасл упомянул в споре. Сейчас он наконец исполнил свое намерение.

– Общество было основано в самое недавнее время, – сказал Хонифут, – и состояло из бедных священников, аптекарей, адвокатов, отошедших от дел фабрикантов и респектабельных торговцев, вызубривших пару латинских слов, и тому подобных людей, которых обычно именуют полуджентльменами. Полагаю, доктор Фокскасл был рад, когда общество распалось:

он считал, что у публики такого сорта не может быть ничего общего с магией. Впрочем, среди них попадались умные люди. Они, как и вы, начали с того, что решили возродить практическую магию. Люди деловые, они решили применить принципы разума и науки к чародейству, как применили к производству. Они назвали свое направление «Рациональным чудотворением». Когда ничего не получилось, они были сильно разочарованы, и здесь их можно понять. Однако, поддавшись разочарованию, они пришли к самым нелепым выводам. Им начало казаться, что магии вообще нет и никогда не было. Они объявили, что волшебники-ауреаты обманывали себя либо других, а Король-вброн вообще выдуман северными англичанами для защиты от тирании южных (будучи северянами, они вполне им в этом сочувствовали). Каких только доводов они не насочиняли, вполне изобретательных... забыл, как они объясняли эльфов и фей. Общество самораспустилось, а один из членов, по фамилии Обри, если не ошибаюсь, решил все записать и опубликовать. Впрочем, когда дошло до дела, на него напала сильнейшая меланхолия, и он так и не набрался сил приступить к работе.

– Бедняга, – вздохнул мистер Сегундус. – Может быть, сейчас просто не время для магии, сэр? Коммерсанты процветают, мореходы и политики тоже, да кто угодно, только не волшебники. Наше время ушло. – Он задумался. – Три года назад я был в Лондоне, там мне встретился уличный чародей, бродячий шарлатан со странным шрамом на шее. Этот человек убеждал меня расстаться со значительной суммой денег, обещая взамен раскрыть величайший секрет. Получив деньги, бродяга поведал мне, что когда-нибудь два волшебника возродят английскую магию. Не то чтобы я верил в пророчества, однако именно его слова побудили меня задуматься о причинах нашего нынешнего упадка – не странно ли?

– Вы абсолютно правы, все предсказания – чепуха, – рассмеялся мистер Хонифут. И замер, пораженный внезапно пришедшей мыслью. – Нас двое волшебников, Хонифут и Сегундус, – произнес он, словно представляя, как будут смотреться их фамилии в газетах и учебниках истории. – Хонифут и Сегундус – звучит неплохо.

Мистер Сегундус покачал головой:

– Фокусник знал, что я волшебник. Ему естественно было бы мне польстить, сказав, что я – один из этих двоих. Однако под конец он ясно дал понять, что это не я, хотя в начале разговора, кажется, еще сомневался. Что-то во мне... Он попросил меня написать мое имя на бумажке и довольно долго на нее смотрел.

– Наверняка он просто решил, что больше денег из вас не вытянешь, – сказал мистер Хонифут.

Аббатство Хартфью лежало в четырнадцати милях от Йорка. В самом его названии ощущался аромат старины. Когда-то здесь действительно было аббатство, но очень давно; нынешний дом воздвигли в правление королевы Анны. Живописная и основательная усадьба стояла в красивом парке, полном призрачных деревьев (ибо начал спускаться туман). Речка (носящая название Харт) неторопливо пересекала парк; над нею красивой дугой изгибался классических очертаний мост.

Волшебник (фамилия его была Норрелл) встретил гостей в прихожей. Он был мелкий, как и его почерк, а говорил так тихо, словно не привык выражать мысли вслух. Мистер Хонифут, чуть туговатый на ухо, не разобрал его слова: «Я старею, сэр, – недостаток довольно пространственный, так что не обессудьте».

Мистер Норрелл провел гостей в красивую гостиную, в которой ярко пылал камин. Свечи были погашены; свет лился через два больших окна, Впрочем серый и безрадостный. Мистеру Сегундусу все время казалось, что в комнате горят свечи или второй камин, поэтому он часто оборачивался, ища их глазами, однако ничего такого не видел – разве что зеркало или старинные часы.

Мистер Норрелл сообщил, что ему доводилось читать работу мистера Сегундуса о волшебных слугах Мартина Пейла³:

– Добротное исследование, сэр, однако вы не упомянули о мастере Пустодуме. Безусловно, малозначительный дух, чья полезность для великого доктора Пейла весьма сомнительна⁴. Тем не менее без него ваша работа неполна.

– Эльф Пустодум, сэр? – повторил мистер Сегундус после непродолжительного молчания. – Мм... Что-то не припомню такого – в этом мире или в другом.

Впервые с их встречи мистер Норрелл улыбнулся, однако как будто про себя.

– Ну конечно. Простите, запямятовал. Пикл и Холгарт рассказывают о нем в своей книге, которую вы вряд ли читали. И хорошо – отвратительная была парочка, более мошенники, нежели чародеи; чем меньше о них знать, тем лучше.

– О да, сэр! – воскликнул мистер Хонифут, подозревая, что волшебник рассказывает об одной из своих книг. – Мы наслышаны о вашей библиотеке. Все волшебники Йоркшира умирают от зависти, когда слышат о вашем великолепном собрании!

– Неужто? – холодно бросил мистер Норрелл. – Не ожидал. Вот уж не думал, что мои дела столь широко обсуждаются... наверно, это Торогуд. – Волшебник назвал человека, который торговал книгами и разными диковинами на улице Кофе-Ярд в Йорке. – Чилдермасс несколько раз предупреждал, что Торогуд – болтун.

Мистер Хонифут не понимал недовольства хозяина. Будь у него самого столько магических книг, он бы радовался, что их обсуждают и превозносят; ему трудно было поверить, что мистеру Норреллу это неприятно. Поэтому он вообразил, будто тот робок, и, дабы его подбодрить, продолжил:

– Простите, сэр, не позволите ли вы нам взглянуть на вашу прославленную библиотеку?

Мистер Сегундус был уверен, что мистер Норрелл откажет, но тот, еще раз внимательно оглядев гостей (глаза его, маленькие и голубые, смотрели словно из какого-то укрытия), согласился почти любезно. Мистер Хонифут рассыпался в благодарностях, убежденный, что угодил и хозяину, и самому себе.

Мистер Норрелл повел их по коридору (самому обычному, подумал мистер Сегундус), обшитому дубом и с дубовыми же, пахнущими воском полами, затем по лестнице – хотя, может быть, то были лишь три или четыре ступени – и по другому коридору, где воздух был холоднее, а пол – вымощен добрым йоркским камнем. Все выглядело совершенно непримечательным. (Только вот шли они вторым коридором до лестницы или позже? И была ли вообще лестница?) Мистер Сегундус обладал счастливой способностью всегда знать, где север, где юг, где запад и где восток. Он ничуть не гордился своим талантом – это было столь же естественно, как знать, что голова по-прежнему находится у него на плечах, – однако в доме мистера Норрелла этот дар полностью исчез. Мистер Сегундус не мог восстановить в памяти последовательность комнат и коридоров, ни даже сказать, как долго они шли до библиотеки. И он не чувствовал направления, как будто мистер Норрелл открыл некую пятую страну света: ни запад, ни восток, ни север, ни юг, а какую-то иную, – и в эту сторону он их как раз и вел. Впрочем, по мистеру Хонифуту было не сказать, чтобы он заметил какую-нибудь странность.

Библиотека была, наверное, чуть меньше гостиной. Здесь тоже жарко пылал камин и все дышало спокойствием и уютом. Однако освещение комнаты опять не соответствовало трем высоким решетчатым окнам, и у мистера Сегундуса вновь появилось неуютное чувство, будто должен быть второй камин, еще окна, свечи или что-нибудь в таком роде. За теми окнами,

³ Джон Сегундус. «Полное описание волшебных слуг доктора Пейла, их имена, история и характеры». Изд-во Томаса Борнхема: Нортгемптон, 1799.

⁴ Доктор Мартин Пейл (1485–1567), сын уорикского кожевника, был последним из ауреатов, или волшебников Золотого века. После него и другие называли себя волшебниками (как, например, Грегори Авессалом), но их репутация небесспорна. Пейл определенно последним из английских волшебников посетил Страну Фей.

которые он видел, лил серый английский дождь, и мистер Сегундус не мог определить, в какой части дома они находятся.

Комната была не пуста. При их появлении из-за стола поднялся человек, которого мистер Норрелл представил как Чилдермасса – своего управляющего.

Мистеру Хонифуту и мистеру Сегундусу можно было не говорить, что библиотека аббатства Хартфью дороже ее обладателю всех остальных сокровищ; они ничуть не удивились, что мистер Норрелл соорудил для любимого детища изысканный ларец. Шкафы английского дерева напоминали резные готические арки. Резьба изображала листья (сухие и скрученные, словно художник хотел передать осень), переплетенные ветви и корни, ягоды и плющ – все изумительной работы. Однако куда удивительнее шкафов были сами книги.

Человек, приступающий к изучению колдовского искусства, первым делом узнает, что есть книги *о* магии, а есть – *по* магии. Следом он узнает и другое: что первые можно приобрести за две-три гиней в хорошей книжной лавке, а вторые ценятся превыше рубинов⁵. Библиотека Йоркского общества считалась очень хорошей, почти исключительной; ее обширное собрание включало целых пять трудов, которые были написаны между 1550 и 1700 годами и могли, следовательно, без большого преувеличения именоваться книгами по магии (хотя одна и состояла лишь из двух затертых страниц). Книги по магии почитались большой редкостью; ни Сегундусу, ни Хонифуту не доводилось видеть в частном собрании больше одной-двух. В Хартфью все стены были заставлены шкафами, а все шкафы – наполнены фолиантами. И все или почти все они были старыми – книги по магии! Да, среди переплетов попадались и новые, но то были тома, которые мистер Норрелл сам отдал переплести (очевидно, он предпочитал бурую кожу с серебряным тиснением). Однако были и совсем старые, с ветхими корешками и затертыми углами.

Мистер Сегундус взглянул на ближайшую полку; первым ему попало на глаза название «Как вопросить тьму и ответы ея уразуметь».

– Пустая книжонка, – сказал мистер Норрелл.

Мистер Сегундус вздрогнул: он не думал, что хозяин стоит так близко.

Мистер Норрелл продолжил:

– Не советую забивать ею голову.

Мистер Сегундус взглянул на следующую книгу: «Наставления» Белазиса.

– Вы ведь знаете Белазиса? – спросил мистер Норрелл.

– Только понаслышке, сэр, – ответил мистер Сегундус. – Говорят, будто он владел ключами от многих тайн, но сведущие люди в один голос уверяют, что все экземпляры «Наставлений» давным-давно утрачены. Однако вы владеете одним из них! Это поразительно, сэр! Какое счастье!

– Вы возлагаете на Белазиса чересчур большие надежды, – заметил Норрелл. – Когда-то я думал в точности как вы. Помню, несколько месяцев я каждый день посвящал его книгам

⁵ Волшебники, как мы знаем по изречению Джонатана Стренджа, ссорятся и спорят по любому поводу; много времени и усилий потрачено на изучение вопроса, может ли то или иное сочинение считаться книгой по магии. Однако рядовые волшебники довольствуются следующим простым правилом: книги, написанные до того, как в Англии иссякло колдовское искусство, – по магии; все, что позже, – о магии. Они исходят из того, что книги по волшебству должны писать практикующие волшебники, а не теоретики и не историки магии. Казалось бы, что может быть логичнее? Однако мы тут же сталкиваемся с затруднением. Великие мастера магии, те, кого мы зовем ауреатами, или магами Золотого века (Томас Годблесс, Ральф Стокси, Екатерина Винчестерская, Король-ворон), либо почти ничего не писали, либо их сочинения не дошли до нашего времени. Весьма вероятно, что Томас Годблесс был неграмотным. Стокси посещал приходскую школу в Девоншире, где учил в том числе латынь, однако мы знаем о нем из чужих трудов.⁵ (прод.) Волшебники начали писать книги лишь на закате магии. Свет английской магии уже частично померк; те, кого мы зовем магами Серебряного века, или аргентианами (Томас Ланчестер, 1518–1590; Жак Белазис, 1526–1604; Никлас Губерт, 1535–1578; Грегори Авессалом, 1507–1599), были слабыми огоньками в сумерках, в первую очередь учеными и лишь во вторую – волшебниками. Разумеется, они уверяли, будто творят какие-то чары, у некоторых был даже волшебный слуга или два, однако достижения их невелики, и ряд современных исследователей вообще отказывает им в умении колдовать.

по восемь часов – честь, которой не удостоивал ни одного автора ни до, ни после. В конечном счете он меня разочаровал. Он туманен там, где следует быть вразумительным, и вразумителен там, где следует прибегнуть к иносказаниям. Есть вещи, не предназначенные для всех. Теперь я уже не такого высокого мнения об этом человеке.

– Здесь есть книга, о которой я никогда не слышал, – произнес мистер Сегундус, – «Преимущества иудеохристианской магии». Что вы о ней скажете?

– Ха! – вскричал Норрелл. – Данный труд датируется семнадцатым веком, но я бы не стал его превозносить. Автор – пьяница, мошенник, распутник и лгун. Я рад, что его безвозвратно забыли.

По-видимому, мистер Норрелл презирал не только ныне живущих магов. Он взвесил всех волшебников прошлого на весах и нашел их очень легкими.

Хонифут тем временем, воздев руки, словно методистский священник, возносящий хвалу Господу, быстро переходил от шкафа к шкафу; не успевал он прочитать одно название, как взгляд его привлекала другая книга в противоположном конце комнаты.

– О, мистер Норрелл! – вскричал он. – Сколько книг! Здесь-то мы точно найдем ответы на все наши вопросы!

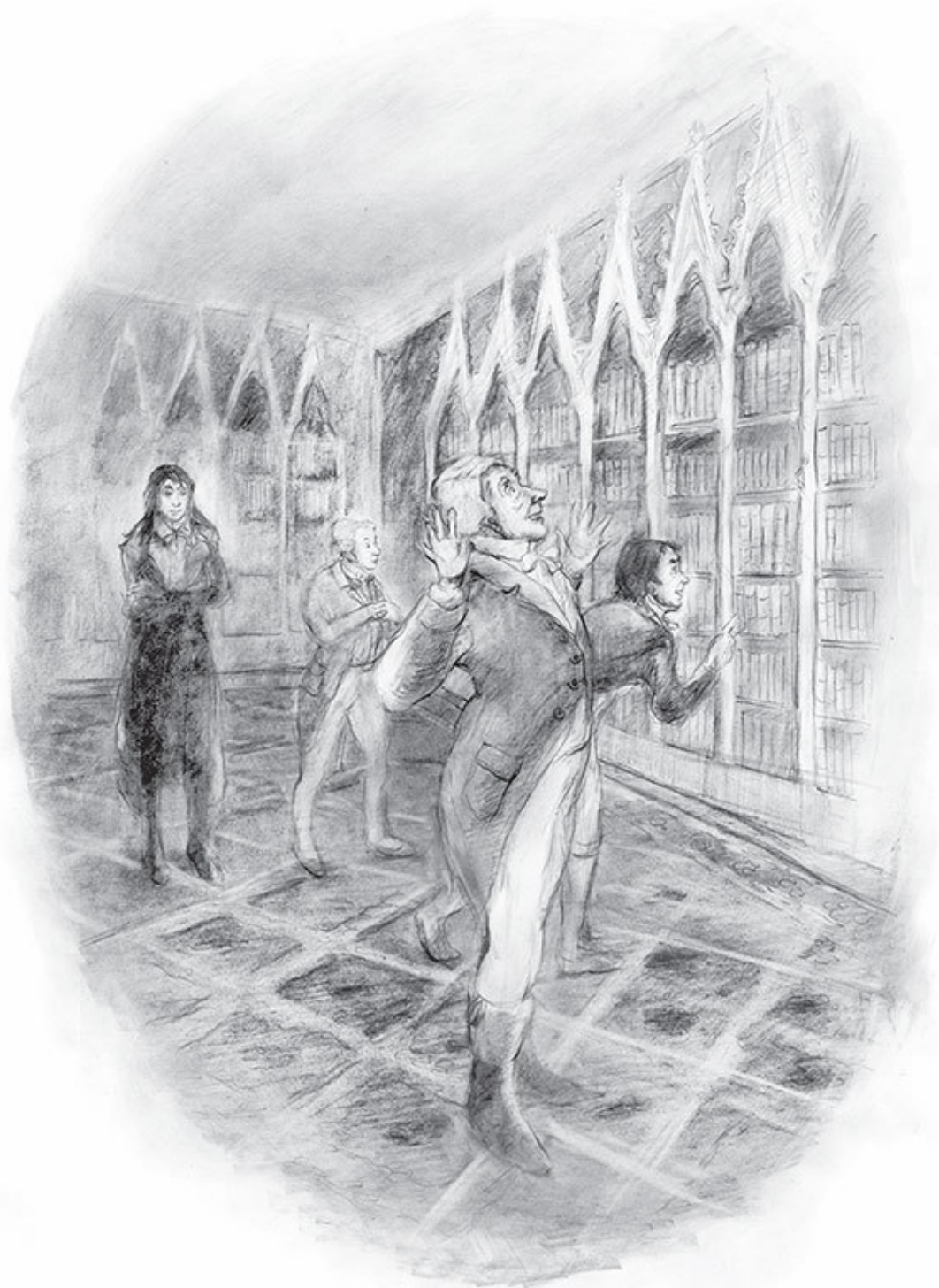
– Сомневаюсь, сэр, – сухо отвечал мистер Норрелл.

Управляющий коротко хохотнул; смех явно относился на счет мистера Хонифута, однако мистер Норрелл не выразил упрека ни взглядом, ни словом, так что мистер Сегундус подумал: интересно, какого рода дела поручает ему мистер Норрелл? С длинными волосами, спутанными, как дождь, и черными, как буря, он естественнее смотрелся бы на вересковой пустоши, или в темной подворотне, или, возможно, в романе госпожи Радклиф.

Сегундус снял «Наставления» Жака Белазиса и, несмотря на скептическое отношение к ним хозяина, сразу же прочел два удивительных отрывка⁶, затем, понимая, что время идет, и чувствуя на себе недружелюбные взгляды управляющего, открыл другой том – «Преимущества иудеохристианской магии». Это была не напечатанная книга, как он ожидал, а торопливые рукописные заметки на оборотной стороне всевозможных клочков бумаги, главным образом – на счетах питейных заведений. На них мистер Сегундус прочитал о невероятных приключениях. Живший в семнадцатом веке волшебник с помощью скудных колдовских средств силился противостоять великим и могущественным неприятелям в борьбе, на которую вол-

⁶ В первом абзаце, который мистер Сегундус прочел, говорилось об Англии, Стране Фей (которую волшебники иногда называют «Иные Края») и некой местности, лежащей якобы по дальнюю сторону ада. Мистер Сегундус что-то слышал о символической и магической связи между этими землями, но ни разу не читал столь четкого разъяснения. Второй отрывок рассказывал о величайшем английском волшебнике, Мартине Пейле. В «Древе познания» Грегори Авессалома есть знаменитое описание того, как Мартин Пейл, последним из англичан путешествуя по Стране Фей, посетил тамошнего принца. Как большинство эльфов и фей, принц этот носил множество имен, титулов, почетных званий и прозвищ; однако обычно его называют Холодным Генри. Холодный Генри встретил гостя пространной и почтительной речью. Она была полна метафор и невнятных аллюзий, однако, судя по всему, Холодный Генри говорил о том, что эльфы и феи – существа по природе своей зловерные и порою сами не понимают, когда творят дурное. На это Мартин Пейл коротко и загадочно ответил, что не у всех англичан ноги одинакового размера. Несколько столетий никто не мог взять в толк, что это означает. Выдвигался ряд теорий, и Джон Сегундус знал их все. Самую популярную предложил Уильям Пантлер в начале XVIII века. Пантлер сказал, что Холодный Генри и Пейл говорили о богословии. Волшебные существа (как всем известно) не могут принадлежать к Церкви; Искупление на них не распространяется, и что с ними будет в день Страшного суда, никто не знает. Согласно Пантлеру, Холодный Генри спрашивал Пейла, могут ли эльфы, подобно людям, наследовать жизнь вечную. Своим ответом – что не у всех англичан ноги одного размера – Пейл выразил мысль, что не все англичане спасутся. Исходя из своей гипотезы, Пантлер приписал Пейлу довольно странную веру, будто Царствие Небесное может вместить лишь ограниченное число праведников – всякий англичанин, обреченный вечному проклятию, освобождает место для эльфа. Вся репутация Пантлера как волшебника-теоретика основана исключительно на книге, посвященной развитию этой его мысли. В «Наставлениях» Жака Белазиса мистер Сегундус прочел совершенно другое объяснение. За три столетия до Мартина Пейла замок Холодного Генри посетил еще более великий английский волшебник – Ральф Стокси – и оставил там свои башмаки. Башмаки, пишет Белазис, были старые – потому-то Стокси и не забрал их с собой, однако их присутствие в замке наводило ужас на эльфов, которые к английским волшебникам относились с огромным благоговением. В частности, Холодный Генри не находил себе покоя, ибо вообразил, будто неким непостижимым образом христианская мораль осудит его в случае утраты башмаков. Он пытался избавиться от тягостной обузы, передав башмаки Пейлу, однако тот отказался их брать.

шебнику-человеку дерзать не следовало. Покуда он записывал историю своих побед и поражений, вокруг сжималось кольцо врагов. Автор знал, что время на исходе и лучшее, на что он может надеяться, – это смерть.

Темнело, и старинный почерк все труднее было разбирать. Вошли слуги и под взглядами странного управляющего зажгли свечи, задернули шторы и подбросили в камин угля. Мистер

Сегундус решил напомнить мистеру Хонифуту, что они еще не сказали мистеру Норреллу о цели своего визита.

Покидая библиотеку, мистер Сегундус обратил внимание на одну странность: возле камина стояло кресло, рядом на столике лежал кожаный переплет очень древней книги, ножницы и большой нож (садовники обычно обрезают такими ветки), но самих страниц было не видать. Может, их отправили в мастерскую, чтобы переплести заново? Однако старый переплет выглядел довольно прочным, да и зачем бы мистеру Норреллу вынимать их самому с риском испортить? Это работа для опытного переплетчика.

Когда они вновь уселись в гостиной, мистер Хонифут обратился к хозяину:

– Сэр, увиденное сегодня убеждает меня, что именно вы сумеете нам помочь. Мы с мистером Сегундусом считаем, что современные волшебники идут по ложному пути; они тратят силы на пустяки. Вы согласны?

– О, несомненно! – отвечал мистер Норрелл.

– Так вот наш вопрос, сэр, – продолжил мистер Хонифут. – Отчего великое искусство захирело? Почему в Англии больше не колдуют?

Маленькие глаза мистера Норрелла стали жестче и ярче; он сжал губы, словно перебывая тайную радость. Казалось, он долгие годы ждал этого вопроса и давно приготовил ответ.

– Простите, сэр, но я вряд ли смогу вам помочь, ибо не понимаю вопрос. Он неверен. Магия в Англии не умерла. Я, к примеру, вполне сносный практикующий волшебник.

2. Таверна «Старая звезда»

Январь-февраль 1807 года

Как только экипаж выехал за ворота владений мистера Норрелла, мистер Хонифут воскликнул:

– Настоящий практикующий волшебник в Англии! Здесь, в Йоркшире! Какая удача! И все благодаря вам, мистер Сегундус. Вы бодрствовали, покуда мы все спали. Если бы не вы, мы, возможно, никогда бы не нашли мистера Норрелла. И я убежден, что он, как человек немного замкнутый, никогда не стал бы искать нас сам. Он не распространялся о своих достижениях, лишь упомянув самый их факт. Полагаю, это признак робкой натуры. Мистер Сегундус, думаю, вы согласитесь, что наша задача ясна. Нам выпала великая миссия, сэр, преодолеть природную робость Норрелла и торжественно вывести его на широкую публику!

– Возможно, – неуверенно отвечал мистер Сегундус.

– Я не говорю, что это будет просто, – произнес мистер Хонифут. – Он чуточку замкнут и не любит общества. Однако должен же он понять, что столь ценное знание необходимо делить с другими ради блага страны! Он джентльмен, сознает свой долг и выполнит его, я уверен. Ах, мистер Сегундус! Вы заслуживаете самой глубокой признательности со стороны всех английских волшебников!

Однако вне зависимости от того, что мистер Сегундус заслужил, печальный факт остается фактом: английские волшебники на редкость неблагодарные люди. Мистер Хонифут и мистер Сегундус сделали, возможно, самое значительное открытие в магической науке за последние три столетия – и что с того? Едва ли не каждый член Йоркского общества, узнав об их открытии, тут же подумал, что справился бы значительно лучше, – и в следующий вторник на чрезвычайном собрании Ученого общества йоркских волшебников многие поспешили об этом заявить.

В семь часов во вторник вечером верхняя комната таверны «Старая звезда» на Стоунгейт была переполнена. Весть, которую доставили мистер Хонифут и мистер Сегундус, всколыхнула всех джентльменов, когда-либо заглядывавших в магическую книгу, – а Йорк, несмотря ни на что, оставался одним из центров волшебства в Англии; большим количеством чародеев мог похвастаться разве что Ньюкасл, город короля.

Хотя слуги непрерывно приносили снизу все новые стулья, многим пришлось стоять. Доктор Фокскасл завладел превосходным креслом, высоким, черным, покрытым причудливой резьбой; кресло это (скорее напоминавшее трон), красные бархатные занавеси за спиной и то, как он сидел, положив руки на большой круглый живот, – все придавало ему величавый вид.

Слуги развели в камине жаркий огонь, чтобы прогнать январскую стужу, и рядом с ним расположились старейшие волшебники (времен, надо думать, примерно Георга II) – закутанные в пледы, с паутиной старческих морщин на увядших лицах, в сопровождении столь же дряхлых лакеев, держащих наготове склянки с лекарствами. Мистер Хонифут приветствовал их словами:

– Здравствуйте, мистер Аптри! Здравствуйте, мистер Грейшип! Надеюсь, вы в добром здравии, мистер Танстол? Рад видеть вас здесь, джентльмены! Надеюсь, вы прибыли, дабы разделить нашу радость? Годы бесплодных скитаний позади! Ах! Вам ли, мистер Аптри и мистер Грейшип, не знать, что это были за годы – ведь вы столько их прожили! Однако теперь волшебство вновь станет Англии советником и защитником! А французы, мистер Танстол! Что почувствуют французы, когда узнают? Ничуть не удивлюсь, если они тут же капитулируют.

Мистер Хонифут мог бы говорить еще долго; он подготовил целую речь, в которой намеревался изложить все преимущества, какие сулит Великобритании их открытие. Однако ему дали произнести лишь несколько фраз, ибо каждого джентльмена в комнате распирало соб-

ственное мнение и каждый желал безотлагательно высказаться. Первым мистера Хонифута прервал доктор Фокскасл. Сидя на большом черном троне, он изрек следующее:

– Прискорбно видеть, сэр, как вы порочите магию – к которой, знаю, питаете самое искреннее уважение – небылицами и вздорными выдумками. Мистер Сегундус, – он повернулся к джентльмену, которого считал источником всех нынешних неприятностей, – уж не знаю, каковы обычаи в краях, откуда вы родом, но мы в Йоркшире не любим тех, кто добивается известности за счет чужого спокойствия.

Это все, что доктор Фокскасл успел сказать, прежде чем сторонники мистера Сегундуса и мистера Хонифута заглушили его возмущенными криками. Следующий оратор задался вопросом, не обманулись ли мистер Сегундус и мистер Хонифут. Ведь ясно, что Норрелл – сумасшедший и ничем не отличается от умалишенного, который стоит на улице и кричит, что он – Король-ворон.

Джентльмен с соломенными волосами в большом волнении обратился к мистеру Хонифуту и мистеру Сегундусу и потребовал, чтобы мистер Норрелл немедленно оставил свой дом и торжественно прибыл в Йорк в открытой коляске (хотя стоял январь), дабы джентльмен с соломенными волосами мог усыпать дорогу перед ним листьями плюща⁷, а некий дряхлый волшебник у камина что-то страстно объяснял другому, но, поскольку от старости голос у него был совсем тихий, никто не удосужился разобрать, что он говорит.

Был в комнате высокий, рассудительный джентльмен по фамилии Торп, мало смыслящий в магии, зато обладающий редким для волшебника здравым смыслом. Он и раньше считал, что мистер Сегундус заслуживает поддержки в решении вопроса, отчего в Англии нет практической магии, хотя, как и все остальные, не думал, что ответ будет получен так скоро. И теперь мистер Торп полагал, что ответ этот не следует отметить с порога.

– Господа, нам сказали, что мистер Норрелл умеет колдовать. Весьма отрадно. Мы все слышали о редкостных текстах, которыми Норрелл якобы владеет, и уже по одной этой причине не должны сразу от него отмахиваться. Однако главный аргумент в пользу мистера Норрелла таков: два наших собрата, оба трезвомыслящие ученые, видели Норрелла и поверили ему. – Он обратился к мистеру Хонифуту: – Вы верите в Норрелла – любой может прочесть это по вашему лицу. Вы видели что-то, убедившее вас в его способностях, – не расскажете ли нам, что это было?

Тут мистер Хонифут повел себя немного странно. Сначала он благодарно улыбнулся мистеру Торпу, как если бы только и мечтал объявить во всеуслышание причины, по которым поверил в магию мистера Норрелла, и уже открыл было рот, чтобы начать, но резко замер, осекся и принялся озираясь по сторонам, словно превосходные доводы, казавшиеся столь вескими мгновение назад, обратились в пар, а губы и язык не успели схватить и одного из них, дабы облечь в связное английское предложение. Он пробормотал что-то о честном выражении лица мистера Норрелла.

Йоркских волшебников такой ответ явно не удовлетворил (а если бы они имели честь самолично лицезреть мистера Норрелла, этот довод убедил бы их еще меньше). Так что Торп повернулся к мистеру Сегундусу и сказал:

– Мистер Сегундус, вы тоже видели Норрелла. Каково ваше мнение?

Только тут йоркские волшебники заметили, как бледен мистер Сегундус. Некоторые вспомнили, что он не ответил на их приветствия при встрече, как если бы пребывал в некоторой рассеянности.

– Вам нездоровится, сэр? – мягко спросил мистер Торп.

– Нет-нет, – пробормотал мистер Сегундус. – Пустяки.

⁷ В Древнем Риме триумфаторов венчали лавровыми венками; дорога любимцев Фортуны, как уверяют, усеяна розами, однако английские волшебники всегда достаивались лишь простого плюща.

Однако выглядел он настолько потеряннным, что один джентльмен уступил ему стул, другой принес бокал канарского, а взволнованный джентльмен с соломенными волосами, желавший устлать дорогу мистера Норрелла листьями плюща, втайне подумал, что мистер Сегундус заколдован и они смогут увидеть что-то необычайное!

Мистер Сегундус сказал со вздохом:

– Благодарю вас. Я здоров, но на прошлой неделе меня не отпускали тягостная подавленность и отупение. Миссис Плезанс поила меня горячей лакричной настойкой, однако без всякого результата – что неудивительно, ибо, полагаю, причина расстройства заключается в моей голове. Сейчас мне лучше. На ваш вопрос, господа, отчего я полагаю, будто волшебство вернулось в Англию, я должен был бы ответить: потому что я видел его в действии. Ощущение, что я видел волшебство, живет здесь и здесь... – Мистер Сегундус приложил руку сначала ко лбу, потом к сердцу. – И все же... я знаю, что не видел ровным счетом ничего. За то время, что мы с ним провели, мистер Норрелл не сделал ничего особенного. Посему полагаю, что мне почудилось.

Новая вспышка чувств среди собравшихся. Блеклый джентльмен блекло улыбнулся и спросил, удалось ли кому-нибудь хоть что-либо понять. Тут мистер Торп вскричал:

– Господи! Без толку сидеть и спорить, умеет Норрелл колдовать или нет. Думаю, все мы разумные люди, и ответ, конечно же, прост: попросим его в подтверждение своих слов совершить какое-нибудь волшебство.

Идея показалась настолько здравой, что волшебники на мгновение затихли, хотя нельзя сказать, что предложение всем пришлось по душе. Некоторым (в том числе доктору Фокскаслу) оно решительно не понравилось. Если они попросят Норрелла сотворить волшебство, есть опасность, что тот и впрямь его сотворит. Они не желали видеть настоящее волшебство, а хотели лишь читать про него в книгах. Другие полагали, что, даже согласившись на такую малость, Йоркское общество выставит себя на посмешище. Однако в конце концов большинство джентльменов согласилось с мистером Торпом, что «как ученые, господа, мы должны хотя бы предоставить мистеру Норреллу возможность нас убедить». Посему решили, что кто-нибудь напишет мистеру Норреллу письмо.

Всем было ясно, что мистер Хонифут и мистер Сегундус показали себя не с лучшей стороны, а в случае замечательной библиотеки мистера Норрелла так и совсем оплошали, поскольку не могли дать о ней никакого связного отчета. Что они видели? О, книги, очень много книг. Великое множество? Да, они полагали, что собрание изумило их своей обширностью. Редкие книги? Ах, вероятно. Им позволили снять их и полистать? О нет! Мистер Норрелл не зашел в своей любезности так далеко. Но они ведь читали названия? Да, конечно. Ладно, так пусть скажут хотя бы, что это были за книги. Они не знали; не могли вспомнить. Мистер Сегундус сказал, что название одной начиналось на букву «Б», но ничего более сообщить не сумел. Это было очень странно.

Мистер Торп хотел сам написать мистеру Норреллу, но большинство присутствующих стремились главным образом поставить мистера Норрелла на место и справедливо полагали, что лучший способ оскорбить самозванца – поручить составление письма доктору Фокскаслу. Итак, письмо было написано и отправлено. Через некоторое время пришел сердитый ответ.

Аббатство Хартфью, Йоркшир

1 февраля 1807 года

Сэр!

Дважды за последние годы я имел честь получить от членов Ученого общества йоркских волшебников письмо с просьбой о знакомстве. Теперь приходит третье, извещающее, что общество недовольно. Сдается, что доброе мнение Йоркского общества утратить так же легко, как и приобрести, оставаясь при сем в неведении о причинах как одного, так и другого. В ответ на

изложенные в письме обвинения, будто я приписал себе способности, коими якобы не могу обладать, отвечу одно: другие легко объясняют свои неудачи изъянами мира, а не собственным невежеством, однако истина такова: волшебство столь же достижимо в нашем веке, как и в любом другом, что я за последние двадцать лет не раз доказал, к полному своему удовлетворению. И какова же награда за то, что я люблю магическое искусство более других? За то, что штудировал его прилежней? Теперь распространяются слухи, будто я выдумщик; мои профессиональные способности приуменьшаются, а мои слова ставятся под сомнение. В данных обстоятельствах вы, полагаю, не сильно удивитесь, если я скажу, что не слишком расположен делать Йоркскому обществу какие-либо одолжения и в особенности демонстрировать колдовство. Ученое общество йоркских волшебников встретится в следующую среду; к этому сроку я и сообщу вам о своих намерениях.

Ваш покорный слуга

Гильберт Норрелл.

Все это было загадочно и неприятно. Волшебники-теоретики нервно ждали, что же теперь придет им практикующий чародей. Однако мистер Норрелл прислал им всего лишь стряпчего – весьма обходительного и совершенно обычного стряпчего по фамилии Робинсон, в аккуратном черном костюме, лайковых перчатках и с документом, подобных которому члены Йоркского общества никогда прежде не видели, – проектом соглашения, составленным в соответствии с давно забытым кодексом английской магии.

Мистер Робинсон вошел в верхнюю комнату таверны ровно в восемь, явно полагая, что его там ждут.

У мистера Робинсона была контора с двумя клерками на Кони-стрит, и многие джентльмены его знали.

– Признаюсь, господа, – улыбнулся мистер Робинсон, – что документ сей по большей части составлен моим клиентом, мистером Норреллом. Я не разбираюсь в чародейском праве, да и кто теперь разбирается? Если я в чем-то ошибся, вы любезно меня поправите.

Несколько йоркских волшебников важно кивнули.

Мистер Робинсон был человеком безупречным во всех отношениях. Он был настолько чист, здоров и доволен жизнью, что практически светился – качество, естественное в ангеле или эльфе, но несколько смущающее в стряпчем. Он был очень почтителен к членам Йоркского общества, ибо ничего не знал о магии, однако полагал, что дело это трудное и требующее большого напряжения ума. Ему льстила мысль, что столь ученые мужи временно оставят размышления о глубоких и загадочных материях, дабы его выслушать. Он надел золотое пенсне, добавив еще немного блеска своей сияющей особе.

Мистер Робинсон объявил, что мистер Норрелл готов показать волшебство в определенном месте в определенное время.

– Надеюсь, джентльмены, вы не возражаете против того, чтобы мой клиент назначил место и время?

Волшебники не возражали.

– В таком случае кафедральный собор, в пятницу через две недели⁸.

⁸ Главная церковь Йорка – собор в двух смыслах: кафедральный собор, поскольку здесь расположена архиепископская кафедра, и просто собор, или соборный храм, как называют церкви, основанные в древности римскими миссионерами. Прежде жители Йорка называли его просто собором, но теперь предпочитают говорить «кафедральный собор», поскольку это возвышает их храм над церквями соседних городов Рипон и Беверли. В Рипоне и Беверли есть соборы, но не кафедральные.

Мистер Робинсон сказал, что если мистер Норрелл не сумеет сотворить волшебство, то публично откажется от притязаний на звание практикующего волшебника и волшебника вообще и даст клятву никогда их больше не повторять.

– В этом нет надобности, – отвечал мистер Торп. – Мы не желаем наказать его; мы просто хотим убедиться в правдивости его слов.

Сияющая улыбка мистера Робинсона померкла, как будто он собирался сказать что-то неприятное и не знал, как к этому приступить.

– Погодите, – сказал мистер Сегундус. – Мы еще не выслушали другую часть сделки и не знаем, чего он хочет от нас.

Мистер Робинсон кивнул. Мистер Норрелл желал получить от них точно такое же обещание. Другими словами, если он докажет свои магические способности, то они должны беспрекословно распустить Ученое общество и не претендовать более на звание волшебников. В конце концов, сказал мистер Робинсон, это будет только справедливо, ведь мистер Норрелл докажет свое право именоваться единственным волшебником в Йоркшире.

– Можем ли мы взять с собою третье лицо, некую независимую сторону, которая решит, было ли волшебство? – спросил мистер Торп.

Вопрос, казалось, озадачил мистера Робинсона. Он выразил надежду, что они не сочтут его слова за обиду, но он полагал, что все здесь присутствующие джентльмены – волшебники.

О да, закивали члены Йоркского общества, они все волшебники.

В таком случае, сказал мистер Робинсон, они признают волшебство, когда его увидят? Кто справится с этим лучше их?

Другой джентльмен спросил, какое волшебство Норрелл намеревается показать? Мистер Робинсон рассыпался в учтивых извинениях: на этот вопрос он ответить не может, поскольку сам ничего не знает.

Не стану утомлять читателя перечислением всего, что члены Йоркского общества сказали перед тем, как подписать документ. Многими двигало тщеславие: они публично объявили, что не верят Норреллу, и публично бросили ему вызов; в таких обстоятельствах глупо было бы менять позицию – по крайней мере, так они полагали.

Мистер Хонифут, с другой стороны, подписался именно потому, что искренне верил в Норрелла. Мистер Хонифут надеялся, что мистер Норрелл получит всеобщее признание и употребит свое волшебство на благо страны.

Некоторых джентльменов толкнула на подписание мысль (высказанная Норреллом и подспудно переданная Робинсоном), что в противном случае они не вправе именоваться волшебниками.

Так, один за другим, все волшебники Йорка подписали документ. Остался только мистер Сегундус.

– Я не подпишу, – сказал он. – Ибо магия – моя жизнь, и хотя мистер Норрелл справедливо называет меня невеждой, что я буду делать, если ее лишусь?

Тишина.

– О! – сказал мистер Робинсон. – Хорошо... вы уверены, сэр, что не хотите подписывать документ? Все ваши друзья его подписали. Вы остаетесь в одиночестве.

– Уверен, – ответил мистер Сегундус. – Спасибо.

– О! – вновь промолвил мистер Робинсон. – Должен признать, что не знаю, как поступить. Клиент поручил мне совершить дальнейшие шаги лишь в том случае, если все подпишутся. Я посоветуюсь с клиентом завтра утром.

Доктор Фокскасл довольно громко шепнул мистеру Харту не то Ханту, что снова от ново-прибывшего одни неприятности.

Однако через два дня мистер Робинсон явился к доктору Фокскаслу с известием, что мистер Норрелл принимает отказ мистера Сегундуса; он считает, что заключил контракт со всеми членами Йоркского общества, *за изъятием* мистера Сегундуса.

В ночь перед назначенной встречей пошел снег, к утру городские слякоть и грязь исчезли, сменившись безукоризненной белизной. Люди и лошади ступали почти бесшумно, и даже голоса йоркцев звучали как-то необычно. Мистер Норрелл назначил очень раннее время. В своих домах члены Йоркского общества завтракали поодиночке, молча глядя, как слуга наливает кофе и мажет маслом белую булочку. Жена, сестра, дочь, невестка или племянница, которая обычно брала на себя эти заботы, еще не встала с постели; милая женская болтовня, которую члены Йоркского общества на словах так презирали и которая на самом деле звучала уютным и тихим рефреном к музыке их обыденной жизни, отсутствовала. Да и сами комнаты, в которых эти джентльмены завтракали, переменились. Зимний полумрак уступил место пугающему свету зимнего солнца, многократно отраженного от заснеженной земли. Розочки на дочерином кофейном сервизе как будто приплясывали. Зайчики били от племянницына серебряного кофейника, а невесткины улыбающиеся фарфоровые пастушки преобразились в светозарных ангелов. Казалось, стол накрыт волшебным хрусталем и серебром.

Мистер Сегундус, выглянув в окно четвертого этажа на Леди-Пекитс-Ярд, подумал, что, может быть, мистер Норрелл уже начал колдовать и снег – его рук дело. Сверху что-то зловеще зашуршало, и мистер Сегундус поспешно убрал голову, уворачиваясь от сорвавшегося с крыши снега. У мистера Сегундуса не было слуги, как не было жены, сестры, дочери, невестки или племянницы, однако миссис Плезанс, его хозяйка, вставала рано. Много раз за последние две недели она видела, как он вздыхает над книгой, и надеялась подбодрить его завтраком из двух свежезажаренных селедок, чая со свежим молоком и белого хлеба с маслом на белой с синим фарфоровой тарелке. Из тех же благих побуждений она присела поговорить с ним и, видя отчаяние молодого постояльца, воскликнула:

– Как же я ненавижу этого мерзкого старикашку!

Мистер Сегундус не сказал миссис Плезанс, что мистер Норрелл стар, и все же она вообразила его стариком. Со слов мистера Сегундуса она заключила, что мистер Норрелл – скряга, который копит волшебство, как другие копят золото; по мере нашей истории читатель будет иметь возможность убедиться в правдивости этого портрета. Подобно миссис Плезанс, я всегда представляю скряг стариками – не знаю почему, ведь молодых скряг ничуть не меньше, чем старых. Что до мистера Норрелла и его истинного возраста, он был из тех, кто уже в семнадцать кажется стариком.

Миссис Плезанс продолжала:

– Когда жив был мистер Плезанс, он уверял, будто никто в Йорке, мужчина или женщина, не печет хлеб вкуснее моего, да и другие люди по доброте душевной говорили, что лучше хлеба в жизни не пробовали. Однако я всегда стараюсь хорошо готовить, потому что ничего не делаю спустя рукава. И если сейчас из этой чашки вылезет аравийский джинн и предложит исполнить три моих желания, я не попрошу, чтобы другие люди разучились печь хлеб; а если их хлеб окажется не хуже моего, я только за них порадуюсь. Вот, сэр, попробуйте кусочек, – сказала она, придвигая жилищу тарелку с прославленным хлебом. – Не нравится мне, что вы совсем с лица спали. Соседи скажут, Хетти Плезанс разучилась вести хозяйство. Не надо так убиваться, сэр. Вы не подписали этот мерзкий договор. Когда другие джентльмены вынуждены будут бросить магию, вы сможете продолжать, и надеюсь, мистер Сегундус, сделаете великие открытия. Тогда, быть может, самонадеянный мистер Норрелл раскается в своей глупой гордости и охотно возьмет вас в партнеры.

Мистер Сегундус улыбнулся и поблагодарил ее.

– Не думаю, что такое случится. Моя главная беда – скудость материалов. Своих у меня мало, а когда общество распустят... ну, не знаю, что будет с книгами, но вряд ли они достанутся мне.

Мистер Сегундус съел хлеб (и впрямь достойный своей репутации) и выпил немного чаю. Вероятно, их целительное воздействие на измученную душу было и впрямь сильнее, нежели он предполагал, во всяком случае, надевая плащ, перчатки и шляпу, мистер Сегундус чувствовал себя много лучше. Он вышел на снежную улицу и направился к месту, где мистер Норрелл обещал сегодня показать чудеса, – к Йоркскому кафедральному собору.

Надеюсь, все читатели хорошо представляют себе старый английский кафедральный город, иначе им не понять, почему мистер Норрелл выбрал именно это место. Следует помнить, что в старом кафедральном городе главная церковь – не просто одно здание из многих; она многократно превосходит их всех масштабами, красотой и величием. Даже в наше время, когда кафедральные города обзавелись множеством гражданских строений для разного рода собраний и ассамблей (а в Йорке их предостаточно), старый собор по-прежнему высится над ними свидетельством набожности наших предков, как если бы город заключал в себе нечто большее, чем он сам. Спеша по узкой улочке, его легко потерять из виду, но внезапно дома расступаются, глазам вновь предстает собор, выше и больше всех остальных построек; тут-то и понимаешь, что попал в сердце города, что все улицы сходятся сюда, к вместилищу тайн более глубоких, нежели все, что ведомо мистеру Норреллу. Так думал мистер Сегундус, входя в церковную ограду и останавливаясь в густой синей тени западного фасада. Из-за угла, словно толстый черный корабль, величаво выплыл доктор Фокскасл. Заметив мистера Сегундуса, он взял курс на указанного джентльмена и пожелал ему доброго утра.

– Не соблаговолите ли представить меня мистеру Норреллу, сэр? – сказал доктор Фокскасл. – Мне бы очень хотелось свести с ним знакомство.

– Охотно, сэр, – отвечал мистер Сегундус, озираясь.

Из-за погоды большинство жителей сидели по домам, и лишь несколько черных фигурок пробирались через заснеженное поле к собору. При ближайшем рассмотрении это оказывались члены Йоркского общества либо священники, причетники, регенты, пономари, сторожа и метельщики, отправленные начальством по церковным делам, несмотря на холод и ранний час.

– Я не хотел бы разочаровывать вас, сэр, – сказал мистер Сегундус, – но я не вижу мистера Норрелла.

Впрочем, кто-то тут был.

Кто-то стоял на снегу прямо перед собором. Кто-то темный, сомнительного вида, с интересом глядящий на мистера Сегундуса и доктора Фокскасла. Черные спутанные волосы ниспадали на плечи, волевое лицо с длинным и узким носом казалось узловатым, словно древесный корень, и хотя кожа была очень бледной, лицо выглядело темным то ли из-за черных глаз, то ли из-за длинных сальных волос. Через мгновение этот человек приблизился к двум волшебникам, отвесил небрежный поклон и, коротко извинившись, предположил, что они здесь по одному делу. Он представился Джоном Чилдермассом, доверенным лицом мистера Норрелла в некоторых вопросах (хоть и не уточнил в каких).

– Кажется, – задумчиво произнес мистер Сегундус, – мне знакомы ваши черты. Полагаю, мы где-то виделись?

Что-то промелькнуло на темном лице Чилдермасса, но тут же исчезло – усмехнулся он или нахмурился, мистер Сегундус не разобрал.

– Я бываю в Йорке по делам мистера Норрелла, сэр. Возможно, вы видели меня в книжной лавке?

– Нет, – отвечал мистер Сегундус. – Я видел вас... я могу вас представить... где? Ой! Сейчас вспомню!

Чилдермасс поднял бровь, как будто хотел сказать, что сильно в этом сомневается.

– Но, разумеется, мистер Норрелл и сам придет? – спросил доктор Фокскасл.

Чилдермасс отвечал, что мистер Норрелл не придет, ибо не видит в этом никакой надобности.

– А! – вскричал доктор Фокскасл. – Так он признал свое поражение? Ну, ну, ну. Бедный джентльмен. Полагаю, он чувствует себя очень глупо. Ну что ж. Сама попытка достойна всяческой хвалы. Мы решительно не в претензии.

От радости, что волшебства не будет, доктор Фокскасл преисполнился несвойственным ему великодушием.

Чилдермасс все так же вежливо отвечал, что доктор Фокскасл, вероятно, неверно понял его слова. Мистер Норрелл непременно будет колдовать; он будет колдовать в аббатстве, а результаты будут видны в Йорке.

– Джентльмены, – сказал Чилдермасс доктору Фокскаслу, – не любят без надобности покидать уютную гостиную. Полагаю, сэр, если бы вы могли увидеть все из своего уютного кресла, то не стояли бы здесь в холоде и сырости.

Доктор Фокскасл сердито втянул воздух и бросил на Джона Чилдермасса взгляд, означавший, что тот ведет себя очень дерзко.

Чилдермасс ничуть не смутился; скорее уж возмущение доктора Фокскасла его позабавило. Он сказал:

– Пора, господа. Прошу войти в церковь. Полагаю, вы бы не хотели пропустить самое интересное.

С назначенного часа прошло двадцать минут, и джентльмены из Йоркского общества уже входили в собор через дверь южного трансепта. Некоторые оглядывались, перед тем как шагнуть внутрь, словно прощались с миром на случай, если не смогут снова его увидеть.

3. Йоркские камни

Февраль 1807 года

Величественная старая церковь в феврале всегда выглядит неуютно; холод сотен зим словно впитался в ее камни и сочится наружу. В промозглом полумраке собора члены Йоркского общества вынуждены были стоять и ждать чего-то неожиданного без всякой гарантии, что неожиданность окажется приятной.

Мистер Хонифут силился выдавить ободряющую улыбку, но для столь жизнерадостного джентльмена улыбка выходила довольно кривой.

Внезапно зазвучали колокола, и хотя это всего лишь часы на колокольне Святого Михаила отбивали половину, под сводами собора звон казался нездешним и отнюдь не радостным. Члены Йоркского общества очень хорошо знали, что колокола связаны с магией и в особенности с магией эльфов; знали и то, что в древние времена перезвон серебряных колокольчиков нередко слышался в тот миг, когда англичанку или англичанина, отмеченных редкостными достоинствами либо красотой, похищали в волшебную страну, откуда те больше не возвращались. Даже Король-ворон, хоть и был не эльф, не дух, а человек, имел прискорбное обыкновение похищать людей для своего замка в Иных Краях⁹. Разумеется, владей вы или я способностью похитить любого, кто нам приглянулся, и удерживать его при себе целую вечность, мы бы, вероятно, выбрали кого-нибудь поинтереснее членов Ученого общества йоркских волшебников, однако эта утешительная мысль не пришла в голову собравшимся джентльменам. Некоторые из них начали задаваться вопросом, насколько письмо доктора Фоксасла раздосадовало мистера Норрелла, и многие не на шутку перепугались.

Когда звуки колоколов смолкли, из сумеречной вышины над головами послышался голос. Волшебники напрягли слух. Многие были до того взвинчены, что вообразили, будто им, как в сказке, делают наставление, может быть, излагают таинственные запреты. Такие наставления и запреты, как известно из сказок, необычны, но легко исполнимы – по крайней мере, на первый взгляд. Обычно они звучат примерно так: «Не ешь последнюю засахаренную сливу из синей банки в дальнем углу буфета» или «Не бей жену кленовым прутом». Впрочем, в сказках обстоятельства всегда складываются против героя, он непременно делает именно то, чего делать не должен, и навлекает на себя страшную кару.

Волшебникам казалось, будто голос предрекает им грядущую участь, только не ясно было, на каком языке. Раз мистер Сегундус вроде бы различил слово «злодеяние» и раз – *«interficere»*, что на латыни означает «убивать». Голос вещал невнятно – он не походил на человеческий и еще усиливал опасения волшебников, что сейчас появятся эльфы. Резкий и скрипучий, он напоминал звук трущихся друг о друга камней – и все же это явно была речь. Джентльмены со страхом вглядывались в сумрак, но видели лишь смутную каменную фигурку на одной из колонн. Постепенно они привыкли к странному голосу и начали различать все больше и больше слов; староанглийский мешался с латынью, как будто говорящий не чувствует разницы между этими языками. К счастью, волшебникам, привыкшим к невнятице старинных трактатов, разобраться в сумбурной мешанине не стоило ни малейшего труда. В переводе на простой и ясный язык это звучало бы так: *«Давным-давно, – говорил голос, – пять или более столетий назад, в сумеречный час зимнего дня в церковь вошли юноша и девушка с волосами,*

⁹ Одно из таких похищений описано в знаменитой балладе: Недолго, недолго, отец говорил, Будешь с нами, сынок, Ворон-король из цветов земли Выбирает лучший цветок. Печально, что поп у нас простак, Он кадил и в колокол бил, Ворон-король три свечи зажег. Поп сник и отступил. Печально, что руки ее слабы, Ворон-король простер крыла, И та, что клялась всю жизнь любить, Вздохнув, объятья разорвала. Печальна смутная наша страна, Как белый туман болот, Как ветром гонимые клочья дождя, Когда Ворон-король грянет. Дни пройдут, и пройдут года. Меня вспоминайте, молю, Над диким полем в мерцании звезд, Летящего вслед Королю.

увитыми плющом. Никого не было внутри, кроме камней. Никто не видел, как он ее задушил, кроме камней. Он оставил ее мертвой на камнях, и никто не видел, кроме камней. Он не понес расплаты за грех, ибо не было других свидетелей, кроме камней. Годы шли: всякий раз, как тот человек входил в церковь и занимал место среди молящихся, камни вопили, что это он убил девушку с волосами, увитыми плющом, но никто нас не слышал. Однако еще не поздно! Мы знаем, где он погребен! В углу южного трансепта! Быстрее! Быстрее! Несите кирки! Несите лопаты! Выломайте плиты! Выкопайте его кости! Раздробите их лопатами! Разбейте его череп о колонну! Пусть камни свершат свою месть! Еще не поздно! Не поздно!»

Не успели волшебники переварить услышанное, как раздался другой каменный голос. Он доносился из алтаря и говорил на английском, но на каком-то странном, со множеством древних забытых слов. Голос жаловался на солдат, что вошли в церковь и разбили несколько витражей. Через сто лет они вернулись и сломали алтарную преграду, изуродовали статуи, забрали пожертвования. Как-то они точили наконечники стрел о край купели, через три столетия палили из ружей в доме капитула. Голос, казалось, не понимал, что, хотя каменная церковь может стоять тысячелетия, люди не живут так долго. «Им любо лишь разрушение! – кричал он. – Да будет их уделом погибель!» Подобно первому, говорящий, судя по всему, провел в церкви бесчисленные годы и, надо полагать, слышал множество проповедей и молитв, но лучшие из христианских добродетелей – милость, любовь, кротость – остались ему неведомы. А тем временем первый голос все оплакивал мертвую девушку с волосами, увитыми плющом, и два скрипучих каменных голоса сливались в немелодичный дуэт.

Отважный мистер Торп в одиночку заглянул в алтарь, чтобы понять, кто говорит.

– Это статуя, – сказал он.

И тут члены Йоркского общества вгляделись во мрак над головами, откуда звучал первый нездешний голос. Теперь уже почти никто не сомневался, что говорит каменная фигурка, ибо видно было, как она, рыдая, заламывает каменные руки.

Внезапно все остальные статуи в соборе принялись каменными голосами рассказывать обо всем, что видели за свою каменную жизнь. Шум, как мистер Сегундус позже рассказывал миссис Плезанс, стоял неопишуемый. Ибо в йоркском соборе было много маленьких человеческих фигур и странных животных, которые теперь хлопали крыльями.

Многие статуи жаловались на соседей, что неудивительно – ведь им пришлось стоять рядом многие сотни лет. Пятнадцать каменных королей возвышались на каменных пьедесталах. Волосы у монархов лежали тугими завитками, как будто их накрутили на папильотки, да так и не расчесали. Миссис Хонифут, взглянув на королей, всякий раз говорила, что охотно прошла бы щеткой по августейшим волосам. Едва обретя речь, короли начали ссориться, ибо все пьедесталы были одинаковой высоты, а короли – даже каменные – не желают ни с кем стоять вровень. Одну из колонн украшала скульптурная группа, все члены которой держались за руки. Чуть только чары подействовали, они принялись отталкивать друг друга, как будто даже каменные руки через столетие начинают болеть и даже каменные люди устают от общества себе подобных.

Одна статуя говорила на каком-то языке, напоминающем итальянский. Никто не знал почему; позже мистер Сегундус выяснил, что это копия с работы Микеланджело. Казалось, она описывает совершенно другую церковь, ту, где резкие черные тени контрастируют со слепящим светом, другими словами – то, что видит ее оригинал в Риме.

Мистер Сегундус с удовольствием отметил, что волшебники, несмотря на страх, оставались в стенах собора. Некоторые были так изумлены, что совершенно позабыли испуг и забегали, открывая все новые и новые дива, делая наблюдения, записывая что-то в книжечки, словно не помнили про ужасный документ, запрещавший им с этого дня заниматься магией. Еще долго волшебники Йорка (увы, более не волшебники!) бродили под сводами собора и созерцали чудеса. И каждый миг в их уши врвалась ужасающая какофония каменных голосов.

В доме капитула стояли каменные балдахины с множеством головок в самых причудливых уборах, и все эти головки болтали и хихикали. Здесь же была чудесная каменная резьба, изображавшая сотни английских деревьев: боярышник, дуб, терновник, дикую вишню и переступень. Мистер Сегундус нашел двух каменных дракончиков размером не больше его руки, которые скользили друг по другу, по каменным веткам боярышника, каменным боярышниковым листьям, корням и ягодам. Они двигались с проворством живых существ, но скрежет каменных мускулов под каменной кожей, трущейся о каменные ребра, и цокот каменных коготков по каменным ветвям были совершенно невыносимы – мистер Сегундус подивился, как они сами его терпят. Он приметил маленькое облако пыли, как от шлифовального станка, и подумал, что, если чары еще продержатся, дракончики сотрутся до тонких полосок известняка.

Каменные листья и травы трепетали, словно от ветерка; некоторые даже росли, подражая живым собратьям. Позже, когда чары разрушились, плети каменного плюща и ежевики обнаружили на ножках скамей, кафедрах и молитвенниках, где ни каменного плюща, ни ежевики отродясь не было.

Не только волшебники из Йоркского общества видели в тот день чудеса. Хотел того мистер Норрелл или нет, волшебство распространилось за пределы собора и проникло в город. Три статуи с западного фасада не так давно отправили в мастерскую мистера Тейлора на реставрацию. Столетия дождей и сырости источили резные лица, так что никто теперь и не знал, каких прославленных людей они изображали. В половину одиннадцатого каменщик мистера Тейлора занес резец над ликом одной из статуй, намереваясь придать ей внешность хорошенькой святой; в тот самый миг статуя громко вскрикнула и загородилась рукой от резца, так что бедняга со страху лишился чувств. Статуи позже вернули на церковный фасад нетронутыми, с лицами плоскими, как галета, и ровными, как масло.

Внезапно каменные голоса один за другим умолкли, и волшебники слышали, как часы на колокольне Святого Михаила вновь отбивают половину. Первый голос (исходивший от маленькой фигурки во тьме) продолжал твердить о нераскрытом убийстве («Еще не поздно! Еще не поздно!»), однако замолк и он.

Покуда волшебники были в церкви, мир изменился. Волшебство возвратилось в Англию, хотели они того или нет. Произошли и другие перемены, пусть и более прозаического толка: небо затянули тяжелые тучи, вовсе не серые, а иссиня-черные с переходами в зеленовато-желтый. Этот любопытный оттенок создавал ощущение сумерек, какие, по слухам, царят в легендарном подводном царстве.

Мистер Сегундус очень устал. Другие джентльмены были в большей степени напуганы, его же увиденное колдовство привело в неописуемый восторг; однако теперь, когда все волнения остались позади, он хотел одного – ни с кем не разговаривая, отправиться домой. В таком состоянии его и остановил управляющий мистера Норрелла.

– Полагаю, сэр, – сказал мистер Чилдермасс, – что общество следует распустить. Весьма сожалею.

Может быть, по причине душевного упадка, но мистеру Сегундусу показалось, что при всей своей внешней почтительности Чилдермасс внутренне потешается над йоркскими волшебниками. Чилдермасс принадлежал к тому неприятному типу людей, которые по низости рождения вынуждены всю жизнь состоять на службе у других, однако сообразительный ум и способности заставляют их мечтать о большем. Иногда, по редкому стечению счастливых обстоятельств, такие люди пробиваются к величию, но чаще мысль о несбывшемся ведет к озлоблению; они становятся нерадивыми и выполняют свои обязанности не лучше – а то и хуже – менее даровитых собратьев. Они становятся грубыми, теряют место и плохо кончают.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Чилдермасс, – но у меня вопрос. Не сочтите за дерзость, но я хотел бы знать, читаете ли вы лондонские газеты?

Мистер Сегундус ответил, что читает.

– Вот как? Любопытно. Я и сам до них охотник. Вот только читать не успеваю – разве что книги, которые приобретаю для мистера Норрелла. И о чем же пишут нынче лондонские газеты? Извините, что спрашиваю, сэр, просто мистер Норрелл, который газет не читает никогда, задал мне вчера этот вопрос, и я счел себя недостаточно компетентным, чтобы ответить.

– Ну, – произнес мистер Сегундус слегка озадаченно, – много о чем пишут. Что именно вас интересует? Есть отчеты о действиях Королевского флота против французов, речи министров, сообщения о скандалах и разводах. Вы об этом?

– О да! Вы превосходно объяснили, сэр. Интересно, – продолжал Чилдермасс, сосредоточенно хмурия лоб, – а сообщают ли в лондонских газетах о новостях из провинции? Могут ли, например, сегодняшние события удостоиться пары строк?

– Не знаю, – отвечал мистер Сегундус. – Это представляется возможным, но, с другой стороны, Йорк так далеко от Лондона... может, тамошние издатели никогда не узнают о случившемся.

– А-а... – протянул мистер Чилдермасс и замолчал.

Пошел снег – сперва редкие хлопья, потом все больше и больше, покуда с набрякшего зеленовато-серого неба не полетели мириады снежинок. Дома в Йорке стали чуть серее, люди как будто уменьшились в росте, крики, звук копыт и шагов, скрип экипажей и хлопанье дверей отдалились. И все они утратили свою значимость: в мире остались только летящий снег, зеленоватое небо, призрачная громада Йоркского собора – и Чилдермасс.

Все это время Чилдермасс молчал. Мистер Сегундус гадал, чего еще тому надо, – на все его вопросы уже ответили. Однако Чилдермасс смотрел на мистера Сегундуса неприятными черными глазами, словно ждал каких-то слов – более того, ничуть не сомневался, что мистер Сегундус их произнесет.

– Если желаете, – сказал мистер Сегундус, стряхивая с крылатки снег, – я могу устранить всякую неопределенность в этом вопросе: написать в «Таймс» об удивительных свершениях мистера Норрелла.

– Ах! Как любезно с вашей стороны! – воскликнул Чилдермасс. – Поверьте мне, сэр, я прекрасно знаю, что далеко не всякий джентльмен был бы столь благороден в своем поражении. Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Так и сказал мистеру Норреллу: «Мистер Сегундус – джентльмен в высшей степени любезный».

– Не стоит благодарности, – сказал мистер Сегундус. – Пустяки.

Ученое общество йоркских волшебников распустили, и его члены (за исключением мистера Сегундуса) вынуждены были оставить занятия магией. Хотя иные из них были глупы и не слишком приятны в общении, не думаю, что они заслужили такую участь. Что делает волшебник, которому в соответствии с досадным соглашением не позволено изучать магию? Он бездельничает день за днем, отвлекает племянницу (или жену, или дочь) от рукоделия, пристаёт к слугам с вопросами о том, чем никогда прежде не интересовался, – все ради того, чтобы хоть с кем-нибудь поговорить, – пока те не бегут жаловаться хозяйке. Он берет книгу и начинает читать, но не вникает в прочитанное и лишь на двадцать второй странице обнаруживает, что это *роман* – род литературы, который он более всего презирает, – и отбрасывает с отвращением. Он десять раз на дню спрашивает племянницу (или жену, или дочь), который час, ибо не может поверить, что время тянется так медленно; по этой же причине он уверен, что его карманные часы безбожно врут.

Приятно сообщить, что мистер Хонифут поживал лучше других. Его, человека доброго и отзывчивого, глубоко затронула история, поведенная во тьме каменной фигуркой. Веками хранила она в маленьком каменном сердце память об убийстве и помнила мертвую девушку с волосами, увитыми плющом, когда все остальные ее забыли. Мистер Хонифут рассудил, что такое постоянство достойно награды. Он написал настоятелю, каноникам и архиепископу и был так назойлив, что ему наконец разрешили поднять плиты в углу южного трансепта. Там

и впрямь обнаружили кости в свинцовом гробу. Однако настоятель заявил, что не позволит вынести останки из собора (а именно этого добивался мистер Хонифут) на основании слов какой-то каменной фигурки; история не знает подобного прецедента. Ах! – отвечал мистер Хонифут, такой прецедент был. Спор затянулся на долгие годы, и мистеру Хонифуту некогда было жалеть, что он подписал пресловутое соглашение¹⁰.

Библиотеку Ученого общества йоркских волшебников продали мистеру Торогуду. Однако мистеру Сегундусу сказать позабыли, и тот узнал о продаже через третьи руки: посыльный мистера Торогуда сказал приятелю (приказчику в полотняной лавке Пристли), приятель сказал миссис Кокрофт, хозяйке гостиницы «Георг», а та – миссис Плезанс, хозяйке мистера Сегундуса. Едва он об этом узнал, как бросился к мистеру Торогуду по снежным улицам, не потрудившись надеть шляпу, плащ и уличную обувь. Однако книги были уже проданы. Мистер Сегундус спросил кому. Мистер Торогуд с извинениями сказал, что не вправе разглашать имя покупателя. Мистер Сегундус, запыхавшийся, без шляпы и без пальто, в мокрых домашних туфлях, отчасти вознаграждал себя, заявив, что нимало не огорчен отказом мистера Торогуда назвать имя загадочного покупателя, ибо почти наверняка знает, кто этот джентльмен.

Мистер Сегундус постоянно думал о мистере Норрелле и даже беседовал о нем с мистером Хонифутом¹¹. Мистер Хонифут считал, что все происшедшее объясняется исключительно желанием мистера Норрелла возродить в Англии волшебство. Мистер Сегундус, не удовлетворяясь этим объяснением, искал случая свести знакомство с кем-нибудь, кто знает мистера Норрелла, и выяснить про него что-нибудь еще.

Джентльмен в положении Норрелла, владелец красивого дома и большого поместья, всегда вызывает любопытство соседей, и если соседи эти не очень глупы, они всегда найдут случай что-нибудь про него выведать. Мистер Сегундус узнал, что на Стоунгейт живет некая семья, у которой есть родственники в пяти милях от аббатства Хартфью. Он сдружился со стоунгейтским семейством и убедил новых знакомых пригласить в гости родственников. (Мистер Сегундус сам не ожидал от себя такого хитроумия.) Родственники приехали и охотно разговаривались о богатом чуде-соседе, который заколдовал Йоркский собор, но сообщить сумели только одно: мистер Норрелл собирается переехать в Лондон.

Мистер Сегундус удивился новости, но еще более удивился чувствам, которые она у него вызвала. Он был в полном замешательстве, хотя и убеждал себя, что это нелепо: Норрелл никогда не проявлял к нему и малейшего участия. И все же Норрелл был теперь единственным его коллегой. А когда тот уедет в Лондон, мистер Сегундус останется последним волшебником в Йоркшире.

¹⁰ Мистер Хонифут ссылался на следующий прецедент. В 1279 году в городе Олстоне произошло страшное убийство. На терновом дереве перед церковью нашли повешенного мальчика. Над церковной дверью стояла статуя Мадонны с Младенцем. Олстонцы отправили гонцов в Ньюкасл, в замок Короля-ворона, и Король-ворон прислал двух волшебников, дабы те оживили статую. Мадонна и Младенец заговорили и сказали, что мальчика убил чужак, который им незнаком. С тех пор всякий раз, как в Олстон приходил кто-то чужой, горожане тащили его к церкви и спрашивали: «Это он?» – но всякий раз Мадонна и Младенец отвечали: «Нет». Под ногами у Мадонны были каменные лев и дракон, переплетенные немислимым образом и вцепившиеся друг другу в шею. Их высек из камня человек, никогда не видевший ни льва, ни дракона, но много собак и овец, поэтому в фигурах было что-то собачье и овечье. Всякий раз, как очередного беднягу притаскивали к церкви, лев и дракон переставали грызться и поднимали голову, причем лев лаял, а дракон возмущенно блеял. Прошли годы. Все горожане, знавшие мальчика, умерли, да и убийца, надо полагать, тоже. Однако у Мадонны и Младенца осталась привычка говорить; всякий раз, как какой-нибудь бедолага-чужак проходил на расстоянии видимости от церкви, они поворачивали каменные головы и говорили: «Это не он». В итоге Олстон приобрел недобрую репутацию, и люди из соседних городов предпочитали по возможности туда не ездить.

¹¹ Дабы лучше разобраться в характере и магических силах мистера Норрелла, мистер Сегундус написал подробное изложение визита в аббатство Хартфью. Увы, он обнаружил, что в данном случае память его подводит. Всякий раз, перечитывая написанное, он замечал, что помнит события несколько иначе. Он принимался исправлять слова и фразы и в конце концов полностью все переписывал. По прошествии четырех или пяти месяцев он вынужден был признаться себе, что не помнит ни слов мистера Хонифута мистеру Норреллу, ни ответа мистера Норрелла, ни того, что сам видел в доме. Мистер Сегундус пришел к выводу, что ничего дельного на эту тему не напишет, и бросил рукопись в камин.

4. Друзья английской магии

Начало весны 1807 года

Представьте себе человека, который просиживает в библиотеке день за днем; маленького человечка довольно нерасполагающей внешности. Перед ним на столе книги. Запас перьев, нож, чтобы их чинить, чернила, бумага, записные книжки – все под рукой. В камине постоянно горит огонь: человечек боится холода. Комната меняется в зависимости от времени года, он – нет. Из трех высоких окон открывается вид на английскую сельскую местность, спокойную весной, веселую летом, грустную осенью и мрачную зимой, как и пристало английскому пейзажу. Однако смена времен года его не занимает – он едва поднимает глаза от книги. Да, как все джентльмены, он совершает моцион: в сухую погоду – долгую прогулку через парк, вдоль леса, в сырую – короткую вдоль живой изгороди. Однако он почти ничего не знает о парке, лесе, кустах. Книга ждет в библиотеке; глаза мысленно все еще скользят по строкам, в голове крутится прочитанное, пальцы мечтают вернуться к страницам. Он видится с соседями два-три раза за сезон, ибо это Англия, где человека никогда не оставят в покое, даже если он сухарь и встречает гостей кислой миной. Они наносят визиты, оставляют прислуге карточки, приглашают отобедать или потанцевать на балу. Делается это по большей части из доброты, ибо считается, что плохо человеку все время быть одному, но к тому же им хочется узнать, изменился ли он за прошедшее время. Не изменился. Ему не о чем с ними говорить, и его считают самым скучным человеком в Йоркшире.

И все же в сухом маленьком сердце мистера Норрелла жила мечта возродить в Англии волшебство, которая удовлетворила бы даже мистера Хонифута; ради того, чтобы осуществить эту давнюю мечту, мистер Норрелл и собрался сейчас в Лондон.

Чилдермасс сказал, что время благоприятно, а Чилдермасс знал мир. Чилдермасс знал, в какие игры играют дети на улицах города – в игры, которые взрослые давно позабыли. Чилдермасс знал, о чем думают старики, сидя перед камином, хотя никто не спрашивал их об этом уже долгие годы; Чилдермасс знал, что молодым людям слышится в грохоте барабанов и звуке труб, когда они оставляют дом и идут в солдаты; знал и то, что их ждет ложка славы в бочке лишений. Чилдермасс мог увидеть стряпчего, идущего навстречу по улице, и сказать, что у того в задних карманах. И все, что Чилдермасс знал, вызывало у него усмешку, а порою и смех, но ни на грош жалости.

Так что, когда Чилдермасс сказал хозяину: «Поезжайте в Лондон. Прямо сейчас», – мистер Норрелл ему поверил.

– Единственное, что мне не нравится, – сказал мистер Норрелл, – так это ваш план, чтобы Сегундус написал о нас в лондонскую газету. Он точно наделает ошибок – об этом вы подумали? И наверняка полезет со своими толкованиями. Эти третьесортные ученые не упустят случая что-нибудь добавить от себя. Он будет строить догадки – ложные, разумеется – насчет того, какой род волшебства использовал я в Йорке. Как будто мало вокруг магии других нелепиц и домыслов! Так стоит ли с ним связываться?

Чилдермасс устремил на хозяина мрачный взгляд и с еще более мрачной улыбкой ответил, что, по его мнению, стоит.

– Скажите, сэр, – сказал он, – вам не случалось слышать о флотском офицере по фамилии Бейнс?

– Кажется, я знаю, о ком вы, – ответил мистер Норрелл.

– А! – сказал Чилдермасс. – И откуда же вы про него знаете?

Короткое молчание.

– Ну, – нехотя проговорил мистер Норрелл, – наверное, я видел фамилию капитана Бейнса в газете.

– Лейтенант Гектор Бейнс служил на фрегате «Король Севера», – сказал Чилдермасс. – В двадцать один год он потерял ногу и два или три пальца на руке во время боя в Вест-Индии. В том же бою капитан корабля и многие моряки погибли. Рассказ, согласно которому лейтенант Бейнс продолжал командовать судном и отдавать приказы в то время, когда корабельный врач пилил ему ногу, трудно расценить иначе, чем преувеличение, однако он и впрямь бесстрашно вывел сильно потрепанный корабль из Вест-Индии, атаковал и захватил испанское судно с сокровищами, заработал себе состояние и вернулся домой героем. Он разорвал помолвку с невестой и женился на другой. Вот, сэр, история капитана, как ее напечатали в «Морнинг пост». А теперь я расскажу, что было дальше. Бейнс – северянин, подобно вам, сэр, из никому не ведомой семьи, без могущественных друзей. Вместе с молодой женой он приехал в Лондон и остановился у знакомых на Сикоул-лейн, и к ним тут же потянулись с визитами люди всех рангов и положений. Лейтенант с супругой обедали у виконтесс, члены парламента пили за их здоровье, и Бейнс заручился протекцией на самом высоком уровне. Такой успех, сэр, я приписываю тому всеобщему уважению, которое он снискал благодаря газетной заметке. Однако возможно, у вас есть друзья в Лондоне, которые сослужат вам ту же службу, не утруждая газетчиков?

– Вы отлично знаете, что нет, – с досадой отвечал мистер Норрелл.

Тем временем мистер Сегундус трудился над письмом и огорчился, что не может теплее отозваться о мистере Норрелле. Ему казалось, что читатели будут ждать каких-то слов в отношении личных достоинств мистера Норрелла и удивятся, если их не окажется.

Наконец в «Таймс» появилось письмо, озаглавленное: «НЕВЕРОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЙОРКЕ. ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ АНГЛИЙСКОЙ МАГИИ». Мистер Сегундус закончил описание волшебства словами о том, что друзья английской магии должны возблагодарить склонность мистера Норрелла к уединению, позволившую ему достичь столь замечательных результатов; однако он, мистер Сегундус, призывает всех друзей английской магии вместе с ним обратиться к мистеру Норреллу с призывом нарушить добровольное затворничество и занять место на более широкой сцене государственных дел, дабы таким образом начать новую главу в истории английского чародейства.

«ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ АНГЛИЙСКОЙ МАГИИ» произвело сенсацию, особенно в Лондоне. Читатели «Таймс» были ошеломлены достижениями мистера Норрелла. Все желали видеть мистера Норрелла; юные дамы жалели бедных йоркских джентльменов, напуганных волшебством, и сами желали пережить такой же испуг. Судя по всему, такая возможность должна была им скоро представиться; мистер Норрелл решил со всей поспешностью перебраться в Лондон.

– Найдите мне дом, Чилдермасс, – сказал он. – Найдите мне дом, который будет говорить посетителям, что магия – респектабельное занятие; не менее респектабельное, чем юриспруденция, и куда более, нежели медицина.

Чилдермасс сухо спросил, не следует ли отыскать нечто архитектурно значительное, дабы внушить мысль, что магия не менее респектабельна, чем Церковь?

Мистер Норрелл (который слышал, что есть такая вещь, как юмор, иначе о нем не писали бы в книгах, но лично юмору не представленный и руку ему не пожимавший) задумался и ответил наконец, что нет, так далеко его притязания не заходят.

Итак, Чилдермасс (рассудив, вероятно, что нет ничего респектабельнее денег) нашел хозяину дом на Ганновер-Сквер, где живут преуспевающие богачи. Не знаю, как вам, но мне не слишком по душе южная сторона Ганновер-Сквер; дома здесь узкие и высокие – не ниже четырех этажей, мрачные высокие окна идут ровными рядами, а здания настолько похожи, что напоминают сплошную стену, заслоняющую свет. Так или иначе, мистер Норрелл (не разделявший моего предубеждения) остался доволен – в той мере, в какой может быть доволен джентльмен, проживший более тридцати лет в усадьбе, окруженной парком, лесами и фер-

мами, иными словами, джентльмен, чей взгляд из окна никогда не оскорбляло зрелище чужой собственности.

– Дом, конечно, маловат, – сказал он, – но я не жалуясь. Сами знаете, я готов поступиться собственным удобством.

Чилдермасс ответил, что дом больше, чем значительная часть остальных.

– Неужто? – удивился мистер Норрелл. Его особенно возмутила малость библиотеки, в которой нельзя было разместить и треть необходимых книг; он спросил Чилдермасса, где лондонцы держат книги? Или они вообще ничего не читают?

Мистер Норрелл не пробыл в Лондоне и трех недель, как получил письмо от миссис Годсден, о которой никогда прежде не слышал.

«...Понимаю, как это возмутительно, что я пишу вам, человеку совершенно незнакомому; без сомнения, вы спрашиваете себя: „Кто эта назойливая особа? Я впервые о ней слышу!“ и считаете меня несносной, дерзкой и так далее и тому подобное, но Дролайт – мой близкий друг; он и уверяет, что вы добрейшая душа и ничуть меня не осудите. Мне не терпится свести знакомство, и я почту за величайшую честь, если вы осчастливите нас своим обществом в четверг вечером. Пусть неприязнь к многолюдству вас не останавливает – я сама терпеть не могу шумные сборища и приглашу на встречу с вами лишь самых близких друзей...»

Такого рода письмо никак не могло произвести благоприятное впечатление на мистера Норрелла. Тот быстренько проглядел его, отложил с легким возгласом отвращения и вернулся к книге. Через некоторое время зашел по утренним делам Чилдермасс, прочел письмо миссис Годсден и спросил, как мистер Норрелл намерен на него ответить.

– Отказом, – сказал мистер Норрелл.

– Да? Мне написать, что вы обещались быть в другом месте? – спросил Чилдермасс.

– Если хотите.

– А вы действительно обещались?

– Нет, – сказал мистер Норрелл.

– А! Так вы отказываетесь из-за множества приглашений в другие дни? Боитесь переутючиться?

– Нет у меня никаких других приглашений, как вам прекрасно известно. – Мистер Норрелл читал еще минуту-две, потом произнес (обращаясь, вероятно, к книге): – Вы все еще здесь.

– Да.

– Ну ладно, – проговорил мистер Норрелл. – Что такое? В чем дело?

– Мне казалось, вы прибыли в Лондон, дабы показать людям, что представляет собой современный волшебник. Это займет долгое время, если вы будете все время сидеть дома.

Мистер Норрелл не ответил. Он взял письмо и проглядел его еще раз.

– Дролайт... – пробормотал он. – Кто это? Не знаю никакого Дролайта.

– Я тоже, – заметил Чилдермасс, – но знаю другое: сейчас не время пренебрегать вежливостью.

В восемь часов вечера мистер Норрелл в лучшем сером сюртуке сидел в карете, гадая, кто такой близкий друг миссис Годсден, Дролайт, как вдруг обнаружил, что карета больше не движется. Выглянув из окна, он увидел освещенное уличным фонарем скопление людей, лошадей и карет. Полагая, что все, как и он, путаются в лондонских улицах, мистер Норрелл решил, будто кучер с лакеем заблудились, и, стуча по крыше кареты тростью, закричал:

– Дэйви! Лукас! Вы что, не слышали, как я сказал «на Манчестер-стрит»? Почему не узнали дорогу перед тем, как выезжать?

Лукас объявил с козел, что они на Манчестер-стрит, но вынуждены ждать, потому что перед домом выстроилась целая вереница карет.

– Перед каким домом? – вскричал мистер Норрелл.

Лукас объяснил, что перед тем домом, в который они направляются.

– Нет, нет! Ты обознался, – сказал мистер Норрелл. – Там будет совсем скромный прием.

Однако, едва войдя в дом, мистер Норрелл оказался среди примерно ста самых близких друзей миссис Годсен. Залы были переполнены людьми, которых с каждой минутой становилось все больше. Мистер Норрелл был очень удивлен, хотя чему было удивиться? Он попал на обычный лондонский прием, неотличимый от тех, что проходят по всему городу каждый день.

Как описать лондонский прием? Повсюду свечи в хрустальных люстрах и канделябрах, изящные зеркала удваивают и утраивают их свет, посрамляя дневной; разноцветные оранжевые фрукты величественными пирамидами громоздятся на белых скатертях; дивные создания, усыпанные драгоценностями, прохаживаются под ручку, вызывая всеобщее восхищение. При этом духота нестерпимая, шум и теснота – тоже; негде сесть и почти негде стоять. Вы видите лучшего друга в дальнем конце зала и хотели бы с ним поговорить – но как до него добраться? Ваше счастье, если вы столкнетесь в давке и пожмете друг другу руки перед тем, как людской поток снова вас разделит. В окружении распаренных незнакомцев вы так же лишены возможности вести разумную беседу, как в африканской пустыне. Все жалуются на жар и духоту. Все объявляют, что это просто невыносимо. Однако если таковы страдания гостей, то сколь же несчастнее те, кто не получил приглашения! Наши муки – ничто в сравнении с их участью! И завтра мы будем говорить друг другу, что прием был замечательный.

Так случилось, что мистер Норрелл прибыл одновременно с очень пожилой дамой. Маленькая и уродливая, она тем не менее явно была чрезвычайно важной особой (вся в бриллиантах). Слуги обступили ее, и мистер Норрелл вошел в дом, никем не замеченный. Он оказался в комнате, полной людей, и заметил на столе чашу с пуншем. Покуда он пил пунш, ему в голову пришла мысль, что он никому не назвал своего имени и, следовательно, никто не знает, что он здесь. Мистер Норрелл был в растерянности касательно того, как быть дальше. Гости здоровались со знакомыми, а подойти к кому-нибудь из слуг и назваться мистер Норрелл не решался – так важно они держались. Жаль, что никто из бывших членов Общества йоркских волшебников не видел его замешательства – уж они-то бы порадовались! Впрочем, все мы таковы. В привычной обстановке мы ведем себя легко и непринужденно, но стоит попасть в такое место, где мы никого не знаем и никто нас не знает – о боже! – какую неловкость мы сразу испытываем!

Мистер Норрелл блуждал из комнаты в комнату, мечтая лишь о том, чтобы уйти, когда внезапно его остановили звук собственного имени и следующие загадочные слова: «...заверил, что он всегда появляется в иссиня-черной мантии, расшитой неведомыми символами! Однако Дролайт, который отлично знает Норрелла, утверждает...»

Шум в комнате стоял невообразимый; странно, как мистер Норрелл вообще что-то слышал. Говорила молодая дама, и мистер Норрелл попытался отыскать ее глазами, но безуспешно. Он уже сомневался, что говорили действительно о нем.

Рядом с ним стояли леди и джентльмен. Дама была довольно неприметная – благозумного вида особа лет сорока-пятидесяти, джентльмен же – того разряда, какой в Йоркшире встретишь нечасто. Он был довольно мал ростом, в очень хорошем черном сюртуке и ослепительно-белой манишке. Пенсне в серебряной оправе висело на черной бархатной ленточке. Черты лица были идеально правильные и даже красивые, волосы – короткие и темные, кожа чистая и очень белая, только на щеках угадывались следы румян. Однако что изумляло, так это глаза: большие, с красивым разрезом, черные, очень яркие и почти влажные. Их обрамляли ресницы, тоже очень темные и невероятно длинные. Некоторые мелкие женственные черты он внес в свою внешность путем сознательных ухищрений; однако глаза и ресницы подарила ему природа.

Мистер Норрелл внимательно прислушался к разговору, дабы понять, не о нем ли говорят.

– ...совет, что я дал леди Данком касательно ее дочери, – говорил джентльмен. – Леди Данком нашла ей самого заурядного мужа с девятью сотнями в год! Однако глупышка влюбилась в драгунского капитана без гроша за душой, и бедная леди Данком была в ужасе. «Ваша милость! – вскричал я, как только услышал. – Не беспокойтесь! Предоставьте это мне. Я, конечно, не гений, но мои скромные дарования как нельзя больше подходят к этому случаю». О мадам! Вы будете смеяться, когда узнаете, как я разрешил затруднение! Уверен, никто другой не придумал бы столь забавный план! Я повел мисс Сьюзен в магазин Грея на Бонд-стрит, где она очень приятно провела время, примеряя кольцо и серьги. Она выросла в Дербишире и прежде не видела по-настоящему замечательных драгоценностей. Затем мы с леди Данком пару раз намекнули, что, выйдя за капитана Херста, она никогда не сможет делать такие покупки, а в качестве супруги мистера Уотса получит возможность приобретать в ювелирных магазинах самое лучшее. Полагаю, она никогда прежде об этом не задумывалась. Затем я познакомился с капитаном Херстом и позвал его к Будлу, где – не стану вас обманывать, мадам, – играют в карты! – Маленький джентльмен хихикнул. – Я ссудил ему небольшую сумму, чтоб попытаться удачи, – деньги, разумеется, были не мои, леди Данком дала их мне специально для этой цели. Мы сходили туда раза три или четыре, и в кратчайший срок долги капитана достигли... ну, мадам, не представляю, как он будет с ними расплачиваться! Мы с леди Данком поставили его перед фактом, что одно дело жених с небольшим доходом и другое – увязший в неоплатных долгах. Поначалу он не желал нас слушать и даже прибежал к... как бы это сказать... армейским выражениям, но в конце концов вынужден был признать нашу правоту.

Мистер Норрелл заметил, что благоразумного вида дама лет сорока-пятидесяти посмотрела на собеседника с некоторой неприязнью. Потом она очень холодно кивнула и без единого слова отошла в толпу; маленький джентльмен тут же повернулся в другую сторону и окликнул какого-то знакомого.

Затем мистер Норрелл остановил взгляд на чрезвычайно интересной молодой даме в белом с серебром платье. Она слушала высокого привлекательного джентльмена и очень искренне смеялась его словам.

– ...что, если он обнаружит в основании дома двух драконов – красного и белого, сплетенных в извечной борьбе и знаменующих грядущую гибель мистера Годсдена? Полагаю, – улыбнулся джентльмен, – вы ничуть не огорчитесь.

Дама рассмеялась еще веселее прежнего, и мистер Норрелл очень удивился, когда в следующий миг кто-то обратился к ней «миссис Годсден».

По размышлении мистер Норрелл решил, что надо с нею заговорить, однако она куда-то исчезла. Ему было нехорошо от шума и зрелища стольких людей; он уже собрался тихонько уйти, однако именно сейчас толпа перед дверью была почти непроницаема. Людской поток подхватил его и увлек в другую часть комнаты. По кругу и по кругу его носило, словно сухой лист в водостоке, покуда в какой-то миг он не заметил тихий уголок возле окна. Высокая ширма черного дерева, инкрустированная перламутром, полускрывала – о радость! – книжный шкаф. Мистер Норрелл проскользнул в уголок, снял с полки «Простое истолкование всего Откровения Иоанна Богослова» Джона Непера и стал читать.

Прочитав совсем немного, он случайно поднял глаза и увидел, что высокий красавец, недавний собеседник миссис Годсден, разговаривает с низеньким темноволосым человеком, приложившим столько усилий, чтобы расстроить брак капитана Херста. Они говорили с большим жаром, но шум и толчея были такие, что высокий без церемоний схватил низенького за рукав и втащил за ширму, туда, где сидел мистер Норрелл.

– Его здесь нет, – сказал высокий, при каждом слове тыча собеседника в плечо. – Где яростно горящие глаза, которые вы нам обещали? Где необъяснимый транс? Хоть кто-нибудь подвергся проклятию? Не думаю. Вы вызвали его, как духа из бездны, а он не пришел.

– Я видел его утром, – отвечал низенький, – он рассказывал об удивительном колдовстве, которое совершил в последнее время, и обещал прийти.

– Уже за полночь. Он не придет. – Высокий улыбнулся с видом превосходства. – Сознаться, что вы с ним не знакомы.

Низенький улыбнулся с видом еще большего превосходства (два собеседника положительно жонглировали улыбками) и сказал:

– Никто в Лондоне не знает его лучше меня. Должен признать, что я немного – очень немного – разочарован.

– Ха! – вскричал высокий. – Кто разочарован, так это гости. Мы приехали сюда в ожидании чего-то невероятного, а вместо этого вынуждены развлекать себя сами. – Взгляд его упал на мистера Норрелла. – Этот джентльмен уже читает книгу.

Низенький обернулся и при этом ушиб локоть о «Простое истолкование всего Откровения Иоанна Богослова». Он холодно взглянул на мистера Норрелла, возмущаясь, что тот занял столь тесный угол столь большой книгой.

– Я сказал, что разочарован, – продолжал низенький, – однако ничуть не удивлен. Вы не знаете его, как я. О! Смею вас заверить, он очень высоко себя ценит. Человек, который покупает дом на Ганновер-Сквер, умеет правильно себя поставить. О да! Он приобрел дом на Ганновер-Сквер! Вы, полагаю, не знали? Он богат, как жид. У него был дядя по фамилии Хейторнтуейт, который умер и оставил ему кучу денег. Помимо прочих пустяков он владеет большим домом и обширным поместьем – аббатством Хартфью в Йоркшире.

– Ха! – сухо проговорил высокий. – Ему повезло. Богатые старые дяди, которые умирают, в наше время большая редкость.

– О да! – вскричал низенький. – У одних моих друзей, Гриффинов, есть невероятно богатый старый дядя, которого они старательно обхаживают уже много лет. Так вот, хотя в самом начале событий ему было как минимум сто, он еще жив и, судя по всему, намерен жить вечно, а Гриффины тем временем сами состарились и умирают один за другим в самом горьком разочаровании. И все же я уверен, что вам, мой дорогой Лассельс, нет нужды заискивать перед вздорными стариками – вы ведь обладаете вполне приличным состоянием, если не ошибаюсь?

Высокий решил пропустить дерзкий выпад мимо ушей и заметил прохладно:

– Мне кажется, этот джентльмен желает с вами поговорить.

Этим джентльменом был мистер Норрелл. Изумленный тем, что его состояние обсуждают столь открыто, он уже несколько минут искал возможности заговорить.

– Прошу прощения, – сказал он.

– Да? – резко отозвался низенький.

– Я – мистер Норрелл.

Сначала на лице низенького проступило возмущение, затем – растерянность и, наконец, недоумение. Он попросил мистера Норрелла повторить свое имя.

Мистер Норрелл повторил, после чего низенький джентльмен сказал:

– Простите, но... То есть... Надеюсь, вы извините мой вопрос, но нет ли в вашем доме на Ганновер-Сквер кого-то во всем черном, с лицом худым, как сельдерей?

Мистер Норрелл задумался на мгновение, потом сказал:

– Чилдермасс, вы имеете в виду Чилдермасса.

– О, Чилдермасс! – вскричал низенький так, как будто теперь все совершенно прояснилось. – Да, конечно! Как глупо с моей стороны! Это – Чилдермасс! О мистер Норрелл! Бесконечно рад знакомству! Моя фамилия Дролайт.

– Вы знаете Чилдермасса? – озадаченно спросил мистер Норрелл.

– Я... – Мистер Дролайт сделал паузу. – Я видел, как человек, которого я описал, выходит из вашего дома и... О мистер Норрелл! Ну и попал же я впросак! Принял его за вас! Умоляю не обижаться, сэр. Теперь, глядя на вас, я отчетливо вижу, что он обладает дикой, романти-

ческой внешностью, которую мы склонны приписывать волшебникам, в вас же сразу угадывается созерцательный ум. Лассельс, вы согласны, что мистер Норрелл держится с основательной строгостью истинного ученого?

Высокий (без всякого энтузиазма) согласился.

– Мистер Норрелл, мой друг, мистер Лассельс, – представил Дролайт.

Мистер Лассельс отвесил легчайший поклон.

– О мистер Норрелл! – вскричал мистер Дролайт. – Вы не в силах вообразить те муки, которые я пережил сегодня, гадая, приедете вы или нет! В семь часов волнение мое достигло такой степени, что я не мог больше терпеть! Я отправился в трактир на Гласхаус-стрит поговорить с Дэйви и Лукасом и узнать, придете ли вы сегодня. Кстати, Дэйви сказал, что, скорее всего, нет, чем поверг меня в бездну отчаяния!

– С Дэйви и Лукасом! – вскричал мистер Норрелл в величайшем изумлении. (Так, если вы помните, звали лакея и кучера.)

– О да! – сказал мистер Дролайт. – В трактир на Гласхаус-стрит, где Дэйви и Лукас иногда обедают, что вам, вероятно, известно.

Мистер Дролайт сделал паузу, и мистер Норрелл еле-еле успел вставить, что нет, ему это неизвестно.

– Я изо всех сил расписываю ваши необыкновенные способности всем моим многочисленным знакомым, – продолжал мистер Дролайт. – Я был вашим Иоанном Предтечей, сэр, приготавливающим вам путь, и без колебаний объявлял, что мы с вами большие друзья, ибо заранее предчувствовал, дорогой мистер Норрелл, что мы сблизимся! И как видите, я не ошибся – вот мы уже сидим рядом и беседуем самым приятельским образом!

5. Дролайт

С весны по осень 1807 года

На следующее утро управляющий мистера Норрелла, Чилдермасс, был вызван к хозяину. Он нашел мистера Норрелла бледным и в состоянии нервного возбуждения.

– В чем дело? – спросил Чилдермасс.

– О! – закричал мистер Норрелл, поднимая глаза от завтрака. – И вы еще смее спрашивать! Вы пренебрегли своими прямыми обязанностями! Любой негодяй может расспрашивать моих слуг! И получить ответы на все вопросы! Для чего я вас нанял, если вы не способны оградить меня от такой дерзости?

Чилдермасс пожал плечами:

– Вы о Дролайте, полагаю.

Короткое изумленное молчание.

– Вы знали? – вскричал мистер Норрелл. – Боже! О чем вы думаете? Не вы ли сотни раз говорили мне, что надо исключить всякие сплетни со стороны слуг?

– О да, конечно! – сказал Чилдермасс. – Однако боюсь, сэр, что вам придется несколько поступиться привычной скрытностью. Уединение хорошо в Йоркшире, но мы больше не там.

– Да, да! – с досадой произнес мистер Норрелл. – Знаю. Однако вопрос в другом: чего хочет Дролайт?

– Быть первым в Лондоне, кто свел знакомство с волшебником, ничего более.

Но страхи мистера Норрелла не так легко было развеять. Он нервно потер желтовато-бледные руки и с опаской огляделся, как будто по углам комнаты прячутся другие дролайты.

– Он не похож на ученого, – проговорил мистер Норрелл, – однако ничего нельзя знать наверняка. Он не носит колец власти или покорности, и все же...

– Я не совсем вас понимаю, – сказал Чилдермасс. – Говорите напрямик.

– Не может ли он обладать какими-то собственными *умениями*? – спросил мистер Норрелл. – Или, может быть, у него есть друзья, которые завидуют моему успеху! Кто его сообщники? Какое у него образование?

Лицо Чилдермасса скривила длинная кривая усмешка.

– О! Вы вообразили, будто его подослали какие-то другие волшебники. Так вот, сэр, это не так. Поверьте мне. Я не только не пренебрег вашими интересами, но, как только пришло письмо от миссис Годсден, навел справки об этом джентльмене – не менее тщательно, чем он наводил о вас. Затрудняюсь представить волшебника, который воспользовался бы услугами подобного лица. К тому же, если бы такой волшебник существовал, вы давно бы его нашли – не так ли? – после чего изыскали бы средства оставить его без книг и без возможности продолжать исследования. Вы такое уже проделывали.

– Так этот Дролайт не опасен?

Чилдермасс поднял бровь и криво усмехнулся.

– Напротив, очень опасен, – сказал он.

– Ах! – вскричал мистер Норрелл. – Так я и знал! Что ж, буду всячески избегать его общества.

– Почему? – спросил Чилдермасс. – Я так не говорил. Разве я не сказал, что для вас он не представляет никакой угрозы? Если он скверный человек, что вам с того? Послушайте моего совета, сэр, и воспользуйтесь оружием, которое у вас под рукой.

И Чилдермасс поведал мистеру Норреллу, что разузнал о Дролайте. Есть особая порода джентльменов, которая встречается исключительно в Лондоне. Их главное занятие – одеваться дорого и по моде; жизнь они проводят в праздности, азартных играх и пьянстве, по несколько

месяцев кряду живут в Брайтоне и на других модных водах. Порода эта достигла своего совершенства в Кристофере Дролайте. Даже лучшие друзья признают, что он не обладает ни одним хорошим качеством¹².

Мистер Норрелл несколько раз неодобрительно прищелкнул языком, тем не менее разговор явно пошел ему на пользу. Когда через десять минут Лукас внес горячий шоколад, мистер Норрелл уже спокойно ел поджаренный хлебец и вообще не обнаруживал никаких признаков утренней нервозности.

Послышался громкий стук в дверь, и Лукас пошел открывать. По лестнице прошелестели шаги, и Лукас, вернувшись, объявил:

– Мистер Дролайт!

– Ах, мистер Норрелл! Здравствуйте, сэр! – вскричал мистер Дролайт, входя в комнату.

Он был в темно-синем сюртуке и держал трость черного дерева с серебряным набалдашником. От него так и веяло превосходным настроением; он кланялся, улыбался и расхаживал по комнате туда-сюда, так что через пять минут не нашлось бы дюйма ковра, на котором мистер Дролайт не постоял, стола или стула, которых бы он не погладил, зеркала, в котором бы он не мелькнул, и картины, которой бы мимолетно не улыбнулся.

Мистер Норрелл, хоть и поверил, что его гость не волшебник и не служит другому волшебнику, был не склонен следовать совету Чилдермасса. Приглашение выпить кофе он произнес самым что ни на есть ледяным тоном. Однако мрачная тишина и недружелюбные взгляды Норрелла на мистера Дролайта не действовали, ибо тишину он заполнял собственной болтовней, а к недружелюбным взглядам привык и давно не обращал на них внимания.

– Вы согласны со мной, сэр, что вчерашний прием был чрезвычайно мил? Хотя, если мне позволительно высказать свое мнение, думаю, вы совершенно правильно с него уехали. Я сумел обойти всех и каждому сказать, что джентльмен, который сейчас вышел из комнаты, – сам мистер Норрелл! О! Поверьте, сэр, ваш отъезд не прошел незамеченным. Досточтимый мистер Мешем был совершенно уверен, что успел заметить ваше уважаемое плечо, леди Баркли, кажется, имела честь увидеть седой завиток вашего почтенного парика, а мисс Фискертон с восторгом объявила, что ее взгляд на мгновение коснулся вашего ученого носа! И то немногое, что они видели, сэр, заставило их желать большего. Они с нетерпением ждут возможности рассмотреть столь замечательного человека полностью!

– Ах! Не может быть! – не без удовольствия вскричал мистер Норрелл.

Повторные заверения мистера Дролайта, что гости миссис Годсен очарованы мистером Норреллом, произвели желаемое действие и в значительной степени развеяли предубеждения хозяина. Мистер Дролайт уверял, что общество мистера Норрелла подобно приправе: маленькая щепотка придает вкус целому блюду. Он был настолько любезен, что мистер Норрелл постепенно делался все более и более словоохотливым.

– И каким же удачным обстоятельствам, сэр, – спросил мистер Дролайт, – мы обязаны счастьем вас лицезреть? Что привело вас в Лондон?

– Я прибыл в Лондон, дабы способствовать современной магии. Я намерен вернуть волшебство в Великобританию, – важно отвечал мистер Норрелл. – Я могу многое рассказать великим людям нашего времени и во многом был бы им полезен.

Мистер Дролайт вежливо пробормотал, что ничуть в этом не сомневается.

– Я бы предпочел, сэр, чтобы миссия эта досталась какому-нибудь другому волшебнику, – со вздохом проговорил мистер Норрелл.

¹² Однажды он оказался в гостиной леди Бесборо вместе с белой длинношерстой кошкой. Дролайт был одет в безупречно черные сюртук и панталоны, а кошка ходила кругами с явным намерением запрыгнуть ему на колени. Он выждал, пока рядом никого не будет, и, схватив кошку, выбросил ее в окно. Хотя гостиная находилась на третьем этаже, кошка осталась жива, но с тех пор прихрамывала на одну ногу и проявляла большую неприязнь к джентльменам в черной одежде.

Вид у него был настолько благородный, насколько позволяли мелкие черты лица. Удивительно, как мистер Норрелл, загубивший карьеру стольких коллег, сумел себя убедить, будто охотно уступил бы всю славу одному из них. Однако, как ни странно, мистер Норрелл, безусловно, верил в свои слова.

Мистер Дролайт выразил уверенность, что мистер Норрелл чересчур скромен. Невозможно помыслить, что кто-то другой вернет волшебство в Великобританию лучше мистера Норрелла.

– Однако я в невыгодном положении, сэр, – промолвил мистер Норрелл.

Мистер Дролайт отказался в это поверить.

– Я не знаю света, сэр. Как ученый, я склонен к тишине и одиночеству. Проводить час за часом в бессмысленной болтовне с незнакомыми людьми для меня худшая пытка. Однако Чилдермасс уверяет, что без этого не обойтись. – И мистер Норрелл посмотрел на Дролайта в надежде, что тот его разуверит.

– Ах! – воскликнул мистер Дролайт. – Вот почему я так рад, что мы стали друзьями! Не стану выдавать себя за ученого, сэр; я ничего не знаю о волшебниках и, полагаю, временами кажусь вам назойливым. Однако вы должны оставить мелкое раздражение ради высшего блага. Я могу ввести вас в свет и познакомить с обществом. О мистер Норрелл! Вы не в силах вообразить, насколько я могу быть вам полезен!

Мистер Норрелл не стал обещать, что поедет с мистером Дролайтом во все те места, которые мистер Дролайт находил восхитительными, и познакомится со всеми теми людьми, чья дружба, по словам мистера Дролайта, придаст новую прелесть его существованию, однако согласился сегодня вечером отобедать с мистером Дролайтом в доме леди Роутенстол на Бедфорд-Сквер.

Мистер Норрелл устал от обеда меньше, чем ожидал, и даже согласился на завтра встретиться с мистером Дролайтом в гостях у мистера Платтри. С таким советчиком и проводником мистер Норрелл почувствовал себя в обществе куда более уверенно. У него появилось множество дел; он был занят с одиннадцати утра и до полуночи. Он наносил утренние визиты; посещал званые обеды, балы и концерты итальянской музыки; он встречался с баронетами, лордами, леди и виконтессами, прогуливался по Бонд-стрит под руку с мистером Дролайтом или катался в карете по Гайд-парку вместе с мистером Дролайтом и близким другом мистера Дролайта, мистером Лассельсом.

В дни, когда мистер Норрелл обедал у себя на Ганновер-Сквер, мистер Дролайт составлял ему компанию. Мистер Норрелл предполагал, что тому это весьма удобно; Чилдермасс сказал, что у мистера Дролайта практически нет денег. Чилдермасс сообщил, что Дролайт живет за счет ума и долгов; он никогда никого не приглашает в гости, потому что снимает жилье над сапожной мастерской на Литтл-Райдер-стрит.

Как всякий новый дом, особняк на Ганновер-Сквер, казавшийся поначалу идеальным, вскоре потребовал усовершенствований. Естественно, мистер Норрелл хотел сделать все как можно быстрее; однако, когда он посетовал Дролайту на медлительность лондонских рабочих, тот воспользовался случаем, чтобы выяснить планы мистера Норрелла касательно обоев, ковров, мебели и декора и во всем отыскать изъяны. Они спорили над каждым пунктом по четверти часа, потом мистер Дролайт велел заложить карету мистера Норрелла и приказал Дэйви ехать на Стрэнд в салон мистера Аккермана. Там мистер Дролайт показал мистеру Норреллу альбом; на первой странице была помещена гравюра работы мистера Рептона: пустая старомодная гостиная, с портрета на стене сурово глядит старик в наряде елизаветинских времен, ободранные стулья таращатся друг на друга, подобно гостям на званом вечере, не знаящим, что сказать. Однако уже на следующей странице – о чудо! – благородное искусство обойщиков и мебелировщиков преобразило гостиную до неузнаваемости! С десятков модно разодетых леди и джентльменов в непринужденных позах расположились на стульях или прохаживались по

завитой виноградом оранжерее, невесть как возникшей за высокими стеклянными дверями. Из этого мистер Дролайт вывел следующую мораль: если мистер Норрелл желает найти друзей для английской магии, он должен устроить в своем доме как можно больше стеклянных дверей.

Под руководством мистера Дролайта мистер Норрелл выбрал для картинной галереи красную гамму взамен строгой темно-зеленой. В интересах английской магии каждый элемент декора предстояло покрыть краской и лаком, дабы он, словно актер, представлялся чем-то иным. Лепнину покрасили под дерево, дерево – под другое дерево. К тому времени, когда пришла пора выбирать обстановку для гостиной, мистер Норрелл уже настолько верил вкусу Дролайта, что поручил тому заказать все самостоятельно.

– Вы не пожалеете, дорогой сэр! – воскликнул Дролайт. – Три недели назад я выбирал обеденный гарнитур для герцогини Б., и она с первого взгляда объявила, что в жизни не видела ничего прекрасней!

Однажды ясным майским утром мистер Норрелл сидел в доме миссис Литтлуорт на Уимпол-стрит. Среди собравшихся были мистер Дролайт и мистер Лассельс. Мистер Лассельс чрезвычайно любил общество мистера Норрелла, уступая в этом лишь мистеру Дролайту, но по совершенно иным причинам. Его, человека циничного и умного, безумно веселило, что старик-ученый вообразил себя чародеем. Поэтому мистер Лассельс при всяком удобном случае задавал мистеру Норреллу вопросы о волшебстве и втайне потешался над ответами.

– Вам нравится в Лондоне, сэр? – спросил он.

– Ничуть, – отвечал мистер Норрелл.

– Очень жаль, – сказал мистер Лассельс. – Разыскали коллег?

Мистер Норрелл нахмурился и ответил, что, по его сведениям, в Лондоне нет других волшебников; во всяком случае, все попытки их отыскать оказались тщетными.

– Ах, сэр! – вскричал мистер Дролайт. – Вы ошибаетесь! Вас ввели в заблуждение! В Лондоне тоже есть чародеи – не менее сорока. Лассельс, вы подтвердите, что у нас в Лондоне сотни чародеев? Стоят почти на каждом углу. Мы с мистером Лассельсом охотно их вам покажем. У них есть своего рода король, которого они зовут Винкулюсом, – высокий оборванец, он еще держит палатку у церкви Святого Христофора на Бирже. Сидит за грязной желтой занавеской и за два пенни предсказывает судьбу.

– Винкулюс предрекает одни бедствия, – со смехом заметил мистер Лассельс. – Недавно он пообещал, что я утону, сойду с ума, все мое имущество сгорит в огне, а еще у меня будет незаконная дочь, которая в старости разобьет мне сердце своим презрением.

– Охотно отвезу вас к нему, сэр, – сказал Дролайт. – Я в восторге от Винкулюса.

– Будьте осторожны, сэр, – вставила миссис Литтлуорт. – Иногда эти люди способны нагнать страха. Крукшенки привели в дом мага – очень грязного, – чтобы тот показал их друзьям несколько фокусов. Когда выяснилось, что он не умеет показывать фокусы, Крукшенки отказались ему платить. В ярости он поклялся, что превратит хозяйского ребенка в совок для угля. Все были в панике, потому что младенец исчез, а ни одного нового совка в доме не появилось. Обыскали дом сверху донизу, миссис Крукшенк от волнения лишилась чувств, пришлось вызывать врача. И так продолжалось, пока не вернулась нянька с младенцем на руках – она ходила показать его своей матери на Джеймс-стрит.

Несмотря на все убеждения, мистер Норрелл отказался ехать с мистером Дролайтом смотреть Винкулюса в желтой палатке.

– А что вы думаете о Короле-вороне, мистер Норрелл? – с жаром спросила миссис Литтлуорт.

– Ничего. Я никогда о нем не думаю.

– Правда? – заметил мистер Лассельс. – Извините мою дерзость, мистер Норрелл, но это весьма необычное утверждение. Все маги в один голос заявляют, что Король-ворон – вели-

чайший из них всех! Человек, который мог, если бы только захотел, снять Мерлина с дерева, перекувырнуть и посадить обратно¹³.

Мистер Норрелл ничего не ответил.

– Но ведь верно, – продолжал мистер Лассельс, – что никто из волшебников-ауреатов не мог с ним сравниться? Королевства по всем мирам, сколько бы их ни на есть¹⁴. Толпы рыцарей – людей и эльфов, готовых исполнить его волю. Не говоря уже о его долголетию: нас уверяют, что под конец своего трехсотвекового правления он оставался, во всяком случае внешне, юношей.

Мистер Норрелл вновь ничего не ответил.

– Или вы думаете, что истории лгут? Я часто слышал, что Короля-ворона не было или что то был не один человек, а целая череда волшебников с одинаковой внешностью. Может быть, вы тоже так думаете?

Мистер Норрелл явно предпочел бы промолчать, но прямого вопроса обязывала его ответить.

– Нет, – сказал он наконец. – Я твердо убежден, что он существовал, однако не могу назвать его влияние на английское волшебство иначе как пагубным. Он употреблял магию самого скверного свойства, и я бы хотел, чтобы и самое его имя забылось навсегда.

– А как насчет ваших волшебных слуг, сэр? – спросил мистер Лассельс. – Они видны только вам? Или другие тоже могут их видеть?

Мистер Норрелл фыркнул и ответил, что у него их нет.

– Чего нет? – изумленно воскликнула дама в алом платье.

– Вы мудры, мистер Норрелл, – сказал мистер Лассельс. – Дело «Таббс против Стархауса» стало предостережением для всех волшебников¹⁵.

¹³ По преданию, волшебница Нимуэ заточила Мерлина на вершине боярышника.

¹⁴ Лассельс преувеличивает. Число королевств Короля-ворона никогда не превышало трех.

¹⁵ Таббс против Стархауса: знаменитое дело, слушавшееся в Ноттингеме несколько лет назад. Житель Ноттингема по фамилии Таббс очень хотел увидеть эльфа или фею; из-за постоянных мыслей об эльфах и феях, а также от соответствующего чтения ему втемяшилось в голову, будто его кучер – эльф. Кучер (которого звали Джек Стархаус) был высокого роста, темноволос и отличался крайней молчаливостью, смущавшей остальных слуг, которые относили ее на счет заносчивости. Он совсем недавно поступил на службу к мистеру Таббсу; устраиваясь на работу, он сообщил, что прежде был кучером у некоего мистера Брауна в месте под названием Колдмиклхилл на севере. У кучера был необыкновенный дар: все животные его любили. Лошади, когда он их запрягал, стояли смирно. Еще он умел разговаривать с кошками, причем обращался к ним каким-то особенным шепотом, а кошки сидели и внимали с видом легкой заинтересованности, словно никогда в жизни не слышали ничего более разумного и не рассчитывают услышать впредь. Кошки в доме мистера Таббса обычно вели себя с тем же важным достоинством, что и все прочие, однако у Джека Стархауса они пускались в пляс, подпрыгивали на задних лапах и скакали из стороны в сторону. Всего этого он добивался шепотом, свистом и вздохами. Один из слуг заметил, что кошек имело бы смысл дрессировать, если бы те хоть на что-то годились. Однако в удивительных талантах Джека Стархауса не было никакого проку, и кошачьи фокусы не развлекали других слуг, а лишь приводили в еще большее замешательство. Это ли или красивое лицо с широко расставленными глазами заставило мистера Таббса заподозрить в кучере эльфа – неизвестно; однако мистер Таббс стал тайно наводить о нем справки. Однажды мистер Таббс вызвал Стархауса в свой кабинет и сообщил, что, по его сведениям, мистер Браун очень болен – был болен все то время, когда Стархаус у него якобы работал, – и уже много лет никуда не выезжает. Поэтому мистер Таббс хотел бы знать, зачем мистер Браун держал кучера. Некоторое время Джек Стархаус молчал, потом признал, что никогда не служил у мистера Брауна. Он сказал, что работал в одной семье неподалеку; работал на совесть, и место было хорошее, однако другие слуги его невзлюбили, за что – неизвестно. Одна служанка наговорила на него хозяйке, и Стархауса уволили. Он сказал, что сожалеет о своей лжи, но не знал, как еще поступить. Мистер Таббс сказал, что незачем выдумывать новую ложь. Он знает, что Стархаус – эльф, и пусть тот не боится, что хозяин его выдаст. Хозяин хочет лишь одного – говорить со Стархаусом о его сородичах. Сперва Стархаус не понимал, к чему клонит мистер Таббс, а когда наконец понял и принялся уверять, что никакой он не эльф, а человек и англичанин, мистер Таббс ему не поверил. После этого, что бы Стархаус ни делал, куда бы ни шел, его везде подстерегал мистер Таббс с сотнями вопросов про Страну Фей. Стархаус не выдержал и (хотя мистер Таббс всегда был очень к нему добр) уволился. Еще не найдя нового места, он сошелся в трактире с неким человеком, который посоветовал ему подать на прежнего хозяина в суд за клевету. На знаменитом процессе Джек Стархаус стал первым, кого по английским законам официально признали человеком. Однако этот занятый эпизод имел дурные последствия как для Таббса, так и для Стархауса. Таббс за свое невинное желание увидеть эльфа стал всеобщим посмешищем. Карикатуры на него печатали в лондонских, ноттингемских и шэффилдских газетах, а соседи, с которыми он долгие годы поддерживал близкую дружбу, не желали с ним больше заться. Тем временем Стархаус понял, что никто не хочет нанимать кучера, затеявшего тяжбу с хозяином; он вынужден был браться за самую унижительную работу и вскоре впал в нищету. Дело «Таббс против Стархауса» интересно и тем, что показывает живучесть убеждения, будто эльфы и по сей час обитают в Англии.

– Мистер Таббс не был волшебником, – отвечал мистер Норрелл. – Однако, будь он величайшим волшебником христианского мира, ему бы все равно не следовало стремиться к обществу эльфов. Никогда в Англии не было ничего опаснее и вреднее этой породы. Слишком многие волшебники по лени или по невежеству пренебрегали наукой и направляли все усилия на то, чтобы приобрести себе слугу-эльфа и переложить колдовство на его плечи. В истории Англии полно таких людей, и некоторые, рад заметить, наказаны по заслугам. Вспомните Бладворта¹⁶.

Мистер Норрелл обзавелся кучей новых знакомых, однако никто не воспылал к нему искренней дружбой. В целом лондонцы нашли его весьма скучным. Он ничего не наколдовал, никого не проклял и ничего не предсказал. Однажды в доме миссис Годсден он заметил, что, кажется, скоро пойдет дождь, но пророчество не сбылось – дождь так и не пошел до следующей субботы. Он редко говорил о магии, а если и говорил, это больше напоминало урок истории, и ни у кого не хватало терпения его слушать. О волшебниках прошлого он упоминал неодобрительно, за исключением одного случая, когда с похвалой отозвался о Фрэнсисе Саттон-Гроув¹⁷.

Многие англичане считают, что их повсюду окружают эльфы. Некоторые из них невидимы, другие притворяются христианами и могут быть в числе наших знакомых. Ученые спорят по этому вопросу много столетий, но так и не пришли к согласию.

¹⁶ Волшебный слуга явился к Саймону Бладворту по собственному почину, назвался Баклером и сказал, что хочет поступить на службу. Как знает теперь каждый английский школьник, Бладворту следовало бы с пристрастием выпросить, откуда Баклер взялся и почему пришел из Страны Фей с единственной целью поступить в услужение к третьеразрядному английскому волшебнику. Баклер был очень искусен в разного рода магии. Дела Бладворта в маленьком шерстопрядильном городке Бредфорде-на-Эйвоне быстро пошли в гору. Лишь раз Баклер доставил ему неприятности – когда, в приступе ярости, уничтожил книжицу, принадлежавшую капеллану лорда Ловела. Чем дольше Баклер жил у Бладворта, тем больше набирался сил, а, набравшись сил, первым делом изменил свой вид: грязные лохмотья стали парчовым платьем, ржавые ножницы, украденные у жестянщика, – мечом; пегая лисья мордочка превратилась в красивое человеческое лицо, а сам он внезапно вырос на два или три фута. Он быстро уверил миссис Бладворт и ее дочерей, что это и есть его истинное обличье, прежняя же уродливая внешность была следствием злых чар. Однажды погожим майским утром 1310 года, когда мистер Бладворт был в отъезде, миссис Бладворт обнаружила в углу кухни высокий буфет, которого там прежде не было. На ее вопросы Баклер ответил, что буфет волшебный и это его, Баклера, рук дело. Он сказал, что ему больно видеть, как миссис Бладворт и ее дочери стирают, готовят и убираются от зари до зари, в то время как им пристало сидеть в богатых платьях на шелковых подушках и есть сладости. Ответ этот показался миссис Бладворт весьма разумным. Баклер сказал, что частенько упрекал мистера Бладворта за неспособность сделать жизнь миссис Бладворт более приятной и легкой, но хозяин его не слушал. Миссис Бладворт ответила, что ничуть не удивлена. Баклер сказал, что если она вступит в этот шкаф, то окажется в волшебном месте, где выучит заклинания, позволяющие вмиг завершить любую работу, заставить мужа ее слушаться, явить ее прекрасной в глазах окружающих, сделать груды золота из ничего и так далее и так далее. Миссис Бладворт спросила, много ли этих заклинаний. Баклер отвечал, что примерно три. Трудно ли их выучить? О нет, ничуть. Много ли времени это займет? О нет, немного, она поспеет назад к обеду. *5 (прод.)* Семнадцать людей вошли в шкаф тем утром и больше не вернулись, в том числе миссис Бладворт, две ее младшие дочери, две горничные, двое слуг, дядя миссис Бладворт и шесть соседок. Только Маргарет Бладворт, старшая дочь Бладворта, отказалась входить. Король-ворон отрядил двух волшебников расследовать дело; по их письменным отчетам мы и знаем эту историю. Главной свидетельницей была Маргарет, рассказавшая, что по возвращении «мой бедный отец вошел в шкаф, дабы их выручить, как я ни молила его остаться. Больше он не возвращался». Двумя столетиями позже доктор Мартин Пейл путешествовал по Стране Фей. В замке Джона Каблука (древнего и могущественного эльфийского принца) он обнаружил человеческое дитя лет семи-восьми. Девочка, очень бледная и заморенная, сказала, что ее зовут Анна Бладворт. Она считала, что попала в Страну Фей две недели назад. Ей поручили перемыть огромную грудку грязных котлов, чем она и занималась все это время. Она сказала, что, когда домоет, сможет вернуться домой и встретиться с родителями и сестрами. Она надеялась управиться за день-два.

¹⁷ *Фрэнсис Саттон-Гроув* (1682–1765) – маг-теоретик. Он написал две книги: «*De Generibus Artium Magicarum Anglorum*» («О родах искусства английской магии»; 1741) и «Предписания и описания» (1749). Даже мистер Норрелл, главный (и единственный) поклонник Саттон-Гроува, находил «Предписания и описания» (в которых тот пытался изложить правила практической магии) в высшей степени скверными, а ученик мистера Норрелла, Джонатан Стрендж, так ненавидел эту книгу, что изорвал свой экземпляр в клочки и скормил ослику лудильщика (см. Джон Сегундус. «Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея, 1820). «*De Generibus Artium Magicarum Anglorum*» считается нуднейшей книгой во всем своде английской магии (который включает в себя много скучных трудов). Это первая в Англии попытка определить области магии, которые должен изучить современный волшебник; согласно Саттон-Гроуву, их тридцать восемь тысяч девятьсот сорок пять, и каждой посвящена отдельная глава. Саттон-Гроув предвосхитил мистера Норрелла еще в одном отношении: ни в одном его перечне не упоминаются магические свойства, традиционно приписываемые птицам или диким животным; кроме того, он тщательно обходит молчанием те виды колдовства, в которых требуется помощь эльфов, например возвращение к жизни мертвых.

– А мне казалось, сэр, – сказал мистер Лассельс, – что Фрэнсиса Саттон-Гроува читать невозможно. Я вечно слышу, что «*De Generibus Artium*» читать невозможно.

– О! – сказал мистер Норрелл. – Не знаю, насколько подобные труды занимают светскую публику, но полагаю, что для серьезного ученого, посвятившего себя изучению магии, Саттон-Гроув неocenим. В его книге вы найдете первую попытку обозначить те области магии, которые современный волшебник должен изучить, изложенную в перечнях и таблицах. Безусловно, классификация Саттон-Гроува во многом ошибочна, – вероятно, именно это вы имели в виду, утверждая, что его невозможно читать? Однако, на мой взгляд, нет в мире зрелища более отрадного, нежели десяток его списков. Ученый скользит по ним глазами и думает: «Это я знаю» или «Это мне еще предстоит» – и вот перед ним работа на четыре, может быть, на пять лет.

История о статуях в Йоркском соборе так приелась от частого повторения, что многие задавались вопросом, способен ли мистер Норрелл на что-либо еще. Мистер Дролайт счел себя обязанным придумать несколько свежих примеров.

– Но что этот волшебник умеет, Дролайт? – спросила миссис Годсден однажды вечером, когда мистера Норрелла рядом не было.

– Ах, мадам! – вскричал Дролайт. – Лучше спросите, чего он не умеет! Прошлой зимой в Йорке – как вы знаете, это родной город мистера Норрелла – сильнейший северный ветер сорвал с веревок все сохнувшее белье и бросил его в грязь. Олдермен, желая избавить дам от новой стирки, обратился к мистеру Норреллу, и мистер Норрелл призвал отряд фей, которые все перестирали. Кроме того, дыры на рубашках, нижних юбках и ночных колпаках оказались заштопаны, затрепанные края сделались как новые, и все горожане клялись, что никогда не видели такой ослепительной белизны!

Эта история стала очень популярной и подняла репутацию мистера Норрелла еще на несколько недель; всякий раз, как мистер Норрелл заводил речь о современной магии, слушатели полагали, что он говорит о чем-то подобном.

Однажды унылым сентябрьским утром, в среду, мистер Норрелл и мистер Дролайт сидели в библиотеке на Ганновер-Сквер. Мистер Дролайт был в середине длинного рассказа о том, что мистер Ф. произнес с намерением оскорбить лорда С. и что леди Д. об этом подумала, когда мистер Норрелл внезапно проговорил:

– Я буду признателен вам, мистер Дролайт, если вы скажете, сообщил ли кто-нибудь герцогу Портлендскому¹⁸ о моем прибытии в Лондон?

– Ах, сэр! – вскричал Дролайт. – Только вы, сэр, при вашей скромности, могли задать подобный вопрос. Уверяю вас, *все* министры уже наслышаны об удивительном мистере Норрелле.

– Однако в таком случае, – сказал мистер Норрелл, – почему его светлость до сих пор ко мне не обратился? Я начинаю думать, что кабинет не ведает о моем существовании, – итак, мистер Дролайт, я был бы благодарен, если бы вы сообщили, есть ли у вас знакомства в правительстве, которыми я мог бы воспользоваться.

– В правительстве, сэр? – переспросил мистер Дролайт.

– Я прибыл сюда, дабы принести пользу отечеству, – скорбно произнес мистер Норрелл, – и надеялся к настоящему времени сыграть выдающуюся роль в борьбе с Францией.

– Если вам кажется, что вами пренебрегают, то я искренне сожалею! – воскликнул Дролайт. – Однако вам не следует так думать. В Лондоне достаточно дам и джентльменов, которые были бы счастливы увидеть ваши магические трюки в любой вечер. Не бойтесь нас напугать – у нас крепкие нервы.

Мистер Норрелл промолчал.

¹⁸ Герцог Портлендский, премьер-министр и первый лорд казначейства в 1807–1809 годах.

– Что ж, сэра, – сказал мистер Дролайт с вкрадчивой улыбкой и примирительным взглядом черных влажных глаз. – Не будем спорить. Однако, увы, помочь вам не в моей власти. У правительства своя сфера, у меня – своя.

На самом деле мистер Дролайт лукавил: он знал некоторых джентльменов, которые занимали различные посты в правительстве и охотно согласились бы встретиться с другом мистера Дролайта, если бы в обмен мистер Дролайт обязался не разглашать кое-какие факты из их частной жизни. Однако мистер Дролайт не видел в этом никакой для себя выгоды. Он предпочитал возить мистера Норрелла по гостям в надежде, что однажды тот все же согласится показать пару магических трюков, о которых так мечтают знакомцы мистера Дролайта.

Мистер Норрелл начал писать письма членам правительства, которые показывал мистеру Дролайту перед тем, как отдать Чилдермассу для отправки, однако члены правительства не отвечали. Мистер Дролайт предупреждал мистера Норрелла, что так оно и будет. Члены правительства всегда очень заняты.

Неделей или двумя позже мистера Дролайта пригласили в дом на Сохо-Сквер послушать итальянскую певицу, только что из Рима. Естественно, был приглашен и мистер Норрелл. Однако по прибытии Дролайт не сумел разыскать волшебника в толпе. Лассельс, облокотясь на каминную полку, беседовал с какими-то джентльменами. Дролайт подошел и спросил, не знает ли он, где мистер Норрелл.

– О! – сказал мистер Лассельс. – Он отправился с визитом к сэру Уолтеру Поулу. Мистер Норрелл владеет важными сведениями, которые желает безотлагательно довести до сведения герцога Портлендского. И мистер Норрелл намерен передать эти сведения через сэра Уолтера Поула.

– Герцог Портлендский? – вскричал другой джентльмен. – Как?! Неужели министры настолько отчаялись? Они уже советуются с волшебниками?

– Вы неверно поняли, – улыбнулся мистер Лассельс. – Это Норрелл хлопочет о встрече. Он намеревается предложить услуги правительству. Кажется, он придумал, как разбить французов с помощью волшебства. Однако вряд ли министры согласятся его выслушать. Сейчас, когда в Европе им вцепились в глотку французы, а здесь – парламент, им решительно не до чудачеств пожилого йоркширского джентльмена.

Подобно сказочному герою, мистер Норрелл обнаружил, что средство к исполнению цели давно у него в руках. Даже у волшебников есть родственники; вот и у мистера Норрелла имелся дальний родич (по материнской линии), который однажды набрался наглости написать ему письмо. Дабы пресечь дальнейшие поползновения такого рода, мистер Норрелл отправил молодому человеку восемьсот фунтов, о которых тот просил и которые, как ни прискорбно, отнюдь не умерили его эпистолярного пыла. Родственник усугубил свой грех, отправив *второе* письмо, в котором выражал благодетелю самую горячую признательность и писал: «...посему я и мои друзья отныне целиком на вашей стороне и готовы голосовать на следующих выборах в соответствии с вашими пожеланиями; а буде у меня возникнет какая возможность вам услужить, любые ваши распоряжения станут большой честью и случаем возвыситься в глазах общества для вашего покорного слуги Уэнделла Маркворти».

До сих пор мистер Норрелл не пытался возвысить мистера Маркворти в глазах общества, оказав ему честь своими распоряжениями, но тут выяснилось (усилиями мистера Чилдермасса), что на деньги, полученные от благодетеля, мистер Маркворти купил себе и брату места клерков в Ост-Индской компании. Они отправились в Индию и через десять лет вернулись богачами. Не получив от первого покровителя никаких указаний, как ему голосовать, мистер Маркворти решил следовать советам своего начальника в Ост-Индской компании, мистера Боннела, и убедил друзей поступить так же. Он сумел стать весьма полезным для мистера Боннела, который в свою очередь был дружен с одним политиком, сэром Уолтером Поулом. В мире политики и коммерции каждый кому-то обязан, а кто-то другой обязан ему, так что возникает

длинная цепочка обещаний и обязательств. В данном случае цепочка протянулась от мистера Норрелла к сэру Уолтеру Поулу, а сэр Уолтер Поул в то время занимал должность министра.

6. «Магия малопочтенна, сэр»

Октябрь 1807 года

Трудно тогда приходилось министрам.

Война шла то скверно, то очень скверно, и все дружно ненавидели кабинет. Порой часть вины за очередную неудачу удавалось возложить на конкретного человека, но в целом все в один голос винили министров; им же, бедолагам, оставалось винить друг друга, что они и делали все чаще и чаще.

Не то чтобы министры страдали тупостью, – напротив, среди них встречались блистательные умы. Не были они поголовно мерзавцами – среди них попадались безупречные семьянины, любящие детей, музыку, собак и живопись. И все же кабинет был настолько непопулярен, что, если бы не речи министра иностранных дел, вряд ли удалось бы провести хоть один вопрос через палату общин.

Министр иностранных дел был несравненным оратором. Как бы низко ни стояло правительство в общественном мнении, стоило министру иностранных дел заговорить – ах! насколько в ином свете все представало! Как быстро все дурное оказывалось виной прежнего кабинета (ужасных людей, совмещавших общую тупость с коварством умыслов). Что касается нынешнего кабинета, со времен Античности мир не видел мужей столь добродетельных и столь оклеветанных врагами. Все они мудры, как Соломон, благородны, как Цезарь, бесстрашны, как Марк Антоний; никто более министра финансов не напоминает Сократа своей честностью. Увы, несмотря на все эти добродетели и дарования, министрам никак не удавалось добиться успеха в борьбе с Францией, и даже самый их ум вызывал нарекания. Сельские джентльмены, читая в газетах речь того или иного министра, бормотали себе под нос, что он, видать, умный малый. Однако сельские джентльмены сильно подозревали, что в уме есть что-то не британское. Такого рода непредсказуемая гениальность была свойственна в первую очередь закланному врагу Англии, императору Наполеону Бонапарту; сельские джентльмены ее не одобряли.

Сэру Уолтеру Поулу было сорок два. Печально, но факт: он отличался таким же умом, как остальные члены кабинета. Он успел перессориться с большинством выдающихся политиков эпохи и как-то в разгар пьяного кутежа получил по голове бутылкой мадеры от Ричарда Бринсли Шеридана. Впоследствии Шеридан заметил герцогу Йоркскому: «Поул принял мои извинения самым джентльменским образом. По счастью, он так нехорош собой, что лишний шрам никак не испортит его внешность».

На мой взгляд, он не был столь уж нехорош собой. Действительно, черты его были чрезвычайно дурны: лицо, в полтора раза длиннее обычного, крупный, заостренный на конце нос, глаза – два умных куса угля и щетинистые брови, похожие на очень мелких рыбешек, отважно бороздящих безбрежные просторы лица. И все же, взятые вместе, уродливые черты составляли довольно приятное целое. Если вы видели это лицо в покое (гордое, с легким оттенком меланхолии), вы воображали, будто оно всегда так выглядит и неспособно выразить какое-либо иное чувство. Коли так, вы в корне ошибались.

Главным выражением сэра Уолтера Поула было *Изумление*. Глаза его расширялись, брови взлетали на полдюйма, он откидывался назад и становился похож на персонажа с гравюры мистера Роулэндсона или мистера Гилрея. «Но, конечно, – восклицал он, – вы же не утверждаете то-то и то-то!» И если джентльмен, неосторожно утверждавший то-то и то-то в присутствии сэра Уолтера, не был вам другом или вам нравится наблюдать, как злое остроумие посрамляет тупость, вы могли изрядно позабавиться. Исполненный ехидства сэр Уолтер был занятнее пьесы в Друри-лейн. Скучные джентльмены из обеих палат старались всячески его избегать. (Старый лорд Такой-то, спеша по коридору, соединяющему палату общин с конно-

гвардейскими казармами, машет на сэра Уолтера тростью и кричит: «Я не буду говорить с вами, сэр! Вы извращаете мои слова! Вы приписываете мне то, чего я никогда не утверждал!»)

Однажды на публичном выступлении в Сити сэр Уолтер удачно сравнил Англию и ее политиков с осиротевшей молодой леди, оставленной на попечении развратных и жадных стариков. Вместо того чтобы печься об интересах молодой дамы, эти негодяи растратили ее наследство и разорили дом. И хотя слушатели сэра Уолтера понимали не все его заумные словечки (результат превосходного классического образования), речь имела грандиозный успех. Все легко представили себе бедную молодую леди, которая стоит на кровати в одной нижней юбке, в то время как виги роются в ее шкафах и распродают вещи старьевщику. Всех молодых джентльменов приятно возмутила эта картина.

Сэр Уолтер отличался душевной широтой и даже мягкосердечностью. Он как-то выразил надежду, что у врагов есть основания его бояться, у друзей – любить; думаю, так в целом оно и было. Его веселость, доброта и ум, высокое положение, которое он теперь занимал в обществе, восхищали еще больше из-за умения их сохранять в обстоятельствах, сломивших бы человека более слабого. Сэр Уолтер отчаянно нуждался в деньгах. Я не имею в виду просто стесненные обстоятельства. Одно дело – бедность, совсем другое – долги сэра Уолтера. Прискорбная ситуация! И тем более прискорбная, что в ней не было вины сэра Уолтера: сам он денег на ветер не бросал, но был сыном одного мота и внуком другого. Сэр Уолтер родился в долгах. Будь он человеком иного склада, все могло бы обернуться к лучшему. Имей он склонность к флотской карьере, ему, возможно, удалось бы сделать состояние на призовых деньгах; обладал он расположением к сельскому хозяйству, возможно, завел бы в своем поместье разумное землепользование и разбогател на зерне. Даже стань сэр Уолтер министром на пятьдесят лет раньше, он мог бы ссужать государственные деньги под двадцать процентов годовых и класть прибыль себе в карман. Однако что может современный политик? Он будет скорее тратить деньги, чем зарабатывать.

Несколько лет назад друзья в правительстве выхлопотали ему должность постоянного секретаря в Департаменте петиций, благодаря которой он получил особую шляпу, маленький предмет из слоновой кости и семьсот фунтов в год. Должность не предполагала никаких обязанностей, поскольку никто не помнил, что должен делать Департамент петиций и для чего нужен маленький предмет из слоновой кости. Однако потом друзья сэра Уолтера проиграли выборы, пришли новые министры и объявили, что упразднят синекюры. В числе многих ветвей, которые они отсеки от правительственного древа, оказался и Департамент петиций.

К весне 1807 года начало казаться, что политическая карьера сэра Уолтера близится к концу (последние выборы обошлись ему почти в две тысячи фунтов). Его друзья были в отчаянии. Одна из знакомых сэра Уолтера, леди Уинзелл, отправилась в Бат и там на концерте итальянской музыки свела знакомство с некими дамами по фамилии Уинтертаун, вдовой и дочерью. Неделью спустя леди Уинзелл написала сэру Уолтеру: «Это именно то, чего я всегда для вас желала. Мать грезит великосветским браком и возражать не станет – а если и станет, полагаю, вы сумеете ее обворожить. Что касается денег! ах, мой друг, когда она назвала сумму приданого, у меня слезы выступили на глазах! Как бы вам понравилась тысяча в год? Не буду ничего говорить касательно самой юной особы – увидев своими глазами, вы станете хвалить ее мне куда красноречивее, чем я могу сделать это в письме».

Около трех часов в тот самый день, когда мистер Дролайт слушал итальянскую певицу, Лукас, лакей мистера Норрелла, постучал в дверь дома на Брунсвик-Сквер, куда мистера Норрелла пригласили для встречи с сэром Уолтером. Мистера Норрелла впустили в дом и проводили в красиво обставленную гостиную на первом этаже.

По стенам висели огромные живописные полотна в массивных золоченых рамах. Все они изображали Венецию, однако день выдался пасмурный, лил холодный дождь, и Венеция – город, состоящий из равных частей залитого солнцем мрамора и залитого солнцем моря, –

утонула в лондонском сумраке. Бирюза волн, белизна облаков и редкие проблески золота отдавали зеленоватой серостью. Время от времени ветер бросал в окна струи дождя (печальный звук); в сером свете полированная гладь палисандровых шифоньеров и письменных столов орехового дерева превратилась в черные зеркала. При всем своем великолепии комната выглядела на удивление неуютной; не было ни свечей, чтобы развеять мрак, ни огня в камине, чтобы прогнать холод, как будто хозяин или хозяйка обладает великолепным зрением и никогда не зябнет.

Сэр Уолтер Поул поднялся, чтобы поприветствовать мистера Норрелла и представить его миссис Уинтертаун и ее дочери, мисс Уинтертаун. Хотя сэр Уолтер говорил о *двух* леди, мистер Норрелл видел только одну: даму зрелых лет, властную и преисполненную величавого достоинства. Это несколько озадачило мистера Норрелла. Он подумал, что сэр Уолтер ошибся, но не захотел перечить ему в самом начале беседы. В легком замешательстве мистер Норрелл поклонился властной даме.

– Рад знакомству, сэр, – сказал сэр Уолтер. – Я о вас наслышан. Весь Лондон только и говорит, что об удивительном мистере Норрелле. – И, повернувшись к властной даме, добавил: – Мистер Норрелл – волшебник, мэм, весьма известный в родном Йоркшире.

Дама уставилась на мистера Норрелла.

– Я ожидал увидеть вас совершенно другим, мистер Норрелл, – заметил сэр Уолтер, – мне сказали, что вы *практикующий* волшебник, – надеюсь, вы не обиделись, сэр, – просто мне так говорили. Я очень рад, что ошибся. Лондон кишит самозваными чародеями, которые выманивают деньги у простаков, обещая им что-то несусветное. Вы знаете Винкулюса, у него еще палатка возле церкви Святого Христофора на Бирже? Он – худший из них. Вы – маг-теоретик, я полагаю? – Сэр Уолтер ободряюще улыбнулся. – Однако мне сказали, что у вас какая-то просьба, сэр.

Мистер Норрелл попросил прощения, но сказал, что он действительно практикующий волшебник; сэр Уолтер сделал удивленное лицо. Мистер Норрелл выразил надежду, что не уронил себя в его мнению.

– Нет-нет. Ни в коем случае, – вежливо пробормотал сэр Уолтер.

– Заблуждение, которое вы разделяете, – сказал мистер Норрелл, – я имею в виду взгляд, будто все практикующие волшебники не более чем шарлатаны, – есть результат постыдного безделья английских магов в последние двести лет. Я совершил одно чародейство, которое жители Йорка любезно называли удивительным, – и все же говорю, сэр Уолтер, что любой заурядный волшебник сделал бы не меньше. Общая летаргия лишила нашу страну лучшей поддержки и оставила нас беззащитными. Именно это я и пытаюсь исправить. Другие волшебники способны пренебречь своими обязанностями, я – нет; я прибыл сюда, сэр Уолтер, чтобы предложить помощь в нынешнем затруднительном положении.

– В нынешнем положении? – переспросил сэр Уолтер. – Вы о войне? – Он широко открыл маленькие черные глазки. – Мой дорогой мистер Норрелл! Что общего у магии с войной? Или у войны с магией? Я, кажется, слышал о том, что вы совершили в Йорке. Надеюсь, домохозяйки были и впрямь благодарны, но не представляю, как можно применить такое волшебство на войне! Верно, солдаты очень грязны... – сэр Уолтер хохотнул, – однако это не главная их забота.

Бедный мистер Норрелл! Он не слышал историю Дролайта о том, как феи перестирали йоркцам одежду, и теперь пришел в ужас. Он заверил сэра Уолтера, что ни разу в жизни не стирал белье – ни волшебством, ни каким-либо иным способом, – и поведал о подлинном своем свершении. Однако странное дело: захватывающие дух чудеса он описывал в обычной сухой и скучной манере. Сэр Уолтер остался под впечатлением, будто происшествие со статуями в Йоркском соборе было весьма унылым и хорошо, что он в это время находился в другом месте.

– Вот как? – сказал он. – Что ж, любопытно. Однако я все равно не совсем понимаю, как...

Тут кто-то кашлянул. Сэр Уолтер замолк, словно прислушиваясь.

Мистер Норрелл оглянулся. В самом далеком и темном углу комнаты лежала на оттоманке девушка в белом платье, закутанная в белую шаль. Она лежала очень тихо, прижимая к губам платок. Ее поза, ее неподвижность, все в ней говорило о тяжелой болезни.

До сей минуты мистер Норрелл был убежден, что в углу никого нет; он изумился не меньше, чем если бы девушка возникла там по волшебству. Покуда он смотрел, девушка зашла в приступе кашля. Сэр Уолтер, казалось, чувствовал себя крайне неловко. Он не смотрел на молодую даму, хотя взгляд его беспрерывно блуждал по комнате. Он взял со стола золоченую безделушку, перевернул ее, оглядел снизу и поставил на место. Наконец он кашлянул – прочистил горло, словно желая показать, что нет ничего естественнее кашля и кашель никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть поводом для волнения. Девушка на оттоманке наконец справилась с приступом, хотя дышала она по-прежнему тяжело.

Мистер Норрелл перевел взгляд с молодой особы на большую мрачную картину у нее над головой и попытался вспомнить, о чем они говорили.

– Это – бракосочетание, – сказала величественная дама.

– Прошу прощения, мэм? – не понял мистер Норрелл.

Дама кивнула в сторону картины и величаво улыбнулась.

Полотно над головой молодой особы, как и все картины в комнате, изображало Венецию. Английские города выстроены главным образом на холмах; их улицы ведут то вверх, то вниз. Мистеру Норреллу подумалось, что Венеция, построенная на море, должно быть, самый плоский и удивительный город в мире. Это ее свойство делало картину похожей на упражнение в перспективе: статуи, колонны, купола, дворцы и соборы уходили к горизонту, а море, плещущее у их подножия, было наполнено резными золочеными барками и черными гондолами, похожими на вдовьи домашние туфли.

– Здесь изображено символическое бракосочетание Венеции с Адриатикой, – сказала дама (как мы можем теперь предположить, миссис Уинтертаун). – Занятный итальянский обычай. Картины, которые вы видите в этой комнате, покойный мистер Уинтертаун приобрел во время путешествий в Европу; когда мы поженились, он подарил их мне на свадьбу. Художник – итальянец – был в то время совершенно неизвестен, а позже, ободренный покровительством мистера Уинтертауна, переехал в Лондон.

Речь ее была столь же величава, как и она сама. После каждого предложения дама делала паузу, чтобы дать время мистеру Норреллу осознать всю значимость услышанного.

– И когда моя дорогая Эмма выйдет замуж, – продолжала она, – эти картины станут моим свадебным подарком ей и сэру Уолтеру.

Мистер Норрелл спросил, как скоро мисс Уинтертаун и сэр Уолтер намерены пожениться.

– Через десять дней! – торжествующе ответила миссис Уинтертаун.

Мистер Норрелл высказал свои поздравления.

– Вы волшебник, сэр? – спросила миссис Уинтертаун. – Очень жаль. К этой профессии я питаю особую неприязнь.

Она посмотрела так, будто, узнав о ее неодобрении, мистер Норрелл немедленно отречется от волшебства и найдет себе другое занятие.

Когда этого не произошло, она повернулась к будущему зятю:

– Моя мачеха, сэр Уолтер, безгранично верила одному волшебнику. После смерти отца он неотлучно находился в доме. Можно было войти в комнату, полагая, что там никого нет, и обнаружить его в углу за портьерой или спящим на диване в грязных башмаках. Он был сыном кожевника, и его низкое происхождение проявлялось во всем. У него были длинные грязные

волосы и лицо, похожее на собачью морду, однако его сажали за стол, как джентльмена. Моя мачеха во всем его слушалась, и в течение семи лет он полностью управлял нашей жизнью.

– А вашим мнением пренебрегали, сударыня? – сказал сэр Уолтер. – Я удивлен!

Миссис Уинтертаун рассмеялась:

– Мне было всего восемь или девять лет, когда это началось, сэр Уолтер. Его звали Дримдич, и он постоянно твердил, как рад нашей дружбе, хотя мы с братом не раз повторяли, что он нам не друг. Однако он только улыбался, словно пес, который научился улыбаться и не знает, как перестать. Поймите меня правильно, сэр Уолтер. Моя мачеха была во многом превосходная женщина. Отец настолько уважал ее, что оставил ей шестьсот фунтов в год и попечение о трех своих детях. Единственным ее недостатком было глупое неверие в свои силы. Отец полагал, что в рассуждении нравственном и во многом другом женщины ничуть не уступают мужчинам, и я полностью с ним согласна. Мачеха не должна была уклоняться от ответственности. Когда умер мистер Уинтертаун, я не уклонилась.

– Да, сударыня, – пробормотал сэр Уолтер.

– Вместо этого, – продолжала миссис Уинтертаун, – она целиком положилась на этого Дримдича. Он ничего не смыслил в магии и потому должен был сочинять что-то свое. Он изобрел правила для брата, моей сестры и меня и уверил мачеху, что все это необходимо для нашей безопасности. Мы носили пурпурные ленты, туго обвязанные вокруг груди. На стол в детской ставили шесть приборов, по одному для каждого из нас и для каждого из духов, которые нас якобы охраняли. Он сказал нам их имена. Как вы думаете какие, сэр Уолтер?

– Не имею ни малейшего представления, сударыня.

Миссис Уинтертаун засмеялась:

– Мятлик, Робин Мотылек и Лютик. Мой брат, сэр Уолтер, напоминавший меня независимым характером, часто говорил в присутствии мачехи: «Сгинь, Мятлик! Сгинь, Робин Мотылек! Сгинь, Лютик!» – и та, бедная глупая женщина, слезно умоляла его замолчать. Духи

не принесли нам добра. Однажды моя сестра заболела. Часто я заставляла в ее комнате Дримдича; он, едва не плача, грязными желтыми ногтями гладил ее бледные щеки и безвольную руку. Он спас бы ее, если бы мог. Он творил заклинания, и все равно она умерла. Прелестное дитя, сэр Уолтер. Много лет я ненавидела волшебника моей мачехи. Много лет я думала, что он злой человек, но в конце концов, сэр Уолтер, поняла, что он всего лишь жалкий глупец.

Сэр Уолтер повернулся на стуле:

– Мисс Уинтертаун! Вы что-то сказали – но я не услышал, что именно.

– Эмма! Что такое? – воскликнула миссис Уинтертаун.

Скрипнула оттоманка, потом тихий и ясный голос произнес:

– Я сказала, что вы очень и очень не правы, мама.

– Да, ангел мой? – Миссис Уинтертаун, дама властная и высказывающая свое мнение тоном Моисея, провозглашающего заповеди, не только не обиделась на дочь, но как будто даже обрадовалась.

– Конечно, – промолвила мисс Уинтертаун. – У нас должны быть волшебники. Кто еще растолкует нам историю Англии, и в особенности северную историю, историю ее мрачного северного короля? Обычным историкам это не по плечу. – Она помолчала. – Я люблю историю.

– Я не знал, – заметил сэр Уолтер.

– Ах, сэр Уолтер! – вскричала миссис Уинтертаун. – Дорогая Эмма, в отличие от других барышень, не тратит времени на романы. Ее чтение чрезвычайно обширно; она знает больше биографий и поэзии, чем все прочие молодые особы.

– И все же надеюсь, – с жаром произнес сэр Уолтер, перегибаясь через спинку стула, чтобы обратиться к невесте, – что романы вы тоже любите. В таком случае мы могли бы читать их друг другу вслух. Что вы думаете о госпоже Радклиф? Или о мадам д'Арбле?

Однако сэру Уолтеру не суждено было узнать мнение мисс Уинтертаун об этих выдающихся дамах, поскольку она снова зашла в кашле и даже вынуждена была – явно с большим усилием – сесть. Сэр Уолтер некоторое время дожидался ответа, однако, когда приступ закончился, мисс Уинтертаун вновь легла и обессиленно закрыла глаза.

Мистер Норрелл дивился, почему никто не предложит ей помощь. Казалось, это своего рода заговор: всеми силами отрицать, что бедняжка больна. Никто не спросил, принести ли воды. Никто не посоветовал ей лечь в постель, хотя мистер Норрелл, сам часто болевший, подумал, что покой был бы для нее полезней всего.

– Мистер Норрелл, – сказал сэр Уолтер, – я не совсем понял, что именно вы нам предлагаете...

– О! Что до частных, – отвечал мистер Норрелл, – я знаю о войне столько же, сколько генералы и адмиралы – о волшебстве, однако...

– ...но в любом случае, – продолжал сэр Уолтер, – магия малопочтенна, сэр. Она не... – сэр Уолтер замолчал, подыскивая слово, – солидна. Правительство не может связываться с такого рода вещами. Даже наш с вами невинный разговор, если получит огласку, причинит нам определенные затруднения. Честно скажу, мистер Норрелл, если бы я знал, что вы собираетесь предложить, я бы не согласился на встречу.

Все это было сказано самым любезным тоном, но... о бедный мистер Норрелл! Услышать, что магия малопочтенна, было для него тяжелым ударом. Узнать, что его ставят в один ряд с дримдичами и винкулюсами сего мира, – сокрушительным. Тщетно он убеждал собеседника, что всеми силами старается вернуть магии былую роль, тщетно совал сэру Уолтеру свои предложения по упорядочению деятельности английских волшебников. Сэр Уолтер не захотел на них даже взглянуть. Он покачал головой, улыбнулся и сказал только:

– Боюсь, мистер Норрелл, я ничем не смогу вам помочь.

Вечером, приехав на Ганновер-Сквер, мистер Дролайт вынужден был выслушать жалобы мистера Норрелла на крушение всех надежд, связанных с сэром Уолтером Поулом.

– Ну, сэр, что я вам говорил? – вскричал Дролайт. – Бедный мистер Норрелл! Как нехорошо с вами обошлись! Искренне сочувствую. Однако я несколько не удивлен! Мне всегда говорили, что Уинтертауны – напыщенные снобы!

Впрочем, как мне ни прискорбно об этом писать, в характере мистера Дролайта присутствовала некоторая двуличность. На самом деле слова сочувствия были не совсем искренни. Проявление независимости возмутило его, и он вознамерился наказать мистера Норрелла. На следующей неделе мистер Норрелл и мистер Дролайт посещали лишь самые тихие обеды. Если мистер Дролайт и не довел дело до визитов к своему сапожнику или к старушке, которая протирает памятники в Вестминстерском аббатстве, он старался возить мистера Норрелла к людям по возможности малозначительным и не пользующимся влиянием. Таким образом Дролайт рассчитывал создать у мистера Норрелла впечатление, что его чураются не только Уинтертауны и Поулы, но и весь свет. Тогда, возможно, Норрелл поймет, кто его истинный друг, и согласится наконец показать те мелкие фокусы, которые Дролайт обещал знакомым много месяцев назад.

Такие надежды лелеял лучший друг мистера Норрелла, но, к несчастью для мистера Дролайта, ученый волшебник, раздавленный отказом сэра Уолтера, едва ли замечал перемену обстановки, и Дролайт не наказал никого, кроме себя.

Мистер Норрелл все больше укреплялся во мнении, что недостижимый сэр Уолтер – тот самый покровитель, который ему нужен. Энергичный, жизнерадостный, приятный и непринужденный в общении, он обладал всем тем, чего недоставало мистеру Норреллу. Сэр Уолтер, рассуждал мистер Норрелл, легко устранил бы все препятствия с его пути. Великие мира сего послушают сэра Уолтера.

– Если бы только он мне внял, – вздыхал мистер Норрелл однажды вечером, когда они с Дролайтом обедали вдвоем. – Однако я не сумел найти убедительных доводов. Разумеется, теперь я жалею, что не взял с собой вас или мистера Лассельса. Светские люди предпочитают говорить со светскими людьми. Это я понял. Возможно, мне следовало показать какое-нибудь волшебство – превратить чайные чашки в кроликов или вилки в золотых рыбок. Тогда бы он мне поверил. Впрочем, сомневаюсь, что это понравилось бы миссис Уинтертаун. А вы как думаете?

Однако Дролайт, думавший, что если бы со скуки умирали, то он бы скончался в ближайшие полчаса, утратил всякое желание говорить и с трудом выдавил кривую улыбку.

7. Такой случай может не повториться

Октябрь 1807 года

– Ну, сэр! Вы отмщены! – воскликнул мистер Дролайт, неожиданно входя в библиотеку дома на Ганновер-Сквер.

– Отмщен? – переспросил мистер Норрелл. – О чем вы?

– О! – сказал мистер Дролайт. – Невеста сэра Уолтера, мисс Уинтертаун, умерла. Умерла сегодня днем. Они должны были пожениться через два дня. Тысяча фунтов в год! Вообразите его отчаянье! Если бы только она дожила до конца недели! Он в долгах как в шелках. Не удивлюсь, если завтра мы узнаем, что он перерезал себе горло.

Мистер Дролайт облокотился на спинку кресла у камина и, посмотрев вниз, обнаружил приятеля.

– А, это вы, Лассельс? За газетой спрятались, я вас сразу не заметил. Как поживаете?

Тем временем мистер Норрелл смотрел на мистера Дролайта.

– Умерла, говорите? – изумленно промолвил он. – Та самая барышня, которую я видел? Невозможно поверить. Все так неожиданно.

– Вот уж ничуть, – заметил Дролайт. – Вряд ли что-то могло быть более закономерным.

– А как же свадьба? – воскликнул мистер Норрелл. – Все необходимые приготовления! Мать и жених наверняка не знали, насколько она больна!

– Уверяю вас, – парировал Дролайт, – знали. Знали все. Да что там! Зимой они были на Лимингтонских водах, и некий Драммонд, видевший ее на рождественском балу, заключил с лордом Карлайлом пари на пятьдесят фунтов, что она не доживет до конца месяца.

Мистер Лассельс раздраженно прищелкнул языком и отложил газету.

– Нет-нет, – сказал он, – то была не мисс Уинтертаун. Вы о мисс Хукхем-Никс, которую брат обещал застрелить, если она опозорит их семью, что, как все ожидали, рано или поздно случится. Только это было в Уортинге, и спорил он не с лордом Карлайлом, а с герцогом Экс-мурским.

Дролайт задумался.

– Наверное, вы правы, – проговорил он наконец. – Впрочем, это не имеет никакого значения. Все знали, что мисс Уинтертаун больна. Кроме, разумеется, ее матери. Та считала свою дочь Совершенством – а разве Совершенство может болеть? Совершенство существует лишь для того, чтобы им восхищались; Совершенство должно составить блестящую партию. Старуха не допускала и мысли, что ее Совершенство болеет, – не желала и слова об этом слышать. Сколько бы мисс Уинтертаун ни кашляла, ни падала в обмороки, ни опускалась без сил на диван, к ней ни разу не вызвали врача.

– Сэр Уолтер бы позаботился о ней лучше, – сказал Лассельс, встряхивая газету, чтобы вернуться к прерванному чтению. – Насчет его политических взглядов можно поспорить, но человек он разумный. Жаль, что она не дотянула до четверга.

– Ах, мистер Норрелл! – воскликнул Дролайт, поворачиваясь к другу. – Вы так побледнели! Понимаю, вам больно видеть, как пресеклась юная и невинная жизнь. Ваши благородные чувства делают вам честь, и я целиком их разделяю; самая мысль, что несчастная барышня увяла до срока, подобно прелестному цветку, раздавленному беспечным прохожим, терзает мое сердце, как острый нож. С другой стороны, она сильно болела и должна была умереть раньше или позже; к тому же, по вашим собственным словам, она была с вами не слишком любезна. Знаю, сейчас не модно так говорить, но я по-прежнему считаю, что молодые должны с почтением относиться к возрасту и учености. Дерзость и заносчивость глубоко мне ненавистны.

Однако мистер Норрелл как будто не слышал слов утешения, которыми ттился под- держать его собеседник. Заговорил он нескоро и с тяжелым вздохом, как будто обращался к самому себе:

– Я не думал, что магию здесь ставят настолько низко. – Он помолчал и пробормотал тихо: – Очень опасно воскрешать мертвых. Уже триста лет никто такого не делал. Я не посмею!

Все это было чрезвычайно необычно; мистер Дролайт и мистер Лассельс в изумлении обернулись к своему другу.

– Разумеется, сэр, – сказал мистер Дролайт. – Никто от вас этого и не ждет.

– Конечно, я знаю нужные заклинания, – продолжал мистер Норрелл, словно не слышал ответа, – однако это тот самый род магии, от которого я отказался! Все слишком сильно зави- сит... Зависит от... То есть, я хочу сказать, результат абсолютно непредсказуем. Волшебник совершенно бессилен на него повлиять. Нет! Не буду и пытаться. Даже думать об этом не стану.

Наступила короткая тишина. Однако, несмотря на свою решимость не думать об опас- ной магии, мистер Норрелл по-прежнему ерзал на стуле, барабанил пальцами по столу, часто дышал и проявлял другие признаки сильного душевного волнения.

– Мой дорогой мистер Норрелл, – медленно проговорил Дролайт, – кажется, я начинаю вас понимать. И признаюсь, что нахожу вашу мысль превосходной! Вы хотите совершить вели- кое волшебство, дабы засвидетельствовать свои необычайные возможности! О сэр! Если вам это удастся, все уинтертауны и поулы Англии будут искать знакомства с удивительным мисте- ром Норреллом!

– А если не удастся, – сухо заметил мистер Лассельс, – все в Англии захлопнут дверь перед бесславным мистером Норреллом.

– Мой дорогой Лассельс, – вскричал Дролайт, – что за чушь вы несете! Легче легкого объяснить неудачу – они случаются со всеми на каждом шагу.

Мистер Лассельс сказал, что не понимает, о чем речь. Они заспорили, но тут с губ мистера Норрелла сорвался страдальческий взглас:

– О боже! Что делать? Что делать? Все эти месяцы я трудился, чтобы сделать мою про- фессию приемлемой в глазах людей, и все равно меня презирают! Мистер Лассельс, вы знаете свет. Скажите...

– Увы, сэр, – поспешно перебил его мистер Лассельс. – Я взял за правило никому ничего не советовать.

И он вновь вернулся к газете.

– Мой дорогой мистер Норрелл! – сказал Дролайт (не дожидаясь, когда поинтересуются *его* мнением). – Такой случай может не повториться... – (Сильный довод, исторгший у мистера Норрелла глубокий вздох.) —...и я бы не простил себе, если бы позволил вам его упустить. Одним махом вы возвращаете нам очаровательную особу, о чьей смерти никто не может думать без слез, спасаете от нужды достойного джентльмена и обеспечиваете будущность английской магии! Как только вы докажете полезность ваших умений, кто посмеет отказать волшебникам в должном почете и уважении? Волшебников будут почитать наравне с адмиралами, гораздо больше, чем генералов; возможно, так же, как архиепископов и канцлеров! Не удивлюсь, если его величество немедленно введет для них табель о рангах: камер-маги, обер-маги, действи- тельные титулярные маги. А вы, мистер Норрелл, займете вершину иерархии как архимаг! И все это одним махом! Одним махом!

Дролайт был, очевидно, доволен своей речью. Лассельс раздраженно шелестел газетой; ему явно было что возразить, но он сам отрезал себе путь, когда сказал, что никому не дает советов.

– Едва ли возможно найти более опасный вид магии! – испуганно прошептал мистер Норрелл. – Она опасна как для самого волшебника, так и для объекта.

– Но, сэр, – разумно отвечал Дролайт, – вам лучше судить касательно опасности для себя, а что до объекта, как вы выражаетесь, юная дама уже мертва. Разве может ей стать хуже?

Дролайт подождал ответа на свой вопрос, однако мистер Норрелл не отвечал.

– Я велю подать карету, – объявил Дролайт, берясь за звонок, – и немедленно поеду на Брунсвик-Сквер. Не тревожьтесь, мистер Норрелл, я убежден, что наше предложение будет принято с большим жаром. Ждите меня через час!

Дролайт выбежал из комнаты. С четверть часа мистер Норрелл сидел, уставившись в одну точку, и хотя Лассельс не верил в колдовство, которое намеревался совершить мистер Норрелл (а следовательно, и в грозящую ему опасность), он все же порадовался, что не видит картин, проплывающих перед глазами мистера Норрелла.

Затем мистер Норрелл очнулся от забытья, взял пять или шесть книг и принялся их торопливо листать, желая, по-видимому, найти страницы, на которых приведены советы для волшебников, желающих пробудить юных покойниц. Это заняло еще примерно три четверти часа. Наконец за дверью послышались шум и ликующий голос мистера Дролайта:

– ...величайшее одолжение! Премного вам обязаны... – Мистер Дролайт, пританцовывая, ворвался в библиотеку. – Все отлично, сэр! Сэр Уолтер вначале отреагировал немного сдержанно, но все уладилось! Он попросил передать, что благодарен вам за участие, но не видит смысла в этой затее. Я ответил, что если он боится огласки, то пусть не беспокоится, ибо мы не желаем ставить его в неловкое положение; мистер Норрелл стремится лишь ему услужить, а мы с Лассельсом будем немы как могила. Он ответил, что ему безразлично чужое мнение, – над министрами всегда смеются, – однако он хотел бы, чтобы мисс Уинтертаун оставили в покое, ибо считает, что так приличнее в ее нынешнем положении. «Дорогой сэр Уолтер! – вскричал я. – Да как вы можете так говорить? Не хотите же вы сказать, что юная и богатая дама добровольно покинула бы наш мир накануне свадьбы с вами? О сэр Уолтер! – продолжал я. – Даже если вы не верите в магию мистера Норрелла, что за беда, если он хотя бы попытается вернуть к жизни вашу невесту?» Старая леди тут же оценила справедливость этих слов и присовокупила свои доводы к моим. Она рассказала мне о волшебнике, которого знала в детстве, даровитейшем человеке и близком друге их семьи, много лет поддерживавшем жизнь в ее умирающей сестре. Уверяю вас, мистер Норрелл, невозможно выразить благодарность, которую испытывает к вам миссис Уинтертаун. Она просила, чтобы вы приехали немедленно, да и сэр Уолтер сказал, что не видит причины откладывать ваш визит. Поэтому я велел Дэйви ждать у дверей и никуда не отлучаться. О мистер Норрелл, это будет ночь всеобщего примирения! Всякое непонимание, основанное на двух-трех некстати оброненных словах, развеется как дым! Все будет как в шекспировской пьесе!

Мистера Норрелла облачили в плащ и усадили в карету; по изумлению, отразившемуся на его лице, когда дверцы отворились и мистер Дролайт запрыгнул с одной стороны, а мистер Лассельс – с другой, можно предположить, что решимость этих двух джентльменов сопровождать его на Брунсвик-Сквер стала для мистера Норрелла полной неожиданностью.

Лассельс уселся в карету, фыркая от смеха и говоря, что в жизни не видел ничего более комичного; они похожи на глупцов из старых итальянских или французских сказок, которые в подойниках отправились добывать отражение луны со дна пруда. Замечание это, вероятно, обидело бы мистера Норрелла, будь тот в настроении слушать.

На крыльце дома миссис Уинтертаун собралась небольшая толпа. Двое выбежали к карете, и в свете фонаря над лестницей можно было различить с десятков слуг, собравшихся взглянуть на волшебника, который вернет к жизни их молодую хозяйку. Зная человеческую природу, естественно предположить, что кем-то из них двигало исключительно любопытство. Однако у многих лица были бледные и заплаканные – я полагаю, что их выгнали на темную морозную улицу более благородные чувства.

Один из слуг взял свечу и пошел перед мистером Норреллом и его друзьями, освещая путь, ибо в доме было темно и холодно. На лестнице они услышали голос миссис Уинтертаун, которая звала сверху:

– Роберт! Роберт! Это мистер Норрелл? О, слава богу, сэр!

Внезапно она появилась в дверном проеме.

– Я боялась, что вы никогда не приедете!

К ужасу мистера Норрелла, она взяла его руки в свои и, сжимая их, молила его применить самые действенные чары, чтобы вернуть мисс Уинтертаун к жизни. Пусть он не думает о деньгах и называет любую сумму! Лишь бы он сказал, что вернет к жизни ее дорогое дитя! Пусть он немедленно это пообещает!

Мистер Норрелл прочистил горло и наверняка пустился бы в пространное и скучное рассуждение о философии современной магии, однако Дролайт проскочил вперед и, схватив миссис Уинтертаун за руки, спас обоих.

– Умоляю, сударыня, – воскликнул он, – успокойтесь! Мистер Норрелл приехал, и мы сделаем все, что в его силах. Он просит вас более не упоминать о деньгах. Все, что он совершит сегодня, будет сделано во имя дружбы... – Здесь мистер Дролайт приподнялся на цыпочки и, вытянув шею, взглянул через плечо миссис Уинтертаун туда, где стоял сэр Уолтер Поул.

Сэр Уолтер только что поднялся с кресла и стоял в некотором отдалении, разглядывая новоприбывших. В свете свечей видны были его бледность, ввалившиеся глаза и заострившиеся черты. Обычная вежливость требовала, чтобы он подошел и заговорил с гостями, однако сэр Уолтер не трогался с места.

Мистер Норрелл замешкался в дверях; он явно не хотел идти дальше, пока не побеседует с сэром Уолтером.

– Но мне надо поговорить с сэром Уолтером! Всего несколько слов сэру Уолтеру! Я сделаю все, что в моих силах, сэр Уолтер! – кричал он. – Поскольку молодая особа... гм... не так давно покинула наш мир, могу сказать, что ситуация обнадеживающая. Да, думаю, можно сказать, что ситуация внушает надежды. Теперь я пойду, сэр Уолтер, и сделаю все, что в моих силах. Надеюсь, в скором времени я смогу сообщить вам добрую весть!

Все те заверения, о которых молила – и которых не получила – миссис Уинтертаун, мистер Норрелл рвался изложить сэру Уолтеру, явно не желавшему их слушать. Из безопасного далека сэр Уолтер безучастно кивнул, а когда мистер Норрелл все равно не ушел, выкрикнул хрипло: «Спасибо! Спасибо!» Губы его странным образом искривились. Возможно, это должно было изображать улыбку.

– Я бы всем сердцем желал, сэр Уолтер, – воскликнул мистер Норрелл, – пригласить вас с собой и показать все, что я буду делать, однако особая природа этого конкретного волшебства требует полного одиночества. Надеюсь, у меня еще будет случай продемонстрировать вам свою магию.

Сэр Уолтер отвесил легкий поклон и отвернулся.

Миссис Уинтертаун в этот момент говорила со своим слугой Робертом, и Дролайт, воспользовавшись тем, что никто не обращает на них внимания, подбежал к мистеру Норреллу и лихорадочно зашептал ему в ухо:

– Нет-нет, сэр! Не отсылайте их! Я советую собрать у кровати как можно больше народа. Это, я уверяю вас, лучшая гарантия того, что ваши сегодняшние свершения утром станут известны всему городу. И не бойтесь небольшой суматохи, чтобы привлечь внимание слуг, – ваши лучшие заклинания, пожалуйста! Ах, какой же я тупица! Надо было прихватить опия, чтобы бросить в камин! У вас ведь, наверное, с собой нет?

Мистер Норрелл не ответил и только попросил, чтобы его без промедления провели к мисс Уинтертаун.

Хотя волшебник ясно дал понять, что хочет подняться к ней один, мистер Дролайт и мистер Лассельс не могли бросить дорогого друга перед лицом такого испытания, и Роберту пришлось проводить на второй этаж всех троих.

8. Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе

Октябрь 1807 года

В комнате никого не было.

То есть не совсем так. На кровати лежала мисс Уинтертаун, однако сложно сказать с точки зрения философии, была она «кто-то» или «никто».

Ее обрядили в белое платье, надели на шею серебряную цепочку, прекрасные волосы расчесали и уложили, а в уши вставили серьги с гранатами и жемчугами. Впрочем, крайне маловероятно, чтобы мисс Уинтертаун сейчас это заботило. Слуги зажгли свечи, в камине развели жаркий огонь, а комнату убрали розами, источающими сладостное благоухание, но мисс Уинтертаун с тем же спокойствием лежала бы сейчас в самой вонючей лондонской каморке.

– Говорите, она была вполне ничего? – спросил мистер Лассельс.

– Вы ее не видели?! – изумился Дролайт. – О да, она была небесное создание. Совершенно божественна. Ангел красоты.

– Вот как? А сейчас такая дурнушка! Я посоветую знакомым красивым барышням не умирать. – Мистер Лассельс наклонился чуть ближе. – Ей закрыли глаза.

– Ее глаза являли собой само совершенство, – сказал Дролайт, – ясные, серые, с длинными темными ресницами. Жаль, что вы ее не видели, – она была как раз в вашем вкусе. – Он повернулся к мистеру Норреллу. – Ну, сэр, готовы приступить?

Мистер Норрелл сидел в кресле возле камина. Решимость, с которой он вошел в дом, улетучилась; он сидел, опустив голову, и вздыхал; взгляд его был прикован к ковру. Мистер Лассельс и мистер Дролайт смотрели на него с интересом, свойственным их натуре, то есть мистер Дролайт – в радостном предвкушении, мистер Лассельс – с ироничным скепсисом. Мистер Дролайт почтительно отступил от кровати на несколько шагов, дабы мистер Норрелл мог без помех к ней подойти, а мистер Лассельс прислонился к стене и сложил руки на груди (поза, которую он часто принимал в театре).

Мистер Норрелл вновь тяжело вздохнул:

– Мистер Дролайт, я уже сказал, что этот конкретный вид магии требует полнейшего одиночества, а посему должен просить, чтобы вы подождали меня внизу.

– Ах, сэр! – возразил Дролайт. – Разумеется, такие близкие друзья, как Лассельс и я, не могут быть вам помехой! Мы будем тихи как мыши! Через две минуты вы позабудете, что мы здесь. И должен сказать, что считаю наше присутствие абсолютно необходимым! Кто завтра утром поведаст миру о ваших свершениях, если не мистер Лассельс и я? Кто опишет несказанное величие мига, когда ваше волшебство воскресит молодую особу из мертвых? Или нестерпимую горечь вашего поражения? Сами знаете, сэр, вы не сумеете сделать это и вполнину так хорошо, как мы.

– Возможно, – отвечал мистер Норрелл. – Однако то, что вы предлагаете, абсолютно невозможно. Я не стану начинать, *не могу* начать, пока вы не покинете комнату.

Бедный Дролайт! Он не мог заставить волшебника приступить к колдовству против его воли, но ждать чуда столь долго и не увидеть – это ли не худшее из наказаний! Казалось, он не снесет удара. Даже мистер Лассельс был немного разочарован – он рассчитывал увидеть что-нибудь комичное.

Когда они ушли, мистер Норрелл устало поднялся со стула и взял книгу, которую привез с собой. Он открыл ее на странице, заложенной письмом, пристроил на туалетном столике, чтобы при необходимости свериться с текстом, и начал наизусть читать заклинание.

Оно подействовало почти мгновенно: что-то зеленое появилось там, где ничего зеленого не было, и в комнате повеяло свежим ароматом полей и рощ. Мистер Норрелл умолк.

Кто-то стоял посреди комнаты: высокий, очень красивый джентльмен с бледной кожей и волосами прозрачными, как пух на отцветшем чертополохе. Под темными бровями вразлет блестели холодные синие глаза. Одет он был в точности как мистер Норрелл, только сюртук на нем был зеленый-презеленый, цвета весенней листвы.

– *O Lar!* – начал мистер Норрелл дрожащим голосом. – *O Lar! Magnum opus est mihi tuo auxilio. Haec virgo mortua est et familia eius eam vitae redire vult*¹⁹.

¹⁹ О дух! Я очень нуждаюсь в твоей помощи. Дева сия умерла, и семья желает возвратить ее к жизни (лат.).

Мистер Норрелл указал на тело.

При виде мисс Уинтертаун джентльмен с волосами как пух чрезвычайно взволновался. Он раскинул руки в жесте приятного изумления и быстро-быстро заговорил на латыни. Мистер Норрелл, который привык видеть латынь в рукописях или книгах, обнаружил, что не понимает ее в столь беглой речи, хотя ему удалось узнать несколько слов, например «*formosa*» и «*venusta*», описывающих женскую красоту.

Мистер Норрелл подождал, когда джентльмен умерит свои восторги, и указал тому на зеркало над камином. В нем появилось изображение мисс Уинтертаун, бредущей по узкой каменистой тропе среди бесприютных гор.

– *Ecce mortua inter terram et caelum!* – объявил мистер Норрелл. – *Scito igitur, O Lar, me ad hanc magnam operam te elegisse quia...*²⁰

– Да, да! – вскричал джентльмен, внезапно переходя на английский. – Ты призвал *меня*, потому что мне нет равных. Потому что я был слугой и близким другом Томаса Годблесса, Ральфа Стокси, Мартина Пейла и Короля-ворона. Потому что я доблестен, учтив, щедр и прекрасен, как ясный день! Это все понятно! Безумием было бы вызвать кого-либо другого! Мы оба знаем, кто *я*. Вопрос в другом: кто *ты*?

– Я? – потрясенно переспросил мистер Норрелл. – Я – лучший из ныне живущих волшебников!

Джентльмен выгнул одну идеальную бровь, выражая крайнее изумление. Он обошел мистера Норрелла, разглядывая его со всех сторон. Затем самым бесцеремонным образом он сорвал с мистера Норрелла парик и заглянул под него, как если бы мистер Норрелл был котелком на плите, а джентльмен желал узнать, что сегодня на обед.

– Я... я – человек, которому предначертано возродить английскую магию! – выговорил мистер Норрелл, выхватывая парик и нахлобучивая себе на голову.

– Очевидно, так оно и есть, – сказал джентльмен, – иначе бы меня здесь не было! Ты же не думаешь, что я стал бы тратить время на грошового подзаборного чародея? Однако *кто* ты? Вот что я желаю знать. Какой магией ты владеешь? Кто был твоим наставником? Какие волшебные земли ты посетил? Каких врагов поверг? Кто твои союзники?

Мистер Норрелл опешил от такого количества вопросов. Он долго мялся, прежде чем ответить на тот единственный, по которому мог хоть что-то сказать.

– У меня не было наставника. Я учился сам.

– Как?

– По книгам.

– По книгам! – (Тоном крайнего презрения.)

– Да, конечно. Сейчас в книгах много магии. Разумеется, значительная часть – полнейшая ерунда. Мне ли не знать, сколько чепухи печатают в книгах. Однако много и полезного; удивительно, как, поучившись немного, начинаешь видеть...

Мистер Норрелл чуть воодушевился, но джентльмен с волосами как пух явно предпочитал слушать самого себя.

– Так я первый из моего племени, кого ты видишь?

– О да!

Ответ, по-видимому, угодил джентльмену с волосами как пух, и тот улыбнулся:

– Итак! Что я получу в награду, если соглашусь вернуть к жизни эту молодую особу?

Мистер Норрелл прочистил горло.

– Нельзя ли уточнить?.. – севшим голосом проговорил он.

– О! Это легко согласовать! – вскричал джентльмен с волосами как пух. – Мои пожелания в высшей степени скромны. К счастью, я совершенно свободен от алчности и честолюбия. Собственно, ты убедишься, что мое предложение куда выгоднее тебе, нежели мне, – такова уж моя бескорыстная натура! Я просто хочу помогать тебе во всех начинаниях, советовать во всех делах и руководить всеми твоими изысканиями. Ну и тебе придется поведать всему миру, что всеми своими успехами ты обязан главным образом мне!

Норрелл немного сник. Он кашлянул и пробормотал кое-что о великодушии джентльмена.

²⁰ Вот умершая между небом и землей! Знай же, о дух, что я избрал тебя для этого великого дела, ибо... (лат.)

– Будь я из тех, кто стремится переложить все обязанности на других, я бы охотно принял твое предложение. Однако, увы... боюсь... Короче, я не намерен впредь прибегать к твоим услугам или к услугам кого-либо из твоего племени.

Долгое молчание.

– Какая неблагодарность! – холодно объявил джентльмен. – Я взял на себя труд нанести тебе визит. Я терпеливо внимал твоим скучным рассуждениям. Я закрыл глаза на твое невежество в области магического этикета. А теперь ты отвергаешь мою помощь. Другие волшебники пошли бы на любые мучения, чтобы заручиться моей поддержкой. Возможно, мне следует поговорить с другим. Возможно, он лучше тебя понимает, как обращаться к особе моего ранга. – Джентльмен оглядел комнату. – Я не вижу его. Где он?

– Кто?

– Другой.

– Другой кто?

– Волшебник.

– Волше... – Мистер Норрелл осекся. – Нет-нет! Нет никакого другого волшебника! Я – единственный. Уверяю тебя. С чего ты взял, будто...

– *Разумеется*, есть другой волшебник! – объявил джентльмен, как будто мистер Норрелл отрицает очевидный факт. – Он твой ближайший друг!

– У меня нет друзей, – сказал мистер Норрелл.

Он был крайне озадачен. О ком говорит дух? Чилдермасс? Лассельс? *Дролайт*?

– У него рыжие волосы и длинный нос. И он очень самоуверен – как все англичане! – объявил джентльмен с волосами как пух.

Подсказка не помогла. Чилдермасс, Лассельс и Дролайт все были очень самоуверенны, а Чилдермасс и Лассельс еще и длинноносы, но ни у одного из них не было рыжих волос. Мистер Норрелл, так ничего и не поняв, со вздохом вернулся к насущному вопросу.

– Ты не станешь мне помогать? – спросил он. – Не вернешь молодую даму из мертвых?

– Я этого не говорил! – произнес джентльмен с волосами как пух, словно недоумевая, отчего мистеру Норреллу пришла в голову такая мысль. – Должен признаться, за последние столетия мне несколько прискучило общество родных и слуг. Мои сестры и кузины, при всех своих достоинствах, не лишены некоторых изъянов. Они, как ни горько заметить, хвастливы, тщеславны и заносчивы. Эта молодая дама, – он указал на мисс Уинтертаун, – обладала ли она всеми положенными достоинствами? Была ли она изящна? Остроумна? Переменчива? Исполнена жизни? Танцевала, как солнечный луч? Скакала на лошади, как ветер? Пела, как ангел? Вышивала, как Пенелопа? Говорила по-французски, по-итальянски, по-немецки, знала бретонский, валлийский и множество других языков?

Норрелл предположил, что именно так оно и было. В его представлении именно таким вещам обучали современных барышень.

– Тогда она будет для меня очаровательной спутницей! – воскликнул джентльмен с волосами как пух, хлопая в ладоши.

Мистер Норрелл нервно облизнул губы.

– Что именно ты предлагаешь?

– Отдай мне половину ее жизни, и по рукам.

– Половину ее жизни? – переспросил мистер Норрелл.

– Половину, – повторил джентльмен с волосами как пух.

– Однако что скажут друзья мисс Уинтертаун, когда узнают, что я отдал половину ее жизни? – спросил мистер Норрелл.

– О! Они не узнают. Можешь на меня положиться, – сказал джентльмен. – Кроме того, посуди сам, сейчас у нее нет и этого. Половина жизни лучше, чем ничего.

Трудно было не согласиться. За половину жизни мисс Уинтергаун успеет стать женой сэра Уолтера и спасти его от разорения. Сэр Уолтер останется министром и сможет поддержать планы мистера Норрелла по возрождению английской магии. Однако мистер Норрелл читал о сделках других английских чародеев с духами и очень хорошо знал, насколько коварны волшебные существа. Ему казалось, что он угадал, в чем подвох.

– Сколько длится жизнь? – спросил он.

Джентльмен с волосами как пух вскинул руки в жесте предельной искренности:

– Сколько бы ты хотел?

Мистер Норрелл задумался.

– Предположим, что она бы дожила до девяноста четырех. Девяносто четыре года – вполне преклонный возраст. Сейчас ей девятнадцать. Остается семьдесят пять лет. Если ты подаришь ей еще семьдесят пять лет, я не вижу причины, почему бы тебе не забрать половину.

– Значит, семьдесят пять, – согласился джентльмен с волосами как пух. – И ровно половина принадлежит мне.

Мистер Норрелл нервно поднял глаза.

– Должны ли мы сделать что-нибудь еще? – спросил он. – Что-нибудь подписать?

– Нет, но я должен взять у леди какой-то залог.

– Возьми кольцо, – предложил мистер Норрелл. – Или цепочку с шеи. Уверен, что смогу объяснить их отсутствие.

– Нет, – сказал джентльмен с волосами как пух. – Это должно быть что-то... А! Придумал!

Дролайт и Лассельс сидели в гостиной, в которой мистер Норрелл и сэр Уолтер Поул виделись в первый раз. Огонь в камине еле теплился, свечи почти догорели. Занавеси на окнах были не задернуты, ставни – открыты. Стук дождя по стеклам нагонял тоску.

– Самая ночь, чтобы воскрешать мертвецов, – заметил мистер Лассельс. – Дождь, ветки хлещут по стеклам, ветер завывает в каминной трубе – все необходимые сценические атрибуты. Я порою балуюсь написанием пьес, – может быть, сегодняшние события снова меня вдохновят. Это будет трагикомедия: обедневший министр пытается поправить свое состояние всеми средствами, начиная с брака по расчету и заканчивая колдовством. Думаю, публике понравится. Озаглавлю «Как жаль ее покойницей назвать».

Лассельс выдержал паузу, чтобы Дролайт посмеялся его остроте, но тот, расстроенный тем, что волшебник не дал ему посмотреть колдовство, сказал только:

– Как вы думаете, куда все запропалились?

– Не знаю.

– После всего, что мы с вами для них сделали, они могли бы вести себя и полюбезнее! Всего полчаса назад они рассыпались в благодарностях, и вот уже мы позабыты! Заметьте, с тех пор, как мы здесь, нам не предложили даже кусочек кекса. Разумеется, для обеда сейчас поздновато, хотя я, например, умираю с голоду! – Он помолчал. – Да и огонь в камине почти потух.

– Подбросьте угля, – предложил Лассельс.

– Да? И перепачкать себе костюм?

Свечи догорали одна за другой, огонь в камине угасал с каждой минутой. Венецианские пейзажи по стенам превратились в черные квадраты на фоне чуть менее густой черноты. Довольно долго оба джентльмена сидели в молчании.

– Часы пробили половину второго! – внезапно воскликнул Дролайт. – Какой злоеющий звук! Уф! В романах все страшное начинается с того, что звонит колокол или часы бьют в темном доме!

– Не припомню, чтобы нечто ужасное случилось в половине второго, – отвечал Лассельс.

В этот миг слышались шаги на лестнице, затем в коридоре. Дверь распахнулась, на пороге стоял кто-то со свечой в руке.

Дролайт схватил кочергу.

Однако это был мистер Норрелл.

– Не пугайтесь, мистер Дролайт. Бояться нечего.

И все же лицо мистера Норрелла, когда тот поднял подсвечник, свидетельствовало об обратном; оно было бледным, в расширенных глазах угадывался пережитый ужас.

– Где сэр Уолтер? – спросил он. – Где остальные? Мисс Уинтертаун зовет матушку.

Мистеру Норреллу пришлось дважды повторить последнюю фразу, прежде чем до собеседников дошел смысл его слов.

Лассельс быстро заморгал и открыл рот, словно от изумления, но тут же оправился, снова его закрыл и тут же принял надменное выражение, которое и сохранял до конца ночи, как будто регулярно посещает дома, где воскрешают молодых леди, и находит сегодняшний случай довольно заурядным. Дролайту тем временем надо было сказать тысячу разных вещей, и он сказал их все, хотя, боюсь, никто не удосужился в них вникнуть.

Дролайта и Лассельса послали за сэром Уолтером. Затем сэр Уолтер сходил за миссис Уинтертаун, и мистер Норрелл повел ее, рыдающую и дрожащую, в комнату дочери. Тем временем новость о воскрешении мисс Уинтертаун распространилась по дому; слуги, услышав ее, преисполнились радости и благодарности мистеру Норреллу, мистеру Дролайту и мистеру Лассельсу. Дворецкий и двое лакеев подошли к мистеру Дролайту и мистеру Лассельсу и сказали, что, если когда-либо мистеру Дролайту или мистеру Лассельсу потребуется их скромная помощь, пусть только скажут.

Мистер Лассельс шепнул мистеру Дролайту на ухо, что, оказывается, добрые дела чреватые фамильярным обращением большого количества мужланов и он постарается их больше не совершать. По счастью, мужланы так радовались, что не заметили его досады.

Вскоре стало известно, что мисс Уинтертаун встала с постели и, опираясь на руку мистера Норрелла, вышла в гостиную, где села в кресло у камина и попросила чаю.

Дролайта и Лассельса пригласили в уютную маленькую гостиную, где они нашли мисс Уинтертаун, ее мать, сэра Уолтера, мистера Норрелла и нескольких слуг.

Миссис Уинтертаун и сэр Уолтер выглядели так, будто это они за ночь посетили несколько потусторонних миров, такие серые и осунувшиеся были у них лица; миссис Уинтертаун плакала, а сэр Уолтер время от времени проводил рукой по бледному лбу как человек, которому приснился кошмарный сон.

Мисс Уинтертаун, наоборот, казалась весьма спокойной и собранной, словно провела весь вечер в кругу семьи. Она была в том самом изящном платье, в котором Дролайт и Лассельс видели ее в последний раз. Она поднялась и улыбнулась Дролайту:

– Мы с вами едва знакомы, сэр, но мне сказали, как многим я вам обязана. Боюсь, мой долг вам неоплачен. То, что я здесь, во многом результат ваших усилий и настойчивости. Спасибо, сэр. Большое, огромное спасибо.

И она протянула ему обе руки.

– Ах, сударыня! – вскричал Дролайт, рассыпаясь в поклонах и улыбках. – Поверьте, для меня было величайшей че...

Он осекся и на мгновение замолчал.

– Сударыня? – Дролайт коротко, смущенно хохотнул (что само по себе было ему несвойственно).

Не выпуская пальцев мисс Уинтертаун, он огляделся, словно ища кого-нибудь, кто сможет ему помочь, потом поднял ее руку и показал девушке. Та ничуть не испугалась, но явно удивилась; она повернула ладонь так, чтобы увидела мать.

У нее не доставало мизинца на левой руке.

9. Леди Поул

Октябрь 1807 года

Как было замечено (дамой бесконечно более умной, нежели автор этих строк), мир благорасположен к тем, кто женится или умирает в юные лета. Вообразите же интерес к мисс Уинтертаун! Ни одной юной леди еще не удавалось умереть во вторник, воскреснуть в ночь на среду и выйти замуж в четверг; некоторые даже считали, что для одной недели волнующих событий многовато.

Все желали видеть счастливицу. Большинство слышало только, что при переходе из нашего мира в иной и обратно она лишилась мизинца. Всех занимало: изменилась ли она в чем-нибудь еще? Об этом слухи умалчивали.

В среду (наутро после счастливого оживления) все главные участники событий, как сговорившись, хранили молчание; визитеры, прибывшие на Брунsvик-Сквер, узнали только, что мисс Уинтертаун и ее матушка отдыхают; на Ганновер-Сквер прислуга давала такой же ответ: мистер Норрелл очень утомился и не может никого принять; что же до сэра Уолтера Поула, то его местопребывание выяснить не могли (хоть и подозревали, что он у миссис Уинтертаун на Брунsvик-Сквер). Если бы не мистер Дролайт и мистер Лассельс (всеобщие благодетели!), город так и прозябал бы в мучительном неведении. Без устали разъезжали они по Лондону и успели за одно утро посетить бесчисленное множество гостиных. Невозможно сказать, сколько приглашений на обед получил мистер Дролайт в тот день – счастье, что он никогда не был усердным едоком, а то не миновать бы ему расстройства пищеварения. Пятьдесят или более раз он описывал, как после воскрешения мисс Уинтертаун рыдал вместе с ее матушкой, как сэр Уолтер Поул пожал ему руку со словами самой искренней признательности; как он умолял сэра Уолтера не благодарить его и как миссис Уинтертаун настояла, чтобы их с мистером Лассельсом отвезли домой в ее собственной карете.

Сэр Уолтер Поул вышел от миссис Уинтертаун примерно в семь часов утра, отправился к себе и лег спать, однако около полудня (как и предполагали лондонцы) вернулся на Брунsvик-Сквер. (Удивительно, сколько знают о нас соседи!) К этому времени миссис Уинтертаун уже поняла, что ее дочь в некотором роде знаменитость. Помимо визитных карточек, которые посетители оставляли в прихожей, каждый час приносили множество писем с поздравлениями мисс Уинтертаун, в том числе от людей, о которых миссис Уинтертаун никогда не слышала. «Дражайшая сударыня, – писал один из них, – желаю вам поскорее стряхнуть уныние, навеянное мрачной сенью, которую вам пришлось посетить».

То, что незнакомые люди считают себя вправе высказываться по столь личным вопросам, как смерть и воскрешение, и выражают свое любопытство и догадки в письмах к ее дочери, вызвало крайнее неудовольствие миссис Уинтертаун. У нее накопилось немало возмущенных слов по поводу этих дурно воспитанных особ, и сэр Уолтер, прибыв на Брунsvик-Сквер, вынужден был выслушать их все.

– Мой совет, мэм, – сказал он, – больше о них не думать. Мы, политики, знаем, что лучшее средство против наглецов – достоинство и молчание.

– Ах! Сэр Уолтер! – воскликнула его будущая теща. – Отрадно видеть, что наши мнения так часто совпадают! Достоинство и молчание. Да, да! Чем меньше мы будем говорить о страданиях бедной Эммы, тем лучше. С завтрашнего дня я намерена никогда их больше не упоминать.

– Я бы не стал заходить так далеко, – промолвил сэр Уолтер, – поскольку мы не должны забывать про мистера Норрелла. В его лице мы всегда будем иметь живое напоминание о случившемся. Боюсь, нам часто придется его видеть – после услуги, которую он нам оказал, мы обязаны проявлять к нему всяческое внимание. – Он помолчал и добавил, дернувшись некра-

сивым лицом: – По счастью, мистер Норрелл любезно дал понять, в какой форме я могу вернуть ему долг.

Сэр Уолтер имел в виду разговор, который произошел в пятом часу утра, когда мистер Норрелл поймал сэра Уолтера на лестнице и долго излагал ему свои планы победить французов при помощи волшебства.

Миссис Уинтертаун ответила, что, разумеется, рада будет окружить мистера Норрелла особым вниманием; пусть все видят, как высоко она его ценит. Помимо его исключительных магических способностей – которые, сказала миссис Уинтертаун, нет надобности упоминать в этом доме, – он милейший старый джентльмен.

– Да, конечно, – сказал сэр Уолтер. – Однако сейчас наша главная забота – чтобы мисс Уинтертаун не переутомилась. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Не знаю, как вам, но мне кажется разумным отложить свадьбу на неделю-другую.

Миссис Уинтертаун не могла одобрить такой план; все приготовления к свадебному обеду уже сделаны. Супы, заливное, вареное мясо, соленая осетрина – неужто дать всему этому испортиться, а через неделю готовить снова? Сэр Уолтер не мог ничего ответить по поводу домашнего хозяйства и предложил спросить мисс Уинтертаун, чувствует ли она в себе силы для завтрашней церемонии.

Они встали с кресел в холодной гостиной, поднялись к мисс Уинтертаун на второй этаж и задали ей этот вопрос.

– О! – воскликнула она. – Я чувствую себя как нельзя лучше. Спасибо. Я уже выходила погулять. Я редко гуляю, однако сегодня дом показался мне тюрьмой. Меня неудержимо тянуло на улицу.

Сэр Уолтер встревожился.

– Было ли это разумно? – обратился он к миссис Уинтертаун. – Стоило ли это делать?

Миссис Уинтертаун открыла было рот, но дочь ее со смехом воскликнула:

– О! Мама ничего не знала, уверяю вас. Когда я вышла, она спала. Со мной пошла Барнард. И я обошла Брунsvик-Сквер двадцать раз. Двадцать! Ну может ли что-нибудь быть смешнее? Но мне так хотелось двигаться! Я бы побежала, если бы это было возможно, но в Лондоне, сами понимаете... – Она рассмеялась. – Я хотела идти дальше, но Барнард не позволила. Она все боялась, что я упаду в обморок, поэтому не разрешала отходить далеко от дому.

Мать и жених в изумлении вытаращили глаза. Это была, помимо прочего, самая длинная речь, какую сэр Уолтер когда-либо слышал от своей невесты. Мисс Уинтертаун сидела очень прямо, глаза ее сверкали, щеки разругались – воплощение здоровья и красоты. Она говорила так быстро и с таким выражением, выглядела настолько веселой и оживленной, как будто мистер Норрелл не только вернул ее к жизни, но и добавил ей сил вдвое или втрое супротив прежнего.

Это было очень странно.

– Конечно, – сказал сэр Уолтер, – если вы чувствуете себя в силах совершать моцион, то никто не должен вам препятствовать – ничто лучше моциона не поможет вам сохранить здоровье и силы. Однако, возможно, вам покамест не следует выходить из дому, никого не предупредив. Вам нужен кто-то понадежнее Барнард. С завтрашнего дня я буду сам сопровождать вас на прогулках.

– Однако вам будет некогда, сэр Уолтер, – напомнила девушка. – Вы будете заняты государственными делами.

– Да, но...

– О! Я знаю, что вы будете постоянно в делах и мне не следует рассчитывать на ваше время.

Она с таким бодрым самоотречением принимала грядущее невнимание мужа, что он хотел было возразить, однако справедливость ее слов заставила его закрыть рот. С первой

встречи на водах в доме леди Уинзелл он был глубоко потрясен ее красотой и сразу преисполнился желанием не только жениться на ней как можно скорее, но поближе свести знакомство – поскольку начал подозревать, что, помимо меркантильного интереса, она может стать ему прекрасной женой. Сэр Уолтер рассчитывал, что часа или чуть больше хватит, дабы заложить основы гармонии и взаимопонимания, которые составляют основу счастливого брака, и надеялся, что такие встречи вскоре докажут совпадение их вкусов и увлечений. Некоторые ее слова подогревали его надежды. И будучи мужчиной – умным мужчиной сорока двух лет, – он, естественно, накопил множество сведений и мнений, которыми охотно бы поделился с очаровательной девятнадцатилетней особой и которые, он полагал, смогут ее заинтересовать. Однако, учитывая его занятость и ее слабое здоровье, им ни разу не удалось поговорить по душам. А теперь она сказала, что так, по ее мнению, будет и после свадьбы, – сказала без всякой горечи. Ее словно даже позабавило, что он самообольщается на сей счет.

К сожалению, он уже опаздывал на встречу с министром иностранных дел, поэтому взял руку мисс Уинтертаун (ее целую, правую руку) и галантно поцеловал, сказав, что с нетерпением ждет завтрашнего дня, который сделает его счастливейшим человеком на свете; затем вежливо – со шляпой в руках – выслушал короткую речь миссис Уинтертаун и вышел из дому с намерением тщательно обдумать этот вопрос – как только выдастся время.

Бракосочетание и впрямь прошло на следующее утро в церкви Святого Георгия на Ганновер-Сквер. На церемонии присутствовали почти все министры его величества, два или три герцога из числа младших королевских детей, полдюжины адмиралов, епископ и несколько генералов. Увы, как ни важны были эти достойные мужи для блага и процветания Англии, в день свадьбы мисс Уинтертаун и Уолтера Поула в их сторону никто даже не поглядел. На кого все смотрели, на кого с тихим шепотом украдкой показывали соседям, так это на волшебника, мистера Норрелла.

10. Трудно подыскать занятие для волшебника

Октябрь 1807 года

Сэр Уолтер намеревался вводить тему волшебства постепенно, чтобы приучить министров к самой мысли, прежде чем вынести на их суд предложения мистера Норрелла. Он боялся, что мистер Каннинг иронически скривит губы, лорд Каслри сделает непроницаемое лицо, а граф Чатемский совершенно растеряется.

Опасения эти оказались совершенно беспочвенны. Министры, как вскоре выяснилось, были заинтригованы не меньше остального Лондона. В следующий раз, когда кабинет собрался в Берлингтон-хаусе²¹, они сами объявили о своем желании прибегнуть к услугам единственного английского волшебника. Правда, никто не знал, что с ним делать. Прошло почти двести лет с тех пор, как английское правительство последний раз обращалось к волшебнику, и все уже успели немного отвыкнуть.

– *Моя* главная забота, – объяснил лорд Каслри, – сыскать рекрутов для армии. Задача, уверяю вас, почти невыполнимая; британцы – исключительно невоинственная нация. Однако я возлагаю большие надежды на Линкольншир; говорят, тамошние свиньи особенно хороши, и те, кто питается их мясом, отличаются здоровьем и крепостью. Вот если бы кто-нибудь навел чары на Линкольншир, чтобы три-четыре тысячи молодых людей разом преисполнились желания пойти в солдаты и сражаться с французами. – Он с надеждой глянул на сэра Уолтера. – У вашего друга нет такого заклинания, а, сэр Уолтер?

Сэр Уолтер не знал, но пообещал спросить мистера Норрелла.

В тот же день сэр Уолтер навестил мистера Норрелла и передал ему вопрос министра. Мистер Норрелл пришел в восторг. Он полагал, что никто прежде не предлагал такого волшебства, и просил сэра Уолтера поздравить лорда Каслри со столь свежей идеей. Что до возможности такого заклатья:

– Труднее всего будет ограничить его действие Линкольнширом – и молодыми людьми. Есть опасность, что, если мы добьемся успеха – а я льщу себе мыслью, что так оно и будет, – Линкольншир и несколько соседних графств могут совершенно обезлюдеть.

Сэр Уолтер возвратился к лорду Каслри с отрицательным ответом.

Следующая идея, которую предложили министры, понравилась мистеру Норреллу еще меньше. Воскрешение леди Поул потрясло каждого лондонца, не исключая и членов кабинета. Лорд Каслри начал с того, что спросил других министров, кого Наполеон Бонапарт страшился больше всего на свете? Кто заранее знал каждый шаг корсиканца? Кто нанес французам столь сокрушительное поражение, что они носа не смели показать в море? Кто объединил в себе все достоинства, присущие англичанину? Кто, как не лорд Нельсон? Ясно, что первым делом надо воскресить лорда Нельсона. Лорд Каслри попросил у сэра Уолтера прощения, – может быть, он чего-то не понимает, – но какого дьявола они мешкают?

На это мистер Каннинг, человек решительный и склочный, ответил, что, конечно, гибель лорда Нельсона – большая утрата. Нельсон был национальным героем, и лорд Каслри нимало не преувеличил его заслуги... Однако, без всякого неуважения к флоту – славнейшей из бри-

²¹ Берлингтон-хаус на Пиккадилли был лондонской резиденцией герцога Портлендского, первого лорда казначейства (которого многие сегодня на французский манер именуют премьер-министром). Дом был воздвигнут в то время, когда английская знать не боялась соперничать с монархом в проявлении могущества и богатства, и по красоте не имел равных в столице. Что до самого герцога, он был достойнейшим пожилым джентльменом, но не соответствовал ничьим представлениям о премьер-министре. Он был очень болен и стар. В описываемый день он лежал в занавешенной комнате в дальнем конце дома, накачанный лауданумом, и потихонечку умирал. Он не приносил никакой пользы стране и почти никакой – министрам. Единственным достоинством его правления была возможность собирать заседания кабинета в роскошном особняке на Пиккадилли и время от времени гонять великолепно вышколенных слуг в погреб. (У министров от управления Британией постоянно пересыхало горло.)

танских институций, – Нельсон был всего лишь моряком, а покойный мистер Питт – всем²². Если кого из мертвецов и надо возвращать к жизни, то, без сомнения, Питта.

Лорд Чатем (брат покойного мистера Питта), естественно, поддержал эту идею, но спросил, зачем выбирать – почему бы не воскресить и Питта, и Нельсона? Как он понимает, речь лишь о том, чтобы заплатить волшебнику дважды, и тут ведь никто возражать не будет?

Тогда другие министры начали предлагать своих кандидатов на воскрешение, и уже казалось, что в ближайшее время половина склепов в Англии опустеет. Очень скоро они составили длинный список и, как всегда, заспорили.

– Так не пойдет, – сказал сэр Уолтер. – Мы должны с кого-нибудь начать. Полагаю, каждый из нас обязан своим нынешним положением дружбе мистера Питта. Было бы несправедливо уступить первенство кому-то другому.

За Норреллом отправили посыльного. Волшебника провели в великолепную гостиную, где заседали министры. Сэр Уолтер сказал ему, что они хотели бы совершить еще одно воскрешение.

Мистер Норрелл побледнел и забормотал, что особое отношение к сэру Уолтеру заставило его прибегнуть к весьма нежелательному роду волшебства – министры явно не понимают, о чем просят.

Однако, когда мистер Норрелл понял, *о ком* речь, он заметно приободрился и полюбопытствовал о состоянии *тела*.

Министры подумали, что мистер Питт умер более двух лет назад и, при всей преданности покойному премьеру, они не хотели бы увидеть его в нынешнем состоянии. Лорд Чатем (брат мистера Питта) печально заметил, что бедный Уильям, наверное, уже в значительной степени разложился.

Тема была закрыта.

Неделей или двумя позже лорд Каслри предложил отправить мистера Норрелла в Нидерланды или в Португалию, где мистер Норрелл мог бы творить волшебство под руководством генералов и адмиралов. Для рекогносцировки на Ганновер-Сквер отрядили сухопутно-морской экспедиционный корпус в составе адмирала Пейкока (старого краснолицего морского волка) и Харкорт-Брюса (капитана 20-го легкого драгунского полка).

Капитан Харкорт-Брюс был не только красив, решителен и смел, но и романтичен. Возрождение волшебства в Англии привело его в неописуемый трепет. Он любил увлекательное чтение – его голова была забита древними историями, в которых англичане, теснимые превосходящими силами французов, внезапно слышали звук странной, неземной музыки; на вершине холма возникал Король-ворон в высоком черном шлеме с плюмажем из вороновых перьев и во весь опор устремлялся вниз на высоком вороном скакуне, а за ним мчали сто рыцарей-людей и сто рыцарей-эльфов, неся англичанам победу.

Так капитан Харкорт-Брюс представлял себе волшебника. *Что-то такое*, в его воображении, должен был явить мистер Норрелл на полях нынешних сражений. Однако, посидев с мистером Норреллом в гостиной на Ганновер-Сквер и послушав, как тот выговаривает лакею сначала за слишком густые сливки в чае, потом за слишком жидкие, – ну, думаю, я не удивлю вас, сказав, что он был немного разочарован. Собственно, он был настолько удручен, что адмирал Пейкок, добросердечный, хоть и несколько бесцеремонный старый джентльмен, даже не стал очень уж сильно над ним подтрунивать.

Адмирал Пейкок и капитан Харкорт-Брюс возвратились к министрам и сказали, что мистера Норрелла никуда отправлять нельзя; адмиралы и генералы никогда не простят прави-

²² Уильям Питт Младший (1759–1806). Вряд ли Англия когда-нибудь увидит такого государственного мужа, ибо он стал премьер-министром в двадцать четыре года и, не считая короткого трехлетнего перерыва, руководил страной до самой смерти.

тельству такого поступка. В течение нескольких недель казалось, что министры так и не смогут найти работу для своего единственного волшебника.

11. Брест

Ноябрь 1807 года

В первую неделю ноября эскадра французских кораблей готовилась покинуть порт Брест – самую западную точку Бретани. Французы намеревались курсировать по Бискайскому заливу в поисках британских кораблей, и если не удастся эти корабли захватить, то хотя бы помешать их капитанам осуществить свои недобрые замыслы.

Ветер дул с побережья. Французские моряки умело и споро подготовили корабли к отплытию, как вдруг небо затянули черные тучи и хлынул ливень.

Брест – город портовый, потому неудивительно, что жители его привыкли следить за погодой и ветрами. И вот, когда корабли уже готовы были отплыть, несколько местных прибежали в порт и взволнованно сообщили морякам, что с дождем что-то неладно. Дует ост, говорят они, а тучи идут с норда, хотя такого просто не может быть. Капитаны только успели удивиться, недоверчиво усмехнуться или испугаться – всякий по своему разумению и характеру, – как события приняли совершенно новый оборот.

Брестская гавань состоит из двух бухт: внешней и внутренней, отделенной от моря длинным узким мысом. Как раз когда дождь зарядил сильнее, французским капитанам доложили, что во внешней бухте появились британские корабли – целый флот!

Сколько? Этого говорящие сообщить не могли. Да сразу и не сосчитать – может, сто. Как и дождь, корабли словно возникли разом посреди пустого доселе моря. Какие? А вот это самое удивительное! Все как один линейные, тяжеловооруженные, двух- и трехпалубные.

Вот уж и впрямь новости! Размер и число кораблей ошарашивали даже больше, чем их внезапное появление. К английской блокаде жителям Бреста было не привыкать, но никогда в ней не участвовало больше двадцати пяти кораблей, из которых только четыре-пять были линейные, а остальные два десятка – юркие фрегаты, шлюпы и бриги.

Известие казалось настолько невероятным, что французские капитаны не поверили, пока сами верхом или на лодке не добрались до Лошри или Камаре-Сен-Жульена, где с высоких утесов смогли воочию наблюдать британскую флотилию.

Шли дни. Небо по-прежнему затягивали свинцовые тучи, из которых без остановки сыпал дождь. Британские корабли упрямо стояли на рейде. Жители Бреста тревожились, что англичане высадятся в городе или обстреляют его из пушек. Однако корабли не двигались с места.

Еще удивительнее были вести, приходившие из прочих портов Империи: из Рошфора, Тулона, Марселя, Генуи, Венеции, Флиссингена, Лорьяна, Антверпена и сотен менее значительных приморских городов. Британские боевые корабли числом не менее сотни блокировали и эти порты. Подобное не укладывалось в голове. Если сложить количество кораблей, то получалось больше, чем весь английский флот! Да столько боевых кораблей не нашлось бы и в целом мире!

В то время военно-морскими силами в Бресте командовал адмирал Демулен. У него был слуга – ростом с восьмилетнего ребенка и для европейца необыкновенно смуглый. Казалось, слугу посадили в печь и там на время позабыли, так что он слегка подгорел. Кожа слуги была цвета кофейных зерен, а на ощупь напоминала пересушенный рисовый пудинг. Курчавые и сальные черные волосы торчали, словно перья из тощих боков жареного цыпленка. Звали слугу Перроке (что означает попугай). Адмирал Демулен весьма гордился Перроке – его ростом, сообразительностью, живостью, но более всего цветом кожи. Хозяин часто хвастался, что ему доводилось видеть негров много светлее Перроке.

Перроке просидел под дождем четыре дня, наблюдая в подзорную трубу за кораблями неприятеля. Дождь стекал с полей его треуголки детского размера, словно по водостокам.

Дождь пропитал детский сюртучишко, превратив шерсть в тяжелый войлок. Струйки воды скользили по смуглой блестящей коже. Однако Перроке не обращал на дождь никакого внимания.

Спустя четыре дня он вздохнул, вскочил на ноги, потянулся, снял шляпу, поскреб макушку, зевнул и произнес:

– Мой адмирал, это самые странные корабли, какие мне случалось видеть.

– О чем ты, Перроке? – поинтересовался адмирал, который стоял на утесе рядом с Перроке и капитаном Жюмо, а дождь стекал с полей их треуголок, превращая шерсть в тяжелый войлок и наполняя башмаки водой на целый дюйм.

– Посмотрите, – сказал Перроке, – корабли замерли, словно в штиль, а на море между тем беспокойно. Сильный вест должен был давно пригнать их вон к тем скалам. Но нет. Может быть, они убрали паруса? Тоже нет. Ветер менялся уже несколько раз, а что делала команда? Да ничего!

Капитан Жюмо, не любивший Перроке и завидовавший его влиянию на адмирала Демулена, рассмеялся:

– Он сошел с ума, мой адмирал. Если бы англичане были так глупы и ленивы, корабли давно разнесло бы в щепки!

– Они больше похожи на картинки, – размышлял вслух Перроке, словно не слышал замечания капитана, – чем на настоящие корабли. Однако самое удивительное, что вот тот трехпалубник, самый крайний к северу, в понедельник выглядел как прочие, а теперь паруса все в лохмотьях, бизань-мачты нет, а в борту зияет дыра.

– Ура! – вскричал капитан. – Пока мы стоим и болтаем, французские храбрецы занялись делом!

Перроке усмехнулся:

– Вы полагаете, капитан, что англичане позволили бы французскому судну подойти к сотне своих кораблей, ударить по одному из них из пушки и спокойно улизнуть? Ха! Посмотреть бы, как вам удастся подобный маневр на вашем маленьком суденышке, капитан! Нет, мой адмирал, я думаю, английский корабль попросту растворяется.

– Растворяется! – удивился адмирал Демулен.

– Корпус корабля раздулся и осел, будто старушечья сумка с клубками и спицами, – сказал Перроке. – А бушприт и утлегарь сползают в воду.

– Что за бред? – возмутился капитан. – Как корабль может растворяться?

– Не знаю, – задумчиво проговорил Перроке. – Смотря из чего он сделан.

– Жюмо, Перроке, – начал адмирал, – я полагаю, что нам следует отправиться к этим кораблям. Если англичане соберутся нас атаковать, мы повернем обратно, а тем временем что-нибудь да разглядим.

И вот Перроке, адмирал Демулен и капитан Жюмо уселись в шлюпку. Лишь несколько смельчаков вызвались отправиться с ними, ибо матросы, хоть и стойко переносят тяготы морской жизни, донельзя суеверны, и не только Перроке подметил странность английских кораблей.

Подойдя к флотилии неприятеля, отважные исследователи обнаружили, что вблизи удивительные корабли совершенно серые, однако поблескивают, несмотря на затянутое тучами небо и морозящий дождь. Внезапно тучи разошлись, и выглянуло солнце. Корабли пропали. Затем тучи вновь сошлись, и корабли возникли на прежнем месте.

– Боже! – воскликнул адмирал Демулен. – Что все это значит?

– Возможно, – с тревогой сказал Перроке, – все британские корабли потонули, а это их призраки.

Так как удивительные корабли продолжали сиять и сверкать изо всей мочи, исследователи начали спорить, из чего они сделаны. Адмирал полагал, что из железа и стали. (Корабли из металла! Придет же такое в голову! Нет, все-таки французам странностей не занимать.)

Капитан предположил, что корабли изготовлены из серебряной фольги.

– Серебряной фольги! – воскликнул адмирал Демулен.

– Да, – подтвердил капитан. – Дамы, как известно, скручивают серебряную фольгу в трубочки и делают из нее корзиночки, которые потом украшают цветами, а в корзиночки кладут монпансье.

Адмирал Демулен и Перроке удивились, но спорить не стали – капитан был мужчиной видным и знал о женских хитростях не в пример больше их.

Однако если за вечер дама успевает сплести не более одной корзиночки, то сколько же надобно дам, чтобы сплести целый британский флот? Адмирал Демулен сказал, что у него голова болит даже думать об этом.

Снова выглянуло солнце. Теперь французы увидели, что солнце просвечивает сквозь корабли и делает их бесцветными, а после и вовсе обращает в слабые искорки над водой.

– Стекло. – Адмирал почти угодил в цель, но тут сообразительный Перроке наконец догадался:

– Нет, мой адмирал, это дождь. Корабли сделаны из дождя.

Падая с небес, дождевые капли сливались в сплошные формы, которым некто придал видимость сотни кораблей.

И Перроке, и адмирала Демулена, и капитана Жюмо снедало любопытство: кто мог совершить подобное? Они сошлись на том, что это дождевых дел мастер.

– И он не только дождевых дел мастер, – воскликнул адмирал, – но и кукловод! Только посмотрите, как корабли качаются на волнах, а паруса то вздымаются, то опадают!

– Ничего красивей я в жизни не видел, мой адмирал, – согласился Перроке, – но повторяю, кем бы он ни был, он ничего не смыслит в морской науке!

Около двух часов адмиральский катер скользил туда и обратно сквозь удивительные корабли. На них царило безмолвие: ни скрипа мачт, ни хлопанья парусов на ветру, ни матросских окриков. Несколько раз гладколицые дождевые матросы подходили к борту и вглядывались в моряков из плоти и крови на деревянной шлюпке, но кто мог сказать, о чем они думали? И адмирал, и капитан, и Перроке чувствовали себя в безопасности. Перроке рассуждал так: «Если дождевые матросы и решат дать залп, мы всего лишь вымокнем».

Перроке, адмирал и капитан самозабвенно восхищались невиданным чудом. Они забыли, что их провели, забыли, что целую неделю теряли драгоценное время, покуда британские корабли проскальзывали в балтийские порты, португальские порты и все прочие порты, где император Наполеон Бонапарт не желал их видеть. Однако, судя по всему, заклинание слабело (что объясняло разрушение корабля на северном конце линии). Еще через два часа дождь прекратился, и в тот же миг чары рассеялись. Перроке, адмирал Демулен и капитан Жюмо поняли это по странной перемене ощущений, будто они почувствовали вкус струнного квартета или их на миг оглушил синий цвет. Почти мгновенно дождевые корабли превратились в мглистые корабли, и слабый бриз унес их прочь.

Перед французами простирался пустынный Атлантический океан.

12. Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии

Декабрь 1807 года

Однажды декабрьским днем в Чипсайде столкнулись две телеги. Одна из них, груженная бочками с хересом, перевернулась. Покуда возчики спорили, кто виноват, прохожие заметили в одном из бочонков пробоину. Вскоре целая толпа пьянчуг сгрудилась вокруг, подставляя стаканы и кружки под струю хереса и пробивая дырки в еще целых бочонках. Телеги и собравшаяся толпа перегородили дорогу, так что скоро на всех близлежащих улицах: Поултри, Треднидл-стрит, Бартоломью-лейн и Олдерсгейт, Ньюгейт и Патерностер-роу образовался затор из карет. Казалось, что столпотворению не будет конца.

Один из возчиков был хорош собой, а второй – толст. Закончив ругаться, они возглавили бражников наподобие Вакха и Силена. Им пришлось в голову повеселиться самим и повеселить новых друзей, открывая дверцы карет, чтобы посмотреть, чем там заняты богатеи? Слуги и кучера пытались предотвратить эти дерзкие выходки, но толпа была столь многочисленна, да к тому же навеселе, что удары хлыстом на нее не действовали. В одной из карет толстый возчик обнаружил мистера Норрелла и воскликнул: «Ба! Старина Норрелл!» Возчики полезли в карету и начали трясти мистеру Норреллу руку, обдавая того парами хереса и заверяя, что, ни минуты не мешкая, расчистят дорогу, чтобы он – герой французской блокады – смог беспрепятственно продолжить путь, каковое обещание тут же и выполнили. У многих почтенных людей выпрягли лошадей, их кареты затащили на задние дворы кожевников или в грязные переулки, где они застряли и поободрали позолоту. Возчики и их товарищи проводили карету мистера Норрелла до самой Ганновер-Сквер, выкрикивая здравицы, подбрасывая в воздух шляпы и распевая хвалебные песни собственного сочинения.

Все были в восторге от успеха мистера Норрелла. Значительная часть французского флота на целых одиннадцать дней оказалась обманом заперта в портах, что позволило англичанам без помех пересекать Бискайский залив, Ла-Манш и Северное море. Тайных агентов Британии забросили во все уголки империи, а другие лазутчики вернулись на родину с сообщениями о планах Наполеона. Британские торговые суда беспрепятственно выгружали кофе, хлопок и специи в голландских и балтийских портах.

Говорили также, что Наполеон Бонапарт прочесывает Францию в поисках собственного волшебника, но безуспешно. В Лондоне министры, к своему удивлению, обнаружили, что они в кои-то веки вызвали народное одобрение.

Мистера Норрелла пригласили в адмиралтейство, где он пил мадеру в парадной гостиной. Сидя в удобном кресле у камина, волшебник имел долгую и приятную беседу с первым лордом и первым секретарем адмиралтейства: лордом Малгрейвом и мистером Хорроксом. Резной орнамент из навигационных инструментов и цветочных гирлянд над камином привлек внимание мистера Норрелла, и тот принялся описывать прекрасную резьбу в библиотеке аббатства Хартфью.

– И тем не менее, – заметил он, – я завидую вам, милорд. Да-да, завидую. Какое превосходное изображение инструментов, используемых в вашей профессии! Мне хотелось бы иметь такое же, ибо ничто так не впечатляет, ничто так не вдохновляет в начале рабочего дня, как вид аккуратно разложенных инструментов – или их изображений из доброго английского дуба. Однако, сказать по правде, волшебнику нужно не так уж много орудий. Открою секрет, милорд: чем больше магических предметов – цветных порошков, кошачьих чучел, колдовских шляп и прочего – носит с собой волшебник, тем больше он вас обманывает!

А какие же орудия, вежливо спросил мистер Хоррокс, требуются настоящему волшебнику?

– Да почти никаких, – отвечал мистер Норрелл. – Разве что серебряная чаша с водой.

– Ах! – воскликнул мистер Хоррокс. – Я бы многое отдал, чтобы увидеть настоящее чудо, а вы, милорд? Мистер Норрелл, не окажете ли вы нам честь и не покажете какое-нибудь видение в чаше?

Обычно мистер Норрелл ни за что не соглашался удовлетворять чужое праздное любопытство, но сегодня он был так польщен приемом в адмиралтействе (эти двое джентльменов наговорили ему кучу комплиментов), что согласился почти мгновенно, и слугу отправили на поиски чаши.

– Серебряная чаша диаметром около фута, – уточнил мистер Норрелл, – и наполните ее чистой водой.

На днях адмиралтейство послало трем британским кораблям приказ собраться к югу от Гибралтара, и сейчас лорду Малгрейву не терпелось узнать, удалось ли им встретиться. Не сможет ли мистер Норрелл показать корабли? Мистер Норрелл не знал, но обещал попробовать. Когда принесли чашу и мистер Норрелл склонился над ней, лорд Малгрейв и мистер Хоррокс ощутили себя так, словно перенеслись в древние времена славы английской магии – времена Стокси, Годблесса и Короля-ворона.

На поверхности воды появилось изображение трех кораблей, скользящих по волнам. Яркое средиземноморское солнце просияло в хмурой декабрьской столице, озаряя лица склоненных над чашей мужчин.

– Они движутся! – изумился лорд Малгрейв.

Корабли действительно двигались. Нежнейшие облачка скользили по синему небу, корабли вспенивали волны, можно было разглядеть даже крошечные фигурки матросов. Лорд Малгрейв и мистер Хоррокс тотчас узнали корабли военно-морских сил его величества «Екатерину Винчестерскую», «Лавр» и «Кентавр».

– Ах, мистер Норрелл! – воскликнул мистер Хоррокс. – «Кентавр» – корабль моего кузена. Не могли бы вы показать мне капитана Барри?

Мистер Норрелл заерзал, с шипением втянул воздух и вперил свирепый взгляд в серебряную чашу. Постепенно на поверхности воды возник розовощекий, златокудрый херувим, страдающий лишним весом, который прохаживался по шканцам. Мистер Хоррокс подтвердил, что толстяк и есть его кузен, капитан Барри.

– Неплохо выглядит, не правда ли? – воскликнул мистер Хоррокс. – Рад видеть, что он находится в добром здравии.

– Где они? Вы можете нам сказать? – спросил лорд Малгрейв.

– Увы, – отвечал мистер Норрелл, – искусство создания изображений – самое неточное из искусств²³. Для меня было честью показать вашей милости некоторые корабли его величества. Я еще более польщен, что корабли оказались те самые – честно говоря, этого я и не ожидал, – но боюсь, что больше ничем не смогу вам помочь.

Адмиралтейство было настолько довольно, что лорд Малгрейв и мистер Хоррокс принялись размышлять, какое бы еще поручение придумать волшебнику?

Королевский флот недавно захватил французский линейный корабль с прекрасной резной фигурой на носу. Фигура изображала русалку с яркими голубыми глазами, кораллово-красными губами, копной роскошных золотых кудрей, усыпанных морскими звездами и крабами, и посеребренным, словно имбирный пряник, хвостом. Было также известно, что до захвата англичанами корабль побывал в Тулоне, Шербуре, Антверпене, Роттердаме и Генуе, и русалка могла бы многое рассказать об оборонительных сооружениях французов и о грандиозном плане строительства кораблей, затеянном Наполеоном Бонапартом. Мистер Хоррокс

²³ Четырьмя годами позже во время Пиренейской войны ученик мистера Норрелла Джонатан Стрендж выражал сходные сомнения в эффективности этого рода магии.

попросил мистера Норрелла с помощью заклинания заставить русалку разговаривать, что и было сделано. Однако, хотя русалка и обрела внезапно дар речи, она не спешила делиться французскими секретами с англичанами. Русалка оказалась яркой ненавистницей Британии и с радостью использовала неожиданный дар, чтобы выразить свою ненависть к англичанам. Проведя жизнь среди матросов, русалка набралась матросских ругательств и с большой охотой принялась выкрикивать их, адресуясь всем, кто оказался рядом. Голос ее напоминал скрип мачт и шпангоутов на сильном ветру. Впрочем, одними оскорблениями русалка не ограничилась. Когда трое матросов, занятых судовыми работами, оказались с нею рядом, русалка ухватила их деревянными руками и швырнула в море.

Мистер Хоррокс, который приехал в Портсмут специально ради нее, уже успел устать от русалки и заявил ей, что, если она не будет отвечать, ее порубят на куски и сожгут. Однако русалка (даром что француженка!) оказалась особой храброй и заявила, что хотела бы посмотреть на человека, который осмелится ее сжечь. Затем она устрашающе хлестнула хвостом и затрясла кулаками, а все морские звезды и крабы в ее волосах злобно ошетинились.

Ситуация разрешилась, когда урезонивать русалку прислали молодого красавца-капитана, захватившего французский корабль. На чистом и понятном французском он объяснил русалке правоту Британии и чудовищную неправоту французов. То ли слова его оказались столь убедительны, то ли русалку поразила красота молодого лица, но она согласилась рассказать мистеру Хорроксу все, что тот хотел узнать.

С каждым днем публичное признание и вес в обществе мистера Норрелла все возрастали, что побудило печатника по имени Холланд, державшего лавку на площади собора Святого Павла, заказать гравюру с изображением волшебника и выставить ее на продажу. Гравюра изображала мистера Норрелла в компании юной барышни, облаченной в сорочку свободного покроя, едва прикрывающую ее прелести. Стан девушки обвивали жесткие складки темного материала, почти не касаясь его, а для пушшего украшения в кудрявых локонах прелестницы прятался полумесяц. Барышня держала мистера Норрелла за руку (к несказанному изумлению последнего) и изо всех сил тянула его к лестнице, весьма энергично указывая на зрелую даму, сидевшую на ее вершине. Зрелая дама, как и юная, была облачена в складки и драпировки, а для придания картине благородства на голову ей водрузили римский шлем. Зрелая леди бурно рыдала, а у ног ее с мрачным выражением на морде возлежал единственный спутник, престарелый лев. Гравюра, названная «Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии», имела громадный успех, и за месяц мистер Холланд продал почти семьсот оттисков.

Теперь мистер Норрелл редко выходил из дому – столичные знаменитости сами наносили ему визиты. Нередко пять-шесть карет с гербами толпились у дома на Ганновер-Сквер. Мистер Норрелл оставался тем же молчаливым нервным человечком, каким был всегда, и если бы не мистер Дролайт и мистер Лассельс, сиятельным визитерам пришлось бы скучать. Мистер Дролайт и мистер Лассельс разговаривали и за себя, и за хозяина; более того, зависимость мистера Норрелла от этих двоих возрастала с каждым днем. Чилдермасс как-то заметил, что нужно быть очень странным волшебником, чтобы пользоваться услугами Дролайта, однако мистер Норрелл пользовался его услугами постоянно. Дролайт почти все время разъезжал в карете мистера Норрелла, выполняя поручения волшебника. Каждое утро он появлялся на Ганновер-Сквер и докладывал мистеру Норреллу, о чем говорят в городе, кто сегодня в фаворе, а кто в опале, кто влез в долги, а кто влюбился, так что мистер Норрелл, сидя в библиотеке, знал о столичных новостях не меньше городских кумушек.

Однако еще удивительнее был пыл, с каким радел о благе английской магии мистер Лассельс. Хотя объяснялось все довольно просто. Мистер Лассельс принадлежал к той беспокойной породе людей, которые презирают упорный труд. Совершенно уверенный в своих выдающихся способностях, Лассельс никогда не пытался развить в себе какие-либо навыки или

знания. Достигнув тридцати девяти лет, он так и не нашел подходящего занятия. Оглядываясь вокруг, он видел людей, которые благодаря усердному труду в юности ныне достигли высокого положения, – и, разумеется, Лассельс им завидовал. Именно поэтому ему так нравилось быть главным советчиком при величайшем волшебнике современности и с важным видом отвечать на уважительные расспросы королевских министров. Разумеется, на публике мистер Лассельс старательно изображал того же беззаботного прожигателя жизни, каким когда-то был, но в глубине души весьма ревностно относился к только что обретенному статусу. Однажды вечером в кофейне Бедфорда за бутылкой портвейна они с Дролайтом пришли к полному взаимопониманию. Для такого тихого и замкнутого человека, как мистер Норрелл, рассудили они, двух друзей более чем достаточно. Поэтому они заключили союз, дабы держать оборону против всех, кто задумает покуситься на их влияние.

Именно мистер Лассельс первым посоветовал мистеру Норреллу подумать о публикации своих трудов. Бедного мистера Норрелла очень расстраивали неправильные представления публики в вопросах магии, и он не устал жаловаться на полное невежество общества. «Меня просят показать волшебных существ, – сетовал он, – единорогов, мантикор и прочее в том же роде. Они совершенно не видят полезности магии, и только самые пустяковые ее виды способны их привлечь».

– Магические подвиги, – заметил Лассельс, – прославят ваше имя, но, если вы не будете печататься, публика никогда не проникнется вашими убеждениями.

– Да-да, разумеется, – живо откликнулся мистер Норрелл, – я и сам, как вы советовали, уже задумывался о книге, но боюсь, что не скоро найду свободное время, чтобы осуществить этот замысел.

– Конечно же, книга требует бездны труда, – вяло согласился мистер Лассельс, – но я не имел в виду книгу. Две-три статьи о магии – вот что нужно. Полагаю, любой издатель в Лондоне или Эдинбурге с радостью опубликует то, что вы ему предложите. Вы сами можете выбрать издание, но я посоветовал бы «Эдинбургское обозрение». Едва ли во всем королевстве найдется дом, претендующий на аристократизм, где бы не читали этот журнал. Нет более быстрого способа сделать ваши взгляды общедоступными.

Мистер Лассельс был так красноречив, так убедительно расписывал, что статьи мистера Норрелла будут лежать на каждом библиотечном столе и обсуждаться в каждой гостиной, что, если бы не великая неприязнь, которую мистер Норрелл питал к «Эдинбургскому обозрению», волшебник непременно засел бы за писание. К несчастью, «Эдинбургское обозрение» славилось своими радикальными взглядами, критиковало правительство и выступало против войны с Францией – всего этого мистер Норрелл решительно не одобрял.

– Кроме того, – говорил мистер Норрелл, – я не желаю писать рецензии на чужие книги. Современные издания о магии – самая большая пагуба в мире. Там одна неправда и ошибочные взгляды.

– Вот и напишите об этом, сэр. И чем резче вы выступите, тем сильнее угодите издателям.

– Я хочу, чтобы люди знали о моих взглядах, а не о взглядах других.

– Но, сэр, – возражал мистер Лассельс, – вынося суждение о работах других, указывая на чужие ошибки, вы позволите читателю узнать ваши убеждения. Легче легкого использовать критическую статью для выражения своей позиции. Только и нужно, что упомянуть пару раз книжку, а все остальное время развивать собственные идеи. Уверяю вас, все вокруг так и делают.

– Хм, – задумчиво протянул мистер Норрелл, – пожалуй, вы правы. А впрочем, нет, это будет выглядеть так, словно я поддерживаю творения, которым вообще не следовало появляться на свет.

И мистер Норрелл остался при своем мнении.

Лассельс был разочарован. «Эдинбургское обозрение» далеко превосходило своих соперников в яркости и остроумии. Его статьи с жадностью поглощали все – от младшего священника до премьер-министра. По сравнению с «Эдинбургским обозрением» все прочие издания казались пресными и нудными.

Лассельс решил оставить эту идею и уже почти позабыл о ней, когда получил письмо от молодого книготорговца по фамилии Мюррей. Мистер Мюррей почтительно осведомлялся, не соблаговолит ли мистер Лассельс и мистер Дролайт принять его в любой день и час, когда им будет угодно? У него есть предложение, касающееся мистера Норрелла.

Спустя несколько дней Лассельс и Дролайт приняли книготорговца в доме Лассельса на Брутон-стрит. Книготорговец оказался человеком деловым и энергичным и, не входя в долгие объяснения, сразу же изложил суть дела:

– Подобно прочим жителям этих островов, джентльмены, я поражен и изумлен нынешним удивительным возрождением английской магии, а также тем воодушевлением, с которым публика приветствует некогда забытое искусство. Я убежден, что идея периодического издания, посвященного миру магии, будет встречена с одобрением. Литература, политика, религия, путешествия – все это прекрасно, но магия – практическая магия мистера Норрелла – имеет безусловное преимущество новизны. Как вы думаете, джентльмены, способен ли мистер Норрелл отнестись благосклонно к моему предложению? Я слышал, у него есть что сказать по этому вопросу. Слышал также, что взгляды мистера Норрелла очень своеобразны! Разумеется, в школе мы все немного изучали историю и теорию магии, но на Британских островах магия не практикуется так давно, что наверняка наши скудные познания изобилуют ошибками и неточностями.

– Ах, мистер Мюррей! – воскликнул мистер Дролайт. – Как вы проницательны! Если бы мистер Норрелл мог вас услышать! Ошибками и неточностями – вот именно! Если бы вам, мой дорогой сэр, как мне, выпало счастье наслаждаться беседами с мистером Норреллом – вы бы поняли, что дело обстоит именно так!

– Поверьте, сэр, сформировать у английской публики правильное представление об английской магии долгие годы было величайшим чаянием мистера Норрелла, – сказал Лассельс, – однако, увы, нередко наши частные желания отступают перед общественным долгом. Адмиралтейство и военное министерство занимают все время мистера Норрелла.

Мистер Мюррей вежливо отвечал, что, конечно же, все прочие соображения отступают перед соображениями военной необходимости и что мистер Норрелл, безусловно, национальное достояние Британии.

– Однако я полагаю, мы могли бы устроить так, чтобы основной груз не лег на плечи мистера Норрелла. Наняли бы редактора, который будет готовить выпуск, работать с отдельными статьями и рецензиями, вносить изменения – все это, разумеется, под руководством мистера Норрелла.

– Разумеется, – произнес Лассельс. – Непременно под руководством мистера Норрелла. На этом мы настаиваем.

Встреча завершилась ко всеобщему удовлетворению. Мистер Лассельс и мистер Дролайт пообещали, что немедленно переговорах с мистером Норреллом.

Дролайт смотрел, как мистер Мюррей покидает комнату.

– Шотландец, – произнес он, когда за гостем закрылась дверь.

– Ну конечно! – согласился Лассельс. – Однако меня это не пугает. В делах шотландцы довольно практичны и умелы. Этот шотландец все сделает как надо.

– Он показался мне вполне респектабельным – почти что джентльмен. Если забыть о его странной привычке пристально смотреть на вас одним глазом, в то время как второй путешествует по комнате. Меня это сбивало с толку.

– Он слеп на правый глаз.

– Неужели?

– Да, Каннинг мне сказал. В детстве школьный учитель воткнул ему в глаз перочинный ножик.

– Господи! Однако только вообразите, дорогой Лассельс! Целое издание, выражающее мнение одного человека! В это трудно поверить! Волшебник удивится, когда мы ему расскажем.

Мистер Лассельс рассмеялся:

– Напротив, он решит, что нет ничего естественнее. Его тщеславие не знает границ.

Как и предполагал Лассельс, мистер Норрелл не нашел ничего удивительного в предложении мистера Мюррея, однако тут же начал перечислять всевозможные трудности.

– План превосходный, – заявил он, – однако практически неосуществимый. У меня нет времени редактировать издание, и я вряд ли доверю эту задачу кому-либо другому.

– Я был почти такого же мнения, сэр, – согласился мистер Лассельс, – пока не подумал о Портисхеде.

– Портисхед? Что еще за Портисхед? – спросил мистер Норрелл.

– Видите ли, – начал Лассельс, – когда-то он был волшебником-теоретиком, но...

– Волшебником-теоретиком? – взволнованно перебил мистер Норрелл. – Вы же знаете, что я о них думаю!

– Да, но вы не дослушали, – продолжил Лассельс, – его восхищение вами невероятно велико, сэр. Прослышав, что вы не одобряете волшебников-теоретиков, он немедленно забросил свои занятия.

– Вот как? – спросил мистер Норрелл уже более спокойно.

– Он опубликовал одну или две книги – вроде бы историю магии шестнадцатого века для детей или что-то в таком роде²⁴. Я полагаю, что вы вполне можете доверить редактирование лорду Портисхеду, сэр. Он никогда не опубликует ничего, что могло бы заслужить ваше неодобрение. Лорд Портисхед известен как один из самых достойных людей в королевстве. И я совершенно уверен, что его главным желанием будет вам угодить²⁵.

С некоторой неохотой мистер Норрелл согласился принять лорда Портисхеда, и мистер Дролайт написал письмо, приглашающее его милость на Ганновер-Сквер.

Лорду Портисхеду к тому времени исполнилось тридцать восемь. Он был высок и долговяз, носил сюртуки и панталоны светлых цветов. Душа у его милости была нежная, и все вокруг заставляло его испытывать неловкость. Лорд Портисхед стеснялся своего высокого роста, своего статуса бывшего волшебника-теоретика (человек умный, его милость понимал, что это не нравится мистеру Норреллу). Встреча с такими светскими джентльменами, как Дролайт и Лассельс, чрезвычайно смутила лорда Портисхеда, а что уж и говорить о встрече с мистером Норреллом – его кумиром! В какой-то момент он от волнения начал раскачиваться из стороны в сторону – из-за роста и светлого костюма это придавало лорду Портисхеду сходство с серебристой березой на сильном ветру.

²⁴ Лассельс смешал все сочинения лорда Портисхеда в одно. К тому времени как в начале 1808 года его милость оставил занятия магией, он успел опубликовать три книги: «Жизнь Жака Белазиса» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1801); «Жизнь Никласа Губерта» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1805); «История Короля-ворона для детей» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1807, с гравюрами Томаса Бевика). Первые две представляют собой научные исследования о волшебниках XVI века. Мистер Норрелл ценил их не слишком высоко, но особенно не любил «Историю Короля-ворона для детей». Джонатан Стрендж, напротив, считал «Историю» блистательной книжицей.

²⁵ «Удивительно, но такой богатый человек – а лорду Портисхеду принадлежала немалая часть английских земель – отличался редкой скромностью. Кроме того, его милость был преданным мужем и отцом десяти детей. Мистер Стрендж рассказывал мне, что не видел в своей жизни зрелища приятнее, чем лорд Портисхед, возящийся с детьми. Честно говоря, в нем самом было много детского. Несмотря на обширные познания, лорд Портисхед был так же неспособен распознать зло, как ни с того ни с сего заговорить по-китайски. Он был самым благородным представителем британской аристократии». (Джон Сегундус. «Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1820).

Несмотря на нервозность, лорду Портисхеду удалось-таки выразить, как он польщен приглашением мистера Норрелла, который в свою очередь был так приятно удивлен необыкновенным уважением со стороны волшебника-теоретика, что любезно позволил его милости вновь заняться изучением магии.

Разумеется, лорд Портисхед был очень рад, но, когда он услышал, что ему будет позволено сидеть в уголке гостиной на Ганновер-Сквер, впитывая суждения мистера Норрелла о современной магии, и заниматься редактированием (под руководством мистера Норрелла) нового периодического издания мистера Мюррея, счастье его перешло все границы.

Новый журнал назвали «Друзья английской магии» – выражение, позаимствованное из письма мистера Сегундуса в газету «Таймс» прошлой весной. Удивительно, но в журнале не было публикаций самого мистера Норрелла, который обнаружил, что совершенно не способен дописать до конца ни одной статьи – его никогда не устраивало написанное. Он никак не мог решить, сказал ли слишком много или, напротив, слишком мало²⁶.

В первых выпусках серьезный исследователь магии не найдет ничего, заслуживающего внимания. Занятны разве что статьи, в которых Портисхед от имени мистера Норрелла громит его врагов: джентльменов-волшебников, леди-волшебниц, уличных магов, бродячих чародеев, волшебников-вундеркиндов, Ученое общество йоркских волшебников, Ученое общество манчестерских волшебников, ученые общества волшебников в целом, а также всех прочих волшебников без разбору.

²⁶ Первый выпуск «Друзей английской магии» вышел в феврале 1808 года и сразу же приобрел популярность. В 1812 году Норрелл и Лассельс хвастались тиражом в тринадцать тысяч экземпляров журнала, хотя проверить точность этого утверждения нет никакой возможности. С 1808 по 1810 год редактором журнала номинально числился лорд Портисхед, хотя не подлежит сомнению, что не обошлось без вмешательства в редакционные дела мистера Норрелла и мистера Лассельса. Между Лассельсом и Норреллом существовали разногласия по поводу редакционной политики. Мистеру Норреллу хотелось, чтобы журнал прежде всего упирал на великие заслуги современной магии, кроме того, исправлял неверные представления об истории магии и, наконец, обличал те разновидности волшебников, а также отдельных персон, занимающихся магией, которых ненавидел мистер Норрелл. Он вовсе не собирался разяснять на страницах журнала технику магического искусства – или, другими словами, сделать журнал сколько-нибудь познавательным. Лорд Портисхед, чье преклонение перед мистером Норреллом не знало границ, первейшей редакторской обязанностью почитал неукоснительное следование бесчисленным инструкциям волшебника с Ганновер-Сквер. В результате первые выпуски «Друзей английской магии» оказались невыносимо скучными, а зачастую просто оставляли в недоумении – так много там было умолчаний, противоречий и недомолвок. Лассельс, в свою очередь, прекрасно понимал, как использовать журнал для возрождения английской магии, поэтому все время пытался стремиться к развлекательности. Его все больше раздражал боязливый подход Портисхеды, и Лассельс добился того, что с 1810 года они с его милостью стали соредакторами. До 1815 года «Друзей английской магии» издавал Джон Мюррей, а затем он поссорился с мистером Норреллом. Лишенный поддержки волшебника, Мюррей вынужден был продать журнал другому издателю – Томасу Нортону Лонгману. В 1816 году Мюррей и Стрендж задумали издавать журнал-конкурент, назвав его «Фамулюс», однако вышел только один номер.

13. Чародей с Треднидл-стрит

Декабрь 1807 года

Самым известным уличным магом в Лондоне был, несомненно, Винкулюс. Его палатка стояла перед церковью Святого Христофора на Бирже, прямо напротив Английского банка, и нельзя было с уверенностью сказать, кто из них – банк или Винкулюс – более знаменит.

Происхождение его славы, причем славы весьма сомнительного свойства, не поддавалось объяснению. Винкулюс ничем не отличался от прочих шарлатанов с немывтыми патлами за желтой занавеской. Заклинания его не работали, предсказания не сбывались, а мистические экстазы были ложью от начала до конца.

Много лет Винкулюс состоял в особых доверительных отношениях с Духом Реки Темзы. Впадая в транс, Винкулюс задавал Духу вопросы, на которые отвечал голос реки, раздающийся из рта чародея, – голос глубокий, хлюпающий и завывающий. Зимой тысяча восемьсот пятого года одна женщина заплатила Винкулюсу шиллинг и попросила Дух Реки найти ее сбежавшего мужа. В ответ Дух разразился пространной и весьма неожиданной речью, и вокруг палатки начала собираться толпа любопытных. Находились такие, кто свято верил в способности Винкулюса, но некоторые просто смеялись над чародеем и его простодушной клиенткой. Один из шутников (весьма находчивый малый) задумал поджечь башмаки Винкулюса, покуда тот завывал голосом Духа. Чародей тут же вышел из транса: с воплем он вскочил на ноги и попытался одновременно сбросить башмаки и потушить огонь. При этом Винкулюс тряс головой, и вдруг толпа, донельзя обрадованная зрелищем, заметила, как у него что-то выпало из рта. Двое зевак подобрали предмет и принялись рассматривать: это оказалась хитрая металлическая штуковина, не более дюйма с половиной в длину – своего рода губная гармоника, и когда один из зевак засунул штуковину в рот, то не хуже Винкулюса изобразил голос Духа Реки Темзы.

Несмотря на публичное унижение, Винкулюсу удалось сохранить некоторый авторитет и не утратить природного достоинства, которое отличало его от прочих уличных магов Лондона. Друзья и почитатели мистера Норрелла без конца убеждали волшебника с Ганновер-Сквер нанести визит уличному чародею и недоумевали, почему тот неизменно отказывается.

Однажды в конце декабря, когда грозовые тучи рисовали альпийские пейзажи над Лондоном, ветер свирепствовал в небесах, заставляя город то покрываться мглой, то сиять под лучами зимнего солнца, а дождь то и дело принимался барабанить в окна, мистер Норрелл с удобством расположился возле камина в своей библиотеке. Перед ним стоял чайный столик со всяческими вкусами, на коленях лежал «Язык птиц» Томаса Ланчестера. Мистер Норрелл не спеша переворачивал страницы, отыскивая любимый отрывок, как вдруг с ужасом услышал громкий и презрительный голос:

– Чародей! Ты думаешь, что поразил всех своими деяниями!

Мистер Норрелл поднял голову от книги и с изумлением заметил, что в комнате находится кто-то чужой – совершенно ему незнакомый худой оборванец, нахохлившийся, словно ястреб. Лицо его имело оттенок прокисшего трехдневного молока, волосы были цвета лондонского неба, затянутого угольным дымом и гарью, одежда – цвета Темзы в Уоппинге. Лицо, волосы и одежда были довольно грязны, но в остальном пришлец вполне мог служить воплощением расхожего представления о чародее (чего никто бы не сказал о мистере Норрелле). Держался он с достоинством, а в яростных серых глазах застыло высокомерие.

– Как же! – продолжил оборванец, злобно уставившись на хозяина. – Считаешь себя лучше всех! Так знай же, чародей, – твой приход был предсказан. Я ждал тебя целых двадцать лет! Где ты прятался до сих пор?

Мистер Норрелл с открытым ртом смотрел на обвинителя. Незнакомец как будто проник в его душу и вытащил на свет все скрытые мысли. С тех пор как мистер Норрелл приехал в столицу, его непрестанно мучила мысль, что он давно был готов трудиться на благо английской магии, что французы давно были бы посрамлены, а магия еще много лет назад заняла бы подобающее ей высокое положение в обществе. Волшебник проклинал свою медлительность, считая ее предательством по отношению к английской магии. Казалось, его совесть обрела плоть и бросает ему упрек, что делало положение мистера Норрелла довольно затруднительным. Заявляясь, волшебник спросил таинственного незнакомца, кто он такой.

– Я – Винкулюс, чародей с Треднидл-стрит!

– Вот оно что! – с облегчением вздохнул мистер Норрелл, обрадовавшись, что перед ним хотя бы не призрак, а существо из плоти и крови. – Полагаю, ты явился просить милостыню? Напрасно. Я не признаю в тебе собрата-волшебника, и ты ничего от меня не получишь! Ни денег. Ни обещаний помощи. Ни рекомендаций. Более того, я намереваюсь...

– Снова не угадал, чародей! Мне от тебя ничего не нужно. Я пришел, чтобы предсказать твою судьбу, ибо для того я рожден.

– Судьбу? Так ты предсказатель? – презрительно воскликнул мистер Норрелл. Он привстал с кресла и с силой потянул за шнурок звонка, но слуги не спешили на зов хозяина. – Мне нечего сказать человеку, который изображает из себя предсказателя! *Лукас!* Предсказания – отвратительные фокусы, посредством которых негодяи вроде тебя морочат честных людей! Магия не предназначена для предсказания будущего, а волшебники, которые утверждают обратное, попросту лгут! *Лукас!*

Винкулюс огляделся.

– Я слышал, ты собрал все книги по магии, – сказал он, – а еще говорят, вернул книги из сгоревшей Александрийской библиотеки и выучил наизусть!

– Книги и рукописи – основа истинной учености и прочного знания, – с важным видом заявил мистер Норрелл. – В этом магия ничем не отличается от прочих наук.

Внезапно Винкулюс наклонился и вперил в мистера Норрелла горящий взор. Волшебник невольно умолк и подался вперед.

– *Я простер руку*, – зашептал Винкулюс, – *и английские реки потекли вспять...*

– Что-что?

– *Я простер руку*, – повторил Винкулюс чуть громче, – *и кровь моих врагов застыла в жилах...*

Уличный чародей выпрямился, раскинул руки и прикрыл глаза, словно в религиозном экстазе. Сильным и чистым, исполненным страсти голосом он продолжил:

– Я простер руку,
И мысли моих врагов унеслись, как стая скворцов;

И съжились они, словно куча тряпья.
Я пришел к ним туманом и дождем;
Я пришел к ним в полуденной дреме;
Стаей воронов, что закрыла рассветное небо на севере;
А когда враги решили, что спасены,
Я пришел к ним в крике, что разрушил безмолвие зимнего леса...

– Ты и впрямь решил, – перебил его мистер Норрелл, – что придумал нечто новенькое? На каждом углу безумцы выкрикивают подобную абракадабру, а всякий бродяга за желтой занавеской норовит продекламировать что-нибудь эдакое, чтобы напустить на себя таинственность. Да эти пророчества встречаются в каждой третьесортной книжонке о магии, опубликованной за последние двести лет! *«Я пришел к ним стайей воронов!»* Что это может значить, хотелось бы мне знать? Кто к кому пришел стайей воронов? *Да где же ты, Лукас?!*

Однако Винкулюс не обращал на мистера Норрелла никакого внимания. Его звучный голос без труда заглушал слабый и визгливый тенорок волшебника.

– Дождь отворил мне дверь, и я вошел в нее;
Камни соорудили мне трон, и я воссел на него;
Три королевства стали моими навеки;
Англия стала моею навеки.
Безымянный раб надел серебряную корону;
Безымянный раб воцарился в чужой земле...

– Три королевства! – воскликнул мистер Норрелл. – Вот оно что! Теперь я понимаю, что за чушь ты тут городишь! Пророчество о Короле-вороне! Не хочется огорчать тебя, но если ты задумал поразить меня сказочками об этом господине, то я тебя разочарую. Да-да, ты жестоко ошибаешься! Из всех волшебников его я ненавижу больше других!²⁷

– Оружие врагов моих чтят в аду, как святыню;
Замыслы их лелеют, как священные тексты;
Кровь, что я проливал на полях древних сражений,
Собрана адскими ризничими с запятнанной земли,
Собрана в сосуды из серебра и слоновой кости.
Я принес Англии магию, бесценный дар,
Но англичане презрели его;
Магию напишут на небе косые струи дождя,
Но им ее не прочесть;
Магия будет начертана на каменных лицах холмов,
Но их разуму ее не вместить;
Облетевшие деревья зимой —
Черные письма, которых им не постичь...

– Каждый англичанин должен иметь возможность обратиться к знающему и хорошо образованному волшебнику, – снова перебил мистер Норрелл. – А что предлагаешь ты? Мистический бред о камнях, дожде и деревьях! Так некогда и Годблесс призывал учиться магии у

²⁷ Считается, что Король-ворон владел тремя королевствами: одним – в Англии, вторым – в Стране Фей, а третьим – в странных землях по другую сторону ада.

диких зверей в лесу. А почему тогда не у свиней в хлеву? Не у бродячих собак? В наши дни культурный человек просто не имеет права практиковать магию подобного сорта!

Мистер Норрелл метнул в Винкулюса гневный взгляд. Внезапно кое-что бросилось ему в глаза.

Уличный чародей явно не слишком заботился о своей одежде. На шее бродяги небрежно болтался грязный шейный платок, а между платком и рубашкой оставался просвет. И в просвете виднелась странная синяя закорючка, немного похожая на росчерк пера. Это мог быть шрам – память об уличной драке, однако куда больше было сходство с варварской росписью, которой покрывают свое тело островные туземцы Южных морей. Как ни странно, но Винкулюс, способный забраться в чужой дом и без стеснения поучать хозяина, смутился и прикрыл горло рукой, а затем потуже затянул шейный платок.

– Два чародея появятся в Англии...

У мистера Норрелла вырвался странный звук – то, что начиналось как крик, обернулось в едва различимый, горестный вздох.

– Первый будет страшиться меня, второй возжаждет узреть меня;
Первым будут управлять убийцы и воры;
Второй устремится к саморазрушению;
Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу,
Но боль его не уймется;
Второй увидит сокровище свое в руках недруга...

– Теперь я понял: ты пришел сюда, чтобы ранить меня! Ты завидуешь моему успеху, лжечародей! Ты не можешь разрушить мою магию и поэтому собрался очернить мое имя и лишить меня покоя...

– Первый жизнь проведет в одиночестве, сам заточив себя
в тюрьму;
Второму уготовано бродить одинокими тропами,
В поисках темной башни на высоком склоне холма...

Открылась дверь, и вошли двое.

– Лукас! Дэйви! – истерически взвизгнул мистер Норрелл. – Куда вы пропали?

Лукас начал что-то говорить о шнурке.

– Что? Хватайте его! Живо!

Дэйви, кучер мистера Норрелла, малый крепкий, как и положено людям его рода занятий, закалил свою силу в ежедневном противостоянии с четверкой норовистых лошадей. Обеими руками он схватил Винкулюса поперек туловища и за горло. Бродяга яростно отбивался, не забывая при этом честить мистера Норрелла:

– Я восседаю на черном троне во тьме, но им не дано
увидеть меня.
Дождь отворит мне дверь, и я пройду сквозь нее;
Камни соорудят трон для меня, и я взойду на него...

Дэйви и Винкулюс задели столик, потревожив лежавшую на нем стопку книг.

– Ах! Осторожнее! – воскликнул мистер Норрелл. – Ради бога, осторожнее! Он опрокинет чернильницу! Он испортит мои книги!

Покуда Лукас помогал Дэйви скрутить Винкулюса, который размахивал руками, словно ветряная мельница, мистер Норрелл бегал по комнате с несвойственной ему живостью, выдерживал книги из-под рук Винкулюса и складывал их в безопасное место.

– *Безымянный раб наденет серебряную корону*, – хрипел Винкулюс – руки Дэйви все теснее сжимали его горло. Из последних сил Винкулюс вырвался из объятий Дэйви и просипел: – *Безымянный раб воцарится в чужой земле...*

И тут Лукас и Дэйви выволокли бродягу из комнаты.

Мистер Норрелл уселся в кресло у камина. Он снова открыл книгу, но обнаружил, что от волнения не может читать. Волшебник поерзал, погрыз ногти, походил по комнате, снова и снова возвращаясь к томам, которые мог повредить Винкулюс, – но нет, все обошлось. Однако чаще всего он подходил к окну и беспокойно выглядывал наружу, словно опасаясь, что за домом наблюдают. Около трех стало смеркаться. Вошел Лукас, чтобы зажечь свечи и пошевелить угли в камине, и сразу за ним появился Чилдермасс.

– Наконец-то! – воскликнул мистер Норрелл. – Вы слышали, что случилось? Все вокруг меня предали! Другие волшебники плетут против меня заговоры! Мои ленивые слуги забыли о своих обязанностях! Они не пошевелились, пока мне горло не перережут! А вы, злодей, вы хуже всех! Этот человек появился в комнате так внезапно, *словно по волшебству*, а когда я стал звонить, *никто* не откликнулся! Отныне вашей главной задачей станет выяснить, каким заклинанием он воспользовался, чтобы пробраться в дом! Где он обучался колдовству? Откуда знает заклинания?

Чилдермасс иронически посмотрел на хозяина:

– Что ж, если это моя главная задача, считайте, она уже выполнена. Никакой магии не было. Служанка оставила открытым окно кладовки, и через это окно бродяга пробрался в дом. Вот и все объяснение. А никто не пришел на ваши крики, потому что он обрезал шнур звонка. Когда слуги слышали его вопли, они тут же явились, верно, Лукас?

Лукас, стоявший на коленях перед очагом с кочергой в руке, подтвердил, что так оно и было.

– Я пытался объяснить, сэр, но вы не стали слушать.

Однако мистер Норрелл успел так распалить себя думами о предполагаемой магической силе Винкулюса, что простое объяснение его не устроило.

– Все равно, – сказал он, – я уверен, он хотел мне навредить. Он и так нанес немалый ущерб.

– Еще какой! – согласился Чилдермасс. – В кладовой он успел съесть целых три мясных пирога.

– И два круга сыра, – добавил Лукас.

Мистер Норрелл с неохотой признался себе, что подобные подвиги вряд ли мог свершить великий волшебник, но успокоился он только после того, как излил свое раздражение на окружающих. Под рукой оказались Чилдермасс и Лукас, поэтому волшебник обратил свою гневную речь именно к ним, начав с того, что Винкулюс, без сомнения, величайший злодей на свете, а закончив намеками на то, что дерзкие и нерадивые слуги плохо кончают.

Чилдермасс и Лукас, которым к такому было не привыкать – они выслушивали подобное чуть ли не каждую неделю, – просто дождались, когда хозяин закончит выражать свое неудовольствие, затем Чилдермасс спросил:

– Если забыть о пирогах и сыре, то зачем этот человек так рисковал? За то, что он забрался в чужой дом, его вполне могли повесить. Чего он хотел?

– Чего хотел? Доставить послание от Короля-ворона! Нашел чем удивить! Ума не приложу, откуда берутся подобные глупости? Он плел что-то о полях сражений, тронах, серебряной короне, но в основном хвастливые сплетни о другом волшебнике, коим, очевидно, мнит себя самого.

Осознав, что Винкулюс не подходит для роли грозного соперника, мистер Норрелл пожалел, что вступил с ним в спор. Куда лучше, рассуждал он, было бы встретить все обвинения возвышенным и таинственным молчанием. Утешало одно: когда Лукас и Дэйви выводили Винкулюса под руки, бродяга выглядел весьма жалко. Затем мистер Норрелл вспомнил о своих выдающихся магических способностях и несравненно более обширных знаниях и окончательно успокоился. Увы, долго это не продлилось. Снова взявшись за «Язык птиц», волшебник сразу наткнулся на следующий пассаж:

*Что есть волшебство, если не дикая мысль птицы, когда та устремляется ввысь? На земле нет других созданий, столь восприимчивых к волшебному. Самые ничтожные из них способны покидать пределы этого мира и проникать в Иные Края. Откуда дует ветер, что шевелит страницы вашей книги? Там, где беззаботная магия крошечных диких созданий встречается с магией человеческой, там, где становится понятным язык ветра, дождя и деревьев, там обретем мы Короля-ворона...*²⁸

В следующий раз, встретив лорда Портисхеда (случилось это через два дня после описываемых событий), мистер Норрелл обратился к его милости со следующей речью:

– Надеюсь, в одном из ближайших выпусков журнала вы упомянете парочкой резких слов Томаса Ланчестера. Долгие годы я считал «Язык птиц» отважной попыткой донести до читателя ясное и исчерпывающее описание магии ауреатов, однако при более тщательном изучении его работ я нашел там возмутительные вещи! Мистика, милорд, мистика!

²⁸ Томас Ланчестер. Трактат «О языке птиц», гл. 6.

14. Ферма «Разбитое сердце»

Январь 1808 года

Лет за тридцать за прибытия в Лондон мистера Норрелла, задумавшего поразить мир возрождением английской магии, джентльмен по имени Лоуренс Стрендж вступил в права наследования. Наследство его состояло из полуразрушенной усадьбы, пустынных земель, а также гор долговых обязательств и закладных. Испытание серьезное, что и говорить, однако, рассуждал Лоуренс Стрендж, не существует таких затруднений, которые нельзя разрешить при помощи значительной суммы денег. Поэтому, как множество представителей сильного пола до и после него, Лоуренс Стрендж начал присматриваться к наследницам больших состояний, а так как мужчина он был видный, с изящными манерами и хорошо подвешенным языком, то довольно скоро сумел пленить мисс Эрквистаун, шотландскую барышню с девятьюстами фунтами годовых.

На деньги мисс Эрквистаун Лоуренс Стрендж восстановил дом, улучшил состояние земель и выплатил долги. Он даже расширил поместье и начал ссужать деньги под пятнадцать процентов. Эти заботы отнимали у Стренджа все время, поэтому он совершенно забросил жену. Более того, Стрендж дал понять бедняжке, что ее общество и беседа ему докучны. Для миссис Стрендж настали тяжелые времена. Поместье Лоуренса Стренджа располагалось в Шропшире, в уединенной местности почти на границе с Уэльсом. Бедная женщина никого там не знала. Привычная к городской жизни, эдинбургским балам, модным лавкам и умным разговорам, она вынуждена была с утра до ночи созерцать высокие и мрачные холмы под бесконечным дождем. Так в одиночестве и тоске прошли пять лет, а затем, простудившись после одинокой прогулки в грозу по тем самым унылым холмам, несчастная умерла.

У мистера и миссис Стрендж был единственный сын, которому ко времени смерти матери исполнилось четыре года. Не прошло и недели после того, как тело миссис Стрендж предали земле, а мальчик уже стал предметом ожесточенного спора между Лоуренсом Стренджем и родственниками его жены. Эрквистауны настаивали, чтобы, по условиям брачного соглашения, бо́льшая часть приданого миссис Стрендж оставалась в неприкосновенности, пока ее сын не достигнет совершеннолетия и не вступит в права наследования. Лоуренс Стрендж, чему никто не удивился, напротив, считал, что волен по своему усмотрению распоряжаться каждым пенни, принадлежавшим миссис Стрендж. Обе стороны наняли адвокатов, и начались два процесса: один в лондонской коллегии юристов гражданского права, другой – в шотландском суде. Обе тяжбы, «Стрендж против Эрквистауна» и «Эрквистаун против Стренджа», тянулись годами, и скоро один только вид сына начал вызывать у отца неприязнь. Мальчик казался Лоуренсу Стренджу заболоченным полем или рощицей с большими деревьями – на бумаге вещь стоящая, в действительности же никакого дохода, одни убытки. Если бы английские законы разрешили Лоуренсу Стренджу продать сына и купить другого, повыгоднее, он, несомненно, так бы и поступил²⁹.

Эрквистауны понимали, что Лоуренс Стрендж вполне способен сделать несчастным сына, как некогда сделал жену, поэтому брат покойной миссис Стрендж предложил Стренджу каждый год отпускать сына погостить в его эдинбургском доме. К немалому удивлению мистера Эрквистауна, мистер Стрендж не возражал³⁰.

²⁹ Со временем оба процесса завершились в пользу сына Лоуренса Стренджа.

³⁰ Более того, Лоуренс Стрендж поздравил себя с тем, что ему удастся несколько месяцев в году экономить на питании и одежде для мальчика, что лишний раз доказывает, как непомерная любовь к деньгам способна сделать далеко не глупого человека мелочным и попросту смешным.

Так и случилось, что в детстве Джонатан Стрендж проводил половину года в доме мистера Эрквистауна на Шарлот-Сквер в Эдинбурге, где, как и следовало ожидать, ему привили не самые теплые чувства к отцу. Начальное образование юный Стрендж получил в компании кузин: Маргарет, Марии и Джорджианы Эрквистаун³¹.

Эдинбург, несомненно, всегда был одним из самых культурных городов в мире, жители его славились своей образованностью не меньше лондонцев и не меньше их ценили развлечения. Мистер и миссис Эрквистаун изо всех сил старались сделать мальчика хоть немного счастливее, выполняя все его прихоти в надежде, что это поможет юному Стренджу позабыть ту холодность и пренебрежение, которые ждали его в родительском доме. Стоит ли удивляться, что он вырос немного избалованным, своевольным и с несколько завышенным мнением о собственной особе?

Тем временем Лоуренс Стрендж старел и богател, но отнюдь не становился добрее.

За несколько дней до того, как Винкулюс ворвался в библиотеку мистера Норрелла, в доме Лоуренса Стренджа появился новый слуга. Старые слуги встретили новичка радушно. Они поведали ему, что Лоуренс Стрендж горд и злобен и поэтому все его ненавидят, что хозяин больше всего на свете любит деньги, а за последние несколько лет едва ли перекинулся парой слов с собственным сыном. Они также добавили, что по характеру старый Стрендж – сущий дьявол и новый слуга должен ни при каких обстоятельствах не вызывать его гнева, иначе ему несдобровать.

Новый слуга поблагодарил коллег и пообещал придерживаться их советов. Однако старым слугам было невдомек, что характером новичок не уступал хозяину. Язвительный, а зачастую и грубый, новый слуга придерживался самого высокого мнения о собственной персоне, ни во что ни ставя других. Об этих своих недостатках новый слуга не упомянул, поскольку сам о них не ведал. То, что он слишком часто ссорился с друзьями и соседями, порой ставило его в тупик, однако он всегда приходил к заключению, что виноваты сами друзья и соседи. Чтобы читатель не подумал, будто в этой главе речь пойдет о героях исключительно неприятных и злобных, стоит заметить следующее. Злоба составляла альфу и омегу характера Лоуренса Стренджа, в то время как характеру нового слуги были не чужды светлые стороны. Он был не лишен здравого смысла и за других вступался с тем же пылом, с каким мстил за свои воображаемые обиды.

В старости Лоуренс Стрендж спал очень мало. Довольно часто ночью он был даже бодрее, чем днем. Тогда Лоуренс Стрендж мог до утра сидеть за письменным столом, занимаясь бумагами и письмами. Естественно, кто-нибудь из челядинцев вынужден был бодрствовать вместе с хозяином, и спустя несколько дней после прихода в дом нового слуги настала его очередь.

Все шло хорошо, пока около двух часов ночи мистер Стрендж не кликнул нового слугу и не потребовал бокальчик хереса. В подобном приказании не было ничего особенного, однако для нового слуги задача оказалась непростой. Не найдя вина в обычном месте, слуга разбудил сначала горничную, чтобы спросить, где спальня дворецкого, а затем и самого дворецкого, чтобы узнать, где хранится херес. Новый слуга потерял еще немного времени, выслушивая речь дворецкого: тот удивлялся, что мистер Стрендж попросил именно херес, чего обычно с ним не случалось. Сын старого мистера Стренджа, мистер Джонатан Стрендж, добавил дворецкий, чтобы дать новому слуге представление об укладе дома, напротив, равнодушен к хересу и всегда держит бутылочку-другую в своей гардеробной.

В соответствии с полученными инструкциями новый слуга посреди ночи полез за хересом в подвал. Для этого пришлось зажечь свечу, долго идти с ней мрачными холодными кори-

³¹ Биограф Стренджа Джон Сегундус несколько раз упоминает о том, что Стрендж всегда предпочитал общество образованных женщин мужскому обществу («Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1820).

дорами, отряхивая с одежды старую паутину, биться головой о ржавые железки, свисавшие со старого заплесневелого потолка, а потом долго вытирать с лица кровь и грязь. Получив желаемое, мистер Стрендж, недолго думая, осушил бокал и потребовал еще.

Новый слуга решил, что одной прогулки в подвал за ночь вполне достаточно, и, вспомнив слова дворецкого, направился в гардеробную мистера Джонатана Стренджа.

Осторожно войдя внутрь, он обнаружил комнату пустой, однако свечи еще горели. Это не сильно удивило слугу, который всегда подозревал, что среди грехов, присущих богатым холостым джентльменам, значится также и отсутствие бережливости. Слуга начал открывать комоды и шкафы, заглянул в ночной горшок, под столы и кресла, а также обследовал цветочные вазы. (Если читателя удивили места, куда заглядывал новый слуга, замечу, что в отличие от читателя новый слуга был не понаслышке знаком с домашним укладом богатых холостых джентльменов, и впрямь отличавшимся некоторой эксцентричностью.) Бутылку с хересом он обнаружил, как и ожидал, в хозяйском сапоге, где она выполняла роль колодки.

Наливая вино в бокал, слуга случайно бросил взгляд на зеркало, висевшее на стене, и обнаружил, что комната отнюдь не пуста. Джонатан Стрендж сидел в кресле с высокой спинкой и изумленно наблюдал за действиями нового слуги. Тот не сказал в свое оправдание ничего – в отличие от собрата-слуги, который схватил бы все с полуслова, джентльмен попросту его не понял бы – и вышел из комнаты.

С первого дня в доме новый слуга питал надежды возвыситься над прочей челядью. Ему казалось, что незаурядный ум и жизненный опыт вскоре позволят ему стать незаменимым помощником обоих Стренджей. В воображении слуги хозяева уже обращались к нему с такой, например, речью: «Как ты понимаешь, Джереми, дело важное, и я не могу поручить его никому, кроме тебя». Не то чтобы после этого происшествия слуга оставил надежды на скорое возвышение, но даже он понимал, что вряд ли Джонатан Стрендж захочет иметь дело с человеком, который забрался в его комнату за вином.

Так и случилось, что, обманувшись в своих карьерных ожиданиях, слуга вошел в кабинет мистера Стренджа в самом раздраженном состоянии духа. Мистер Стрендж осушил бокал и заметил, что не прочь повторить. На это новый слуга издал глухой возглас, дернул себя за волосы и выкрикнул:

– Зачем же тогда, старый дуралей, не сказали сразу? Я бы принес бутылку!

Мистер Стрендж удивленно посмотрел на слугу и мягко промолвил, что раз тому так трудно, то не стоит беспокоиться.

Новый слуга вернулся на кухню (гадая, не грубовато ли ответил). Через несколько минут снова раздался звонок. Мистер Стрендж сидел за столом с письмом в руке, глядя в окно, за которым царил непроглядный мрак и хлестал дождь.

– По другую сторону холма живет человек, – сказал мистер Стрендж, – и это письмо, Джереми, должно попасть к нему до восхода солнца.

Ага, подумал слуга, началось! Срочное дело, которое необходимо решить не иначе как под покровом ночи. Как это понимать? Объяснение могло быть одно: хозяин предпочел доверить ответственное поручение именно ему. Весьма польщенный, новый слуга с жаром заявил, что отправится немедленно, и взял письмо, на котором значилось одно таинственное слово – «Виверн». Он спросил, есть ли у дома название, чтобы он мог в случае надобности узнать дорогу.

Мистер Стрендж начал объяснять, что у дома нет названия, но внезапно остановился и рассмеялся:

– Просто спроси Виверна с фермы «Разбитое сердце».

Мистер Стрендж велел слуге свернуть с дороги рядом со сломанной калиткой напротив таверны «Черный пень» – за калиткой он найдет тропу, которая и приведет его к ферме.

Слуга взял большой фонарь, оседлал коня и поскакал по дороге. Ночь выдалась ненастная. Дул сильный ветер, неистовый ливень хлестал в лицо, и скоро слуга промок до нитки и до смерти замерз.

Тропинка начиналась сразу за таверной и вела к заросшему холму. Хотя вряд ли справедливо назвать ее тропинкой – молодые деревца пробивались прямо посередине, а ветер так раскачивал ветки, что они хлестали слугу, словно плети. За полмили слуга устал, словно после потасовки с четырьмя здоровыми молодцами (что ему, по горячности характера частенько ввязывавшемуся в драки, было не в новинку). Он проклинал ленивца и неряху Виверна, который не озаботился привести свою изгородь в порядок. Прошло не меньше часа, прежде чем слуга добрался до чего-то, отдаленно напоминавшего поле, но вскоре опять пошли заросли колючих кустов и ежевики, и он жалел, что не захватил топор.

Он привязал лошадь к дереву и попытался пробиться сквозь заросли на своих двоих. Кустарник разросся так, что временами слуге казалось, будто колючки впились в него одновременно в нескольких местах и ему уже никогда не выбраться. Странно, что кто-то жил за такой высокой и колючей изгородью. Слуга не удивился бы, обнаружив, что мистер Виверн спит уже добрую сотню лет. Ладно, подумал он, лишь бы не пришлось этого Виверна целовать.

Когда хмурый серый рассвет окрасил небо над холмом, слуга добрался до разрушенного домишки, которому, казалось, не столько разбили сердце, сколько свернули шею.

Стена склонилась в земном поклоне, над ней нависла дымовая труба. Каменная черепица осыпалась, и в прорехах крыши проглядывали деревянные перекрытия, словно ребра. Кусты бузины и боярышника заполнили внутреннее пространство дома; в безудержном стремлении вырваться наружу они давно разбили стекла и сорвали двери с петель.

Новый слуга стоял под дождем, разглядывая мрачный пейзаж. Подняв голову, он заметил, что кто-то спускается с холма – сказочного вида фигура в огромной шляпе странной формы и с посохом в руке. Когда фигура приблизилась, стало понятно, что это обычный фермер, а сходство со сказочным существом ему придает кусок ткани на голове, намотанный для защиты от дождя.

Пришелец приветствовал слугу:

– Эй, парень! Что ты с собой сделал? Смотри, ты весь в крови, а одежда разодрана в клочья!

Новый слуга опустил глаза и убедился, что незнакомец прав. Он объяснил, что тропинка слишком заросла колючим кустарником.

Фермер в удивлении воззрился на него.

– Но ведь есть же хорошая дорога, – воскликнул он, – в четверти мили к западу, да и идти в два раза ближе! Кто посоветовал тебе старую тропинку?

Новый слуга не ответил, но спросил фермера, где ему найти мистера Виверна с фермы «Разбитое сердце»?

– Да, точно, это дом Виверна, но он уже пять лет как помер. Ферма «Разбитое сердце», говоришь? Кто тебе сказал, что это место так называется? Тебя точно разыграли. Ну еще бы, старая тропинка, «Разбитое сердце»! Хотя это название не хуже прочих. Здесь и вправду разбилось сердце бедного Виверна. Ему не повезло владеть землей, на которую положил глаз один джентльмен в долине, и когда Виверн отказался продать землю, джентльмен нанял негодяев, которые ночью выкопали все его бобы, морковь и капусту, а когда и это не сработало, он стал судиться с бедным Виверном. Конечно же, Виверн ничего не смыслил в судебном крючкотворстве и дело проиграл.

Новый слуга призадумался.

– Мне кажется, – наконец сказал он, – я знаю, как зовут этого джентльмена.

– Эх, – вздохнул фермер, – кто ж его не знает. – Он взгляделся в слугу. – Парень, да ты белый, как молочная запеканка, а трясешься так, что того и гляди развалишься на куски.

– Я продрог, – сказал новый слуга.

Фермер (которого звали Бульбридж) стал настойчиво уговаривать слугу пойти к нему домой, обогреться, поесть и выпить чего-нибудь, а то и полежать малость. Однако новый слуга, поблагодарив фермера, ответил, что не стоит беспокоиться, он просто замерз.

Другой тропинкой Бульбридж вывел его к дороге, и слуга поскакал обратно, к дому мистера Стренджа.

Покуда он скакал, безрадостное белесое солнце поднималось на безрадостное бледное небо, словно аллегория отчаяния. Новому слуге казалось, что солнце – злосчастный Виверн, а небо – ад и мистер Стрендж поместил Виверна на небо, чтобы тот мучился вечно.

По возвращении нового слуги прочая челядь собралась вокруг него.

– Эх, малый, – сочувственно восклицал дворецкий, – на кого ты похож! Это из-за хереса, а, Джереми? Он разозлился на тебя из-за хереса?

Новый слуга свалился с лошади на землю, затем схватил дворецкого за полу сюртука и стал умолять выдать ему удочку, чтобы он мог вытащить бедного Виверна из ада.

Из-за этой и прочих столь же невразумительных речей остальные поняли, что нового слугу лихорадит. Беднягу положили в постель и послали за доктором. Однако Лоуренс Стрендж, прослышав об этом, тут же послал второго гонца с сообщением, что доктор не требуется. Затем Лоуренс Стрендж заявил, что хочет овсянки и требует, чтобы принес ее именно новый слуга. Дворецкий отправился на поиски Джонатана Стренджа, чтобы тот вмешался, но выяснилось, что молодой хозяин рано утром ускакал в Шрусбери и ожидается только на следующий день. Слуги вытащили несчастного больного из постели, одели его, впахнули поднос с овсянкой в негнущиеся руки и вытолкнули в дверь. Весь день мистер Стрендж выдумывал все новые незначительные поручения, каждое из которых – и хозяин особенно на этом настаивал – непременно предполагало участие нового слуги.

К ночи новый слуга пылал жаром, как железный чайник, и нес какой-то горячечный бред о бочках с устрицами. Однако мистер Стрендж приказал новому слуге бодрствовать и эту ночь и велел дожидаться его в кабинете.

Дворецкий отважно предложил заменить собой несчастного больного.

– Нет, ты не подходишь для того поручения, которое я намерен ему дать, – заявил мистер Стрендж, а в глазах его вспыхнул опасный огонек, – к тому же я так ценю его присутствие. Ты говоришь, он выглядит больным? А я утверждаю, что ему всего лишь необходим свежий воздух.

И старый Стрендж открыл окно над письменным столом. В комнату ворвался холодный ветер, а в воздухе закружились снежные хлопья.

Дворецкий вздохнул и прислонил нового слугу (который тут же начал заваливаться набок) к стене, а в карман его тайно засунул грелки для рук.

В полночь служанка отнесла мистеру Стренджу овсянку. Вернувшись на кухню, она сообщила, что хозяин обнаружил грелки и вытряхнул их на стол. Слуги печально разошлись по спальням, уверенные, что назавтра обнаружат нового слугу мертвым.

Наступило утро. Дверь кабинета мистера Стренджа оставалась закрытой. В семь утра никто не позвонил в колокольчик. Восемь часов. Девять. Десять. Слуги в отчаянии заламывали руки.

Однако слуги забыли, как, впрочем, и их хозяин, что новый слуга молод и силен, а Лоуренс Стрендж стар и, что бы ни пришлось вытерпеть этой ночью слуге, хозяин вынужден был делить с ним все испытания. В семь минут одиннадцатого дворецкий и кучер отважились войти в кабинет и обнаружили, что новый слуга спит на полу, а его лихорадки как не бывало. В другом конце кабинета за письменным столом сидел Лоуренс Стрендж, замерзший насмерть.

Когда события этой и предыдущей ночи стали достоянием общественности, новый слуга проснулся знаменитостью, словно победитель дракона или великана.

Разумеется, новому слуге очень льстила подобная известность, и он рассказывал и пересказывал историю, пока сам не начал верить в то, что после требования принести третий бокал хереса разразился следующей речью: «Ага, старый злыдень, недолго тебе осталось оскорблять честных людей и сводить их в могилу, придет день – и ждать его недолго, – тогда ты ответишь за каждый вздох, что исторг из их груди, и за каждую вдовью слезинку!» Точно так же вскоре все в округе знали, что когда старый мистер Стрендж открыл окно, движимый благим побуждением заморозить нового слугу до смерти, тот выкрикнул: «Сначала холод, Лоуренс Стрендж, жар в конце! Сначала холод, жар в конце!» – пророческое замечание о месте, где ныне пребывает Лоуренс Стрендж.

15. «Как здоровье леди Поул?»

Январь 1808 года

«Как здоровье леди Поул?»

Вопрос этот без конца задавали друг другу лондонцы разных сословий. На рассвете на рынке Ковент-Гарден продавец овощей спрашивал у цветочницы: «Как здоровье леди Поул?» В магазине Аккермана на Стрэнде сам владелец расспрашивал посетителей (среди которых были титулованные особы и столичные знаменитости) о состоянии здоровья ее милости. На нудных заседаниях в палате общин члены парламента шептались об этом со своими соседями (предварительно удостоверившись, что сэр Уолтер их не слышит). Ранним утром в Мэйфере горничные с замиранием сердца интересовались у своих хозяек: «А была вчера на приеме леди Поул? Как здоровье ее милости?»

Вопрос витал в воздухе: «Как здоровье леди Поул?»

Ответ же был таков: «Ах, все хорошо, просто замечательно!»

Впрочем, английский язык слишком беден, чтобы выразить, насколько хорошо чувствовала себя ее милость. По сравнению с леди Поул все прочие люди на свете казались бледными, усталыми, полуживыми. Бьющая через край энергия не оставляла леди Поул с первого утра ее воскресения из мертвых. На улице люди удивлялись, что знатная леди вышагивает с такой быстротой, а красный, запыхавшийся лакей на несколько шагов отстает от госпожи. Однажды утром военный министр, выходя от Драммонда на Чаринг-кросс, был сбит с ног ее милостью, стремительно несшейся навстречу. Она помогла ему подняться, поинтересовалась, не ушибла ли его, и, прежде чем министр нашелся с ответом, умчалась прочь.

Как все девятнадцатилетние женщины, леди Поул была без ума от балов. Она могла протанцевать все танцы подряд, ничуть не запыхавшись, и удивлялась, когда кто-нибудь уходил до окончания празднества.

– И это вялое действо они называют балом? – говорила она сэру Уолтеру. – Мы танцевали всего три часа!

Кроме того, ее милость изумлялась слабости прочих танцоров:

– Бедняжки! Как мне их жалко!

За здоровье леди Поул пили военные, флотские и духовенство. Сэра Уолтера Поула называли главным счастливцем королевства, да и сам сэр Уолтер придерживался того же мнения. Мисс Уинтертаун – бледная, немощная мисс Уинтертаун – будила в нем жалость, но леди Поул, беспечно сияющая превосходным здоровьем и неизменно бодрым настроением, вызывала его восхищение. Случай с военным министром казался сэру Уолтеру лучшей шуткой на свете, и он не уставал пересказывать его всем знакомым. Сэр Уолтер доверительно признался леди Уинзелл, своему близкому другу, что леди Поул – такая остроумная, такая живая – и есть женщина, какую он искал всю жизнь. Его особенно изумляла независимость ее суждений.

– На прошлой неделе она высказала мысль, что правительству не следует помогать деньгами и войсками королю Швеции, как мы решили, а напротив, поддержать правительства Португалии и Испании, дабы использовать их территории как плацдарм в войне с Бонапартом. Такая глубина мысли и точность суждений всего в девятнадцать лет! Так смело противоречить политике правительства! Разумеется, я сказал леди Поул, что ей следовало бы заседать в парламенте!

Леди Поул соединяла очарование красоты, политики, богатства и магии. В лондонском модном свете не сомневались, что именно ей предстоит стать в скором времени его украшением. Леди Поул вышла замуж почти три месяца назад – пришло время доказать, что она достойна той роли, которую прочили ей судьба и модный свет. Вскоре были разосланы пригла-

шения, извещающие, что во вторую неделю января на Харли-стрит состоится великолепный обед.

Первый обед, который дает молодая хозяйка, – важнейшее событие в ее жизни, влекущее бездну хлопот. Мало заслужить всеобщее одобрение манерами и воспитанием. Недостаточно изысканного платья и безошибочно подобранных украшений, умения непринужденно беседовать по-французски, петь и играть на фортепьяно. Теперь молодая хозяйка должна обратить свое внимание к французской кухне и французским винам. Несмотря на множество советчиков, превосходно разбирающихся в этих тонких материях, направлять даму должны собственный вкус и наклонности. Долой материнское попечение – молодая хозяйка все устроит на свой лад. В лондонском высшем свете было принято обедать вне дома четыре-пять раз в неделю. Как новобрачной – пусть ей исполнилось всего лишь девятнадцать и она едва ли когда-нибудь в своей недолгой жизни заглядывала на кухню – потрафить столь пресыщенным вкусом?

Затем слуги. В доме новобрачной все слуги, как правило, новенькие. Когда что-то срочно понадобится – свечи, особые вилки, салфетки, чтобы нести горячую супницу, – смогут ли они это отыскать? В случае леди Поул сложности утраивались. Половина слуг была из Нортгемптоншира, из поместья ее милости в Грейт-Хизердене, а другую половину наняли в Лондоне.

Общеизвестно, какая громадная пропасть пролегает между провинциальными и столичными слугами. Дело тут не в том, что им приходится выполнять разные обязанности. И в Нортгемптоншире, и в Лондоне слуги должны готовить, убирать и быть на побегушках. Нет, тонкое различие заключается в том, *как* исполняются эти обязанности в столице и в провинции.

Вот, скажем, провинциальный сквайр из Нортгемптоншира решит посетить соседа. Визит завершен, и лакей подает сквайру плащ. Здесь он вполне может почтительно поинтересоваться здоровьем жены сквайра, а тот в свою очередь, нисколько не оскорбившись, задаст вопрос сам. Возможно, сквайр слышал, что бабушка лакея упала и поранилась, когда срезала капусту в огороде, вот он и спросит, оправилась ли старушка? И сквайр, и лакей живут в тесном, замкнутом мире и наверняка знают друг друга с детства.

Совсем не так обстоят дела в Лондоне. Здесь и помыслить нельзя, чтобы лакей обратился к гостям хозяина. Слуга должен вести себя так, словно никогда в жизни и слыхом не слыхивал, что в мире существуют такие диковины, как бабушки и капуста.

В доме девять по Харли-стрит провинциальные слуги леди Поул утратили покой – они все время боялись сделать что-нибудь не так и никогда не были уверены, что делают все как полагается. Даже их выговор служил поводом для насмешек. Лондонские слуги не всегда понимали их провинциальный акцент (впрочем, и не особенно к этому стремились). Так, провинциалы именовали крыжовенный джем – кружовенным, смородинный – смородиновым и прочее в том же духе, а незатейливые петрушка и сельдерей были им гораздо роднее заморских спаржи и артишоков.

Лондонским слугам нравилось потешаться над провинциалами. Однажды они подали молодому лакею Альфреду тарелки с вонючей грязной водой, сказав, что это французский суп и ему следует подать его на обед слугам. Частенько столичные слуги передавали через провинциалов послания помощнику мясника, пекарю и фонарщику. Послания эти были составлены из самых грубых и оскорбительных столичных словечек, которых провинциалы слыхом не слыхивали. Однажды, получив подобное сообщение, помощник мясника в сердцах заехал бедному Альфреду в глаз, а столичные слуги в это время прятались в кладовке и помирали со смеху.

Разумеется, провинциальные слуги не переставая жаловались леди Поул (которую знали с детства). Леди Поул с горечью сознавала, что старые друзья несчастливы в ее новом доме. Неопытная в таких делах, ее милость не знала, как поступить. Леди Поул не сомневалась в правдивости старых слуг, но боялась своим вмешательством только ухудшить дело.

– Что я должна делать, сэр Уолтер? – спросила она у мужа.

– Делать? – удивился сэр Уолтер. – Ничего не надо делать. Предоставьте все Стивену Блэку. Скоро под его началом слуги станут кроткими, как овечки, и дружными, как стайка дроздов.

До женитьбы у сэра Уолтера был только один слуга – Стивен Блэк, которому он безгранично доверял. В доме на Харли-стрит Стивена Блэка называли «дворецким», но обязанности его простирались гораздо шире обязанностей обычного дворецкого. Стивен Блэк вел дела с банкирами и поверенными сэра Уолтера; изучал отчеты управляющих имением леди Поул; оплачивал счета; полагаясь только на собственное суждение, нанимал слуг, управлял их работой и выплачивал жалованье.

Разумеется, во многих домах есть слуги, которые благодаря своим исключительным способностям и дарованиям занимают особое положение среди прочей челяди. Однако в случае Стивена Блэка это положение было тем более исключительным, что Стивен Блэк был негром. Я говорю «исключительным», ибо нечасто негр становится самым уважаемым слугой в доме – и не важно, усердно ли он трудится, не важно, умен ли он. Однако Стивену Блэку удалось каким-то неведомым образом разорвать этот порочный круг. Конечно, дворецкий с Харли-стрит обладал немалыми достоинствами, среди которых значились красивое лицо и статная фигура. К тому же хозяин его был политиком и не собирался упускать случай подчеркнуть свои либеральные принципы, фактически доверив управление домом чернокожему.

Новые слуги слегка удивились, увидев, что отныне им предстоит трудиться под началом чернокожего. Многим из них до сей поры даже не доводилось видеть негров. Поначалу они встретили это известие с негодованием и решили ответить грубостью, если негр вздумает им указывать. Впрочем, каковы бы ни были их первоначальные намерения, вскоре слуги обнаружили, что Стивену Блэку не очень-то нагрубишь. Его степенный вид, властные манеры и продуманные указания убедили слуг, что лучше подчиниться.

Помощник мясника, пекарь, фонарщик и прочие персоны из окружения слуг с Харли-стрит проявляли немалый интерес к чернокожему дворецкому. Они расспрашивали у слуг сэра Уолтера о жизни Стивена Блэка. Что он ест и пьет? Кто числится в его друзьях? Выходит ли он в свободное время? И когда слуги с Харли-стрит ответили, что дворецкий на завтрак съедает три вареных яйца, его лучший друг – валлиец – камердинер военного министра, а прошлым вечером дворецкий танцевал на балу для слуг в Уоппинге, помощник мясника, пекарь и фонарщик остались весьма довольны столь подробным ответом. Слуги с Харли-стрит поинтересовались, зачем им эти сведения? Помощник мясника, пекарь и фонарщик были потрясены. Как, разве слуги с Харли-стрит не знают? Слуги с Харли-стрит не знали. Помощник мясника, пекарь и фонарщик объяснили, что вот уже многие годы по Лондону ходят слухи, будто Стивен Блэк вовсе не дворецкий, а тайный африканский принц, наследник громадного королевства, и всем давно известно, что когда он устанет служить дворецким, то вернется домой и женится на принцессе, такой же черной, как и он сам.

После такого открытия слуги с Харли-стрит стали потихоньку наблюдать за дворецким и скоро сочли, что в слухах нет ничего удивительного. И действительно, разве их послушание не может служить лучшим тому подтверждением? Трудно представить, чтобы независимые и гордые англичане признали авторитет чернокожего, если бы безотчетно не почитали в нем особу королевской крови!

Стивен Блэк и не подозревал об этих любопытных теориях. Он, как всегда, усердно исполнял свои обязанности. Чистил серебро, учил лакеев сервировать стол на французский манер, выговаривал поварам, заказывал скатерти, ножи и вилки – в общем, пытался переделать сразу те тысячу и одно дело, необходимые, чтобы подготовить дом к великолепному обеду, который давала ее милость. К назначенному вечеру его усилиями все было устроено в лучшем виде. Вазы с оранжерейными розами стояли в гостиной, столовой и на лестницах. Белоснежная камчатная скатерть покрывала обеденный стол, сиявший всем блеском серебра, хрусталя и

пламенем свечей. Два громадных венецианских зеркала висели на противоположных стенах – следуя инструкциям Стивена, слуги расположили зеркала так, чтобы отражения серебра, хрусталя и свечей двоились, троились и вновь троились. Когда гости расселись по местам, они растворились в золотом сиянии, словно в лучах славы.

Самым важным из гостей был мистер Норрелл. Как изменился он со времени приезда в Лондон! Тогда он был никому не известен – тогда он был никем. Теперь же вся знать добивалась его внимания. Гости постоянно интересовались его мнением по тому или иному вопросу и чувствовали себя польщенными, получив короткий и не слишком учтивый ответ: «Понятия не имею, о ком вы говорите», или «Не имел чести знать этого джентльмена», или «Никогда не бывал в тех местах».

Некоторые замечания мистера Норрелла, наиболее значимые, подхватывали мистер Дролайт и мистер Лассельс. Они сидели по обе стороны от волшебника, без устали развивая его мысли о современной магии, чтобы сделать их понятными для прочих гостей. В этот вечер темой разговора стала магия. Сидя за одним столом с единственным в Англии волшебником и дамой, ставшей объектом его чар, гости просто не могли говорить или думать ни о чем другом. Вскоре разговор коснулся бесчисленных случаев удачного использования магических заклинаний, которые участились после воскрешения леди Поул.

– Каждая провинциальная газета может похвастаться двумя-тремя подобными примерами, – согласился лорд Каслри. – Вчера в «Батском вестнике» я прочел о некоем человеке по имени Гиббонс с Милсом-стрит, который проснулся ночью, услышав, как воры лезут в его дом. Кажется, он владел большим собранием магических книг. Он применил заклинание, которое превратило грабителей в мышей.

– Неужели? – удивился мистер Каннинг. – А что же случилось с мышами?

– Они юркнули в дыру под обшивкой стены.

– Ха! – сказал мистер Лассельс. – Поверьте мне, милорд, не было там никакой магии. Этот Гиббонс услышал шум, испугался грабителей, произнес заклинание, открыл дверь и обнаружил за ней – нет, не грабителей, а всего лишь мышей. Дело в том, что там с самого начала не было никого, кроме мышей. Все эти истории – ложь от начала до конца. В Линкольне живет один священник по фамилии Мальпас; так вот, они с сестрой – жены у него нет – занимаются тем, что исследуют подобные случаи, но до сих пор не обнаружили ни одного настоящего чуда.

– Они преклоняются перед мистером Норреллом, священник и его сестра! – с воодушевлением подхватил Дролайт. – Они счастливы, что явился человек, который возродил искусство английской магии! Им невыносимо думать, что находятся люди, которые хотят присвоить себе его великие свершения! Одна мысль, что кто-то тщится сравняться с мистером Норреллом, им ненавистна! Для них это – личное оскорбление! Мистер Норрелл был так добр, что снабдил их надежными средствами определения подлинности чудес, и теперь мистер Мальпас и мисс Мальпас колесят по стране в своем фэртоне и выводят мошенников на чистую воду!

– Вы слишком великодушны к этому Гиббонсу, мистер Лассельс, – заметил мистер Норрелл в своей обычной суховатой манере, – не столь уж очевидно, что у него не было злодейских намерений. Прежде всего, он лжет, будто владеет собранием магических книг. Я послал Чилдермасса проверить, и тот говорит, что там нет книг, изданных ранее тысяча семьсот шестидесятого года. Ничтожество! Совершеннейшее ничтожество!

– И тем не менее, – обратилась леди Поул к мистеру Норреллу, – мы надеемся, что священник и его сестра вскоре отыщут настоящего волшебника, который станет вашим помощником, сэр.

– Ах, да где же? – воскликнул Дролайт. – Больше нет никого! Никого! Ради того, чтобы свершить все эти великие деяния, мистер Норрелл на долгие годы запер себя в библиотеке. Увы, ныне подобное самопожертвование ради блага страны столь редко! Уверю вас, больше в Англии волшебников нет!

– Все равно, – настаивала ее милость, – священник с сестрой не должны бросать поиски! На собственном опыте мне известно, сколько трудов требуется ради одного магического опыта. Только представьте себе, чего бы достиг мистер Норрелл, работай он вместе с помощником!

– Увы, – сказал мистер Лассельс. – Брат и сестра Мальпас не нашли никаких следов подобного человека.

– Однако, судя по вашим словам, мистер Лассельс, – воскликнула леди Поул, – их цель – разоблачать фальшивую магию, а не искать новых магов. Но раз уж они путешествуют по стране в своем фаэтоне, то могли бы провести некоторые изыскания – разузнать, кто занимается магией, у кого есть собрания магических книг. Полагаю, это не составит для них большого труда. Они будут только рады помочь вам, сэр, – обратилась ее милость к мистеру Норреллу. – А нам остается надеяться, что в скором времени их поиски завершатся удачей, и тогда вам не будет так одиноко.

Наконец гости воздали должное всем пятидесяти или около того блюдам, а остатки лакеи убрали со стола. Дамы удалились, а джентльмены остались с портвейном и сигарами. Однако сегодня что-то мешало им наслаждаться обществом друг друга. Джентльменам хотелось продолжить разговор о магии. Даже сплетни про общих знакомых и, страшно подумать, разговоры о политике не приносили облегчения. Вскоре джентльмены почувствовали, что им просто необходимо увидеть очаровательную хозяйку дома, и довольно безапелляционно заявили сэру Уолтеру, что он соскучился по жене. Сэр Уолтер уверил их, что это не так. Нет, разве такое возможно? Общеизвестно, что молодые люди несчастливы в разлуке и даже недолгая отлучка супруги способна выбить молодого мужа из колеи и лишить аппетита. Не кажется ли вам, господа, что вид у сэра Уолтера болезненный, словно у пациента, страдающего от разлития желчи? Сэр Уолтер отверг и эти обвинения. Ему нравится делать хорошую мину при плохой игре? Что ж, достойно джентльмена. Однако его отчаянное состояние просто бросается в глаза! Из сострадания друзья сэра Уолтера должны немедленно воссоединиться с дамами.

Из угла рядом с буфетом Стивен Блэк смотрел, как джентльмены выходят. В комнате остались лакеи: Альфред, Джеффри и Роберт.

– Подавать чай, мистер Блэк? – с невинным видом поинтересовался Альфред.

Стивен Блэк поднял вверх тонкий палец и слегка нахмурился, давая понять, что лакеям следует оставаться на местах и не шуметь. Он подождал, когда джентльмены уйдут, а затем воскликнул:

– Да что с вами сегодня? Альфред! Я понимаю, что тебе нечасто приходится прислуживать таким гостям, но это не повод забыть все свои навыки! Я поражен твоей бестолковостью!

Альфред пробормотал извинения.

– Лорд Каслри попросил тебя передать куропатку с трюфелем. Я отчетливо слышал его слова! А ты подал ему клубничное желе! О чем ты только думал?

Альфред снова неразборчиво что-то пробормотал – слышно было только слово «испугался».

– Испугался? Чего?

– Мне показалось, что за креслом ее милости стоит странный незнакомец.

– Альфред, о чем ты толкуешь?

– Высокий господин в зеленом сюртуке с сияющей копной седых волос склонился над леди Поул. А через секунду исчез.

– Альфред, посмотри туда.

– Слушаюсь, мистер Блэк.

– Что ты видишь?

– Шторы, мистер Блэк.

– А еще что?

– Канделябр.

– Зеленые бархатные шторы и горящий канделябр. Вот и твой незнакомец в зеленом сюртуке с седой головой, Альфред. А теперь ступай и помоги Кисси вынуть фарфор и в будущем постарайся вести себя благоразумнее. – Стивен Блэк повернулся к другим лакеям. – Джеффри! Ты ничем не лучше Альфреда! Могу поклясться, даже сейчас ты витаешь в облаках! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Джеффри не сразу нашелся с ответом. Бедняга моргал и сжимал губы, словно боялся расплакаться.

– Простите, мистер Блэк, меня расстроила музыка.

– Музыка? – переспросил дворецкий. – Какая музыка? А, вот и она! Струнный квартет в гостиной. Но они только что вступили!

– Нет, мистер Блэк! Я о скрипках и флейтах, что весь обед играли в соседней комнате. Ах, мистер Блэк! Это самая печальная музыка на свете! Я думал, она разобьет мне сердце!

Стивен недоуменно уставился на лакея:

– Не понимаю тебя, Джеффри. Я не слышал никаких скрипок и флейт. – Он повернулся к третьему лакею, черноволосому крепышу лет сорока. – Роберт! У меня нет слов! Ты забыл наш вчерашний разговор?

– Нет, мистер Блэк.

– Разве я не говорил тебе, что ты должен показывать пример остальным слугам?

– Говорили, мистер Блэк.

– Ты не меньше полудюжины раз за вечер подходил к окну. О чем ты только думал? Леди Уинзелл искала глазами кого-нибудь – попросить чистый бокал. Ты должен был прислуживать гостям ее милости, а не глазеть в окно!

– Простите меня, мистер Блэк, но я услышал стук.

– Стук? Что за стук?

– Ветки бились о стекло, мистер Блэк.

Стивен Блэк издал нетерпеливый возглас:

– Роберт, рядом с домом нет деревьев! Ты это знаешь не хуже меня!

– Мне показалось, что вокруг дома вырос лес.

– Что? – воскликнул Стивен.

16. «Утраченная Надежда»

Январь 1808 года

Слуги с Харли-стрит по-прежнему считали, что их преследуют зловещие призраки и скорбные звуки. Повара Джона Лонгриджа и судомоек беспокоил бой колокола. От этого звука, объяснял повар Стивену Блэку, на ум приходили все некогда умершие близкие, все лучшие, но, увы, прошедшие минуты и все грустные события в жизни. Слуги тосковали, их посещали странные мысли: а стоит ли вообще жить на этом печальном свете?

Джеффри и Альфреда, самых молодых, мучили звуки флейт и скрипок, которые Джеффри впервые услышал в вечер памятного обеда, причем обоим казалось, что музыка всегда играет в соседней комнате. Стивен водил их по дому, показывал, что нигде нет музыкантов, играющих на скрипках и флейтах, но безуспешно – лакеи становились все печальнее и боязливей.

Однако больше всего Стивена изумляло поведение Роберта, старшего из слуг. Стивен всегда считал Роберта разумным, добросовестным и заслуживающим доверия и меньше всего ожидал, что именно Роберт станет жертвой вымышленных страхов. Тем не менее Роберт по-прежнему утверждал, что слышит, как невидимый лес разрастается вокруг дома. Роберт чувствовал, как призрачные ветки царапают стены и стучатся в окно, а корни украдкой пробираются под фундамент и выталкивают кирпичи. Этот лес стар, говорил Роберт, и исполнен злобы. Путешественнику следует бояться деревьев не меньше, чем тех, кто за ними прячется.

Ближайший лес, возражал Стивен Блэк, в четырех милях отсюда, в Хэмпстед, и там деревья выглядят довольно ухоженными. Они не теснят человеческие жилища и не разрушают их. Однако, что бы ни говорил Стивен, Роберт лишь качал головой и трясся от страха.

Дворецкого утешало одно: странная мания стерла различия между слугами. Лондонцам больше не было дела до медлительности и неотесанности провинциалов. Провинциалы перестали жаловаться Стивену, что столичные слуги в насмешку посылают их выполнять несуществующие поручения. Слуг объединил страх, что дом захвачен призраками. После дневных трудов слуги собирались на кухне и рассказывали страшные истории о домах с привидениями и о страшных судьбах их обитателей.

Через две недели после обеда, который давала леди Поул, слуги сидели на кухне, предаваясь любимому занятию. Стивен устал слушать одно и то же и ушел в свою комнатку почитать газеты. Он не пробыл там и нескольких минут, как услышал колокольчик. Стивен отложил газету, надел черный сюртук и отправился узнать, что случилось.

В коридорчике между кухней и комнатой дворецкого на стене висели колокольчики, под которыми значились названия комнат, аккуратно выведенные коричневой краской: «венетская гостиная», «желтая гостиная», «столовая», «гостиная леди Поул», «спальня леди Поул», «гардеробная леди Поул», «кабинет сэра Уолтера», «спальня сэра Уолтера», «гардеробная сэра Уолтера», «Утраченная Надежда».

– «Утраченная Надежда»? – удивился про себя Стивен. – Что за чертовщина?

Сегодня утром он собственноручно заплатил за работу плотнику и внес сумму в учетную книгу: «Амосу Джадду, за установку девяти колокольчиков и надписи под ними – четыре шиллинга». Однако перед глазами дворецкого висели десять колокольчиков. И десятый дергался изо всех сил.

«Должно быть, это Джадд, – подумал Стивен. – Вздумал надо мной подшутить. Придется ему завтра утром все переделать».

Не зная, что предпринять, Стивен обошел первый этаж и заглянул в комнаты – все были пусты. Затем поднялся на второй этаж.

На лестничной площадке перед ним была совершенно новая дверь.

– Кто там? – прошептал из-за двери незнакомый голос.

Казалось удивительным, что шепот может быть столь проникновенным. Кроме того, голос как будто входил в голову не через уши, а другим, неведомым образом.

– Кто-то стоит на лестнице! – настаивал шепот. – Слуга? Заходи, ты мне нужен.

Стивен постучался и вошел.

Внутри комната оказалась не менее таинственной, чем непонятно откуда взявшаяся дверь. Если бы Стивена попросили ее описать, он сказал бы, что она убрана в готическом стиле. Однако здесь не было обычных готических украшений, приведенных, к примеру, на страницах «Хранилища искусств» мистера Аккермана. Ни средневековых стрельчатых арок, ни изысканной деревянной резьбы, ни религиозных мотивов. Стены и пол из простого серого камня, очень потертого и местами неровного, потолок сводчатый. В единственном оконце проглядывало усыпанное звездами небо. В оконце торчали осколки стекла, а по комнате гулял зимний ветер.

Бледный джентльмен с удивительной копной серебристых волос, словно пух на отцветшем чертополохе, неодобрительно изучал свое отражение в старом треснувшем зеркале.

– А, наконец-то! – сказал он Стивену с кислым видом. – В этом доме вечно никого не дозовешься!

– Приношу вам глубокие извинения, сэра, – ответил Стивен, – но никто не сказал мне о вашем приезде.

Он решил, что бледный джентльмен – гость сэра Уолтера или леди Поул; это, впрочем, объясняло присутствие джентльмена, но не таинственной комнаты. Джентльменам свойственно останавливаться в чужих домах, чего не скажешь о комнатах.

– Чем могу вам служить, сэра? – спросил Стивен.

– До чего же ты глуп! – воскликнул джентльмен с волосами как пух. – Разве тебе не известно, что сегодня ко мне на бал приглашена леди Поул? Мой слуга куда-то запропастился. Как я предстану перед прекрасной леди Поул в таком виде?

Бесспорно, у джентльмена был повод для жалоб: небритое лицо, удивительные серебристые волосы спутаны, а из одежды – старомодный шлафрок.

– Я к вашим услугам, сэра, – сказал Стивен. – Только мне понадобится бритва. Полагаю, вам неизвестно, где ваш слуга хранит бритву?

Джентльмен пожал плечами.

В комнате не оказалось туалетного столика. В ней вообще почти не было мебели. На стене висело зеркало, на полу стояли трехногий табурет для дойки коров и удивительное кресло. Стивен не стал бы утверждать, что оно собрано из человеческих костей, хотя выглядело именно так.

На табурете, рядом с прелестной маленькой шкатулкой, Стивен обнаружил острую серебряную бритву. Видавшая виды оловянная миска с водой стояла на полу.

Удивительно, но в комнате не было также и камина, только ржавая железная жаровня, наполненная горячими углями, из которой на пол сыпался пепел. Стивен подогрел миску с водой и побрил джентльмена с волосами, как пух от чертополоха. Когда Стивен закончил, джентльмен провел рукой по лицу и заметил, что очень доволен бритьем. Затем он спокойно снял шлафрок и стоял в кальсонах, пока Стивен растирал его тело щеткой. Стивену бросилось в глаза, что в отличие от прочих джентльменов, которые после подобной процедуры становились красными, словно вареные раки, этот оставался таким же бледным, только кожа слегка светилась, точно луна или перламутр.

Одежда джентльмена оказалась превосходного качества – Стивен никогда такой не видел. Белоснежная сорочка тщательно наглажена, туфли сияют, словно черные зеркала. Однако лучше всего были шейные платки из белого муслина – тонкие, словно паутинки, и тугие, как нотная бумага, числом не менее дюжины.

На туалет джентльмена Стивену потребовались добрых два часа, ибо тот отличался немалым тщеславием. С каждой минутой он все больше восхищался умелыми манипуляциями Стивена.

– Скажу тебе по секрету, в искусстве завивки волос ни один из моих слуг тебе и в подметки не годится, – заявил джентльмен, – а что уж говорить о том, как ловко ты завязываешь шейный платок! По сравнению с тобой они просто ничего в этом не смыслят!

– Просто мне очень нравится эта работа, – сказал Стивен, – мне всегда хотелось убедить сэра Уолтера уделять своей одежде больше внимания, но у политиков вечно не хватает времени думать о подобных вещах.

Стивен помог джентльмену облачиться в лиственный-зеленый сюртук (отменного сукна и модно скроенный), затем джентльмен подошел к табурету и поднял шкатулку. Изготовленная из фарфора и серебра, она по размеру была не больше табакерки, только вытянутой формы. Стивен вслух восхитился цветом коробочки – ни голубым, ни серым, а скорее сиренево-лавандовым, хотя и это определение было не совсем точным.

– Да, разумеется, цвет прекрасен, – согласился джентльмен с волосами, как пух от чертополоха. – И его не так-то просто получить. Пигмент смешивают со слезами старых дев из благородных семей, которые прожили долгую безгрешную жизнь и поэтому не знали ни одного счастливого дня!

– Бедные дамы! – промолвил Стивен. – Хорошо, что эта краска так редка.

– Ах нет, редкой эту краску делают не слезы – у меня их целые бутылки! Главное – правильно смешать цвета.

Джентльмен был так любезен, так разговорчив, что Стивен набрался смелости и прямо спросил:

– А что же вы держите в этой симпатичной коробочке? Нюхательный табак?

– Ах нет! Это мое величайшее сокровище, которое леди Поул наденет сегодня на бал! – Он открыл коробочку и показал Стивену белый мизинец.

Сначала Стивен слегка удивился, но удивление тут же улетучилось, и если бы кто-нибудь спросил его об этом происшествии прямо сейчас, Стивен наверняка ответил бы, что многие джентльмены носят с собой коробочки с дамскими мизинчиками и он видел такие неоднократно.

– Давно он у вас? – вежливо поинтересовался Стивен.

– Нет, не слишком.

Джентльмен захлопнул коробочку и опустил в карман.

Оба смотрели в зеркало на свои отражения. Невольно Стивен отметил, как они дополняют друг друга: сияющая черная кожа и прозрачно-белая. Каждый представлял собой определенный тип мужской красоты. Очевидно, та же мысль пришла и джентльмену с волосами, словно пух от чертополоха.

– Как же мы оба прекрасны! – изумился он. – Теперь я понимаю, что допустил досаднейший промах! Я принял тебя за слугу! Невероятно! Твое достоинство и благородный вид свидетельствуют о знатном, возможно королевском, происхождении! Полагаю, что ты гость здесь, так же как и я. Прошу простить мою навязчивость и благодарю, что помог мне подготовиться к встрече с прекрасной леди Поул!

Стивен улыбнулся:

– Нет, сэр. Я слуга. Слуга сэра Уолтера.

Джентльмен с волосами, как пух от чертополоха, удивленно поднял брови.

– При такой красоте и талантах ты просто не можешь быть слугой! – потрясенно промолвил он. – Ты должен управлять громадным владением! Ибо что есть красота, хотелось бы мне знать, как не признак превосходства? Теперь я понял, в чем дело! Враги отняли твои владения и бросили тебя среди невежественных простолюдинов!

– Нет, сэр, вы ошибаетесь. Я всегда был слугой.

– Ничего не понимаю, – повторил джентльмен, изумленно трясая головой. – Здесь есть какая-то тайна, и, как только выберу время, я ею займусь. А сейчас, в благодарность за то, что ты так красиво уложил мои волосы и прочее, я приглашаю тебя на сегодняшний бал.

Приглашение прозвучало так неожиданно, что несколько мгновений Стивен не находил слов для ответа. «Он или безумен, – думал дворецкий, – или один из тех политиков-радикалов, что спят и видят, как бы стереть все сословные различия».

Вслух он произнес:

– Весьма тронут честью, которую вы мне оказали, но только вообразите, сэр! Ваши гости придут в дом, ожидая встретить дам и джентльменов своего круга. Когда они поймут, что вынуждены находиться в одной компании со слугой, их возмущению не будет предела! Благодарю вас за доброту, однако меньше всего на свете мне хотелось бы смутить или оскорбить ваших гостей.

Речь Стивена, казалось, поразила джентльмена еще сильнее.

– Какое благородство чувств! – воскликнул он. – Жертвовать собственным удовольствием ради того, чтобы не нарушить покой других! Хотя, по правде сказать, этот довод не приходил мне в голову. Подобная несговорчивость только усиливает мое желание видеть тебя среди своих друзей и помогать тебе. Однако ты не понял. Гости, о которых ты печешься, вовсе не так щепетильны. Все они – мои вассалы и подданные, и никто не посмеет порицать меня или того, кого я считаю своим другом. А если и посмеют, что ж, тогда мы их убьем! Впрочем, – добавил джентльмен, внезапно устав от разговора, – какой смысл спорить, если мы уже на месте!

С этими словами джентльмен удалился, а Стивен обнаружил, что стоит в огромном зале, а вокруг под печальную музыку танцуют пары.

Как и раньше, он слегка удивился, но снова с поразительной быстротой освоился и принялся разглядывать толпу. Несмотря на уверения джентльмена с волосами, словно пух от чертополоха, Стивен опасливо искал знакомые лица. Обнаружив, что в зале нет друзей сэра Уолтера, Стивен решил, что среди этих незнакомцев в своем черном сюртуке и белой сорочке вполне сойдет за джентльмена. Какая удача, что сэр Уолтер не заставлял его носить ливрею и пудренный парик, по которым любой безошибочно угадал бы в нем слугу.

Танцующие были одеты по последней моде. Платья дам поражали изысканностью цветов (хотя, сказать по правде, таких оттенков Стивену видеть не доводилось). Джентльмены носили панталоны до колен, светлые чулки, коричневые, зеленые, синие и черные сюртуки и сияющие белизной сорочки, а также лайковые перчатки без единого пятнышка.

Однако, несмотря на веселых гостей и красоту их нарядов, чувствовалось, что дом этот не столь роскошен, как казалось на первый взгляд. Несколько сальных свечей не рассеивали полумрак, а аккомпанировали танцорам только скрипка и флейта.

«Наверное, это та самая музыка, о которой говорили Альфред и Джеффри, – подумал Стивен. – Странно, и почему я не слышал ее прежде? А ведь Альфред и Джеффри были правы: музыка и впрямь очень печальная».

Стивен подошел к узкому незастекленному окну и посмотрел на темный глухой лес под сияющими звездами.

«А вот и лес, о котором рассказывал Роберт. Как зловеще он выглядит! А это, вероятно, колокольный звон?»

– Да, вы правы, это именно он, – сказала дама рядом со Стивеном.

На ней было платье цвета грозы, полумрака и ливня, а ожерелье было сделано из сожалений и разбитых надежд. Стивен удивился ответу дамы: он был уверен, что вслух своего вопроса не задавал.

– Это колокол, – продолжила дама. – Колокол бьет на одной из башен.

Дама улыбнулась и посмотрела на Стивена с таким открытым восхищением, что он счел необходимым сказать несколько вежливых слов:

– Какое изящное собрание, мадам. Не припомню, когда мне в последний раз доводилось видеть в одном месте столько красивых лиц и благородных фигур. И каждый из гостей пребывает в самом расцвете юности! Должен признаться, я удивлен, что в зале совсем нет людей пожилых. Где отцы и матери, дяди и тети этих прекрасных дам и господ?

– Странное замечание! – рассмеялась дама. – Зачем хозяину «Утраченной Надежды» приглашать на бал старых и уродливых? Кому интересно на них смотреть? Впрочем, мы не столь юны, как кажемся. На месте Англии были непроходимые леса и голые пустоши, когда мы в последний раз видели наших родителей и родительниц. Ах, постойте! Смотрите! Вот и леди Поул!

Между танцорами Стивен заметил леди Поул. На ней было голубое бархатное платье, а вел ее джентльмен с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе.

И тут дама в платье цвета грозы, полумрака и ливня пригласила Стивена на танец.

– С радостью, – ответил он.

Когда прочие дамы увидели, как хорошо Стивен танцует, каждая захотела составить ему пару. После дамы в платье цвета грозы, полумрака и ливня Стивен танцевал с юной лысой особой, на голове у которой шевелился парик из сияющих жуков. Третья партнерша обиженно вскрикнула, когда рука Стивена случайно задела ее платье, заявив, что он мешает платью петлять. Стивен опустил взгляд и обнаружил, что платье ее и впрямь состоит из крошечных ртов: они раскрывались, и оттуда доносился пронзительно-жуткий напев.

Хотя партнеры менялись, как правило, после двух танцев, Стивен заметил, что джентльмен с волосами, словно пух от чертополоха, весь вечер протанцевал с леди Поул и разговаривал только с ней. Однако джентльмен не забывал и о Стивене. Когда бы дворецкому ни доводилось поймать его взгляд, джентльмен улыбался, кланялся и всячески давал понять, что среди прочих удовольствий этого вечера больше всего его радует именно присутствие Стивена Блэка.

17. Необъяснимое появление двадцати пяти гиней

Январь 1808 года

Лучшая бакалейная лавка в городе находилась на Сент-Джеймс-стрит, и владел ею мистер Бренди. Дед сэра Волтера Поула, сэр Уильям Поул, решительно отказывался покупать кофе, шоколад или чай в других местах, заявляя, что по сравнению с хорошо обжаренным турецким кофе мистера Бренди все прочие на вкус напоминают муку. Впрочем, доброе расположение сэра Уильяма оказалось не таким уж благом. Щедрый на похвалу, неизменно любезный и не кичливый старый лорд редко оплачивал счета; после его смерти выяснилось, что сэр Уильям задолжал мистеру Бренди громадную сумму. Хозяин – вспыльчивый, остролиций старичок – не мог сдержать гнева. Он умер вскоре после старого Поула, и многие сочли, что хозяин лавки отправился на тот свет, чтобы отыскать знатного должника.

После его смерти дело перешло в руки вдовы. Хозяин бакалейной лавки женился поздно, и читателя вряд ли удивит, что жена его не была счастлива в браке. Она рано поняла, что для мужа созерцание гиней и шиллингов милей ее общества, хотя, на мой взгляд, красотой миссис Бренди нельзя было не залюбоваться. Мягкие каштановые локоны, яркие синие глаза и нежное лицо – хозяйка была само очарование и любезность. Казалось бы, старик, единственной привлекательной чертой которого было богатство, должен беречь молодую красавицу-жену как зеницу ока и угождать ей во всем. Но нет – мистер Бренди даже не озаботился покупкой собственного дома, хотя денег у него хватало. Хозяин лавки трясся над каждым шестипенсовиком, поэтому заявил, что жить они будут в комнатухе над лавкой, и все двенадцать лет замужества комната эта служила его жене гостиной, спальней, столовой и кухней. Впрочем, не прошло и трех недель после смерти мужа, как она приобрела дом в Ислингтоне и взяла трех служанок – Сьюки, Дафни и Дельфину.

Кроме того, миссис Бренди наняла двух приказчиков. Джон Апчерч оказался человеком надежным, неленивым и умелым. Поведение рыжеволосого, нервного Тоби Смита часто удивляло миссис Бренди. Иногда он выглядел молчаливым и несчастным, а порой поражал приветливостью и неожиданной открытостью. В любом торговом деле случаются недостатки. Когда миссис Бренди принималась расспрашивать Тоби о причинах несовпадений в цифрах, тот держался так зажато и скованно, что хозяйка заподозрила его в воровстве. Однажды январским вечером подозрения миссис Бренди получили новый, весьма неожиданный толчок. Она сидела в комнате над лавкой, когда в дверь постучали. Тоби Смит мялся в дверях, стараясь не встретиться с хозяйкой взглядом.

– Что случилось, Тоби?

– Если позволите, мэм, – Тоби старательно отводил глаза, – деньги не сходятся. Мы с Джоном считали и так и этак, дюжину раз проверили, но все зря.

Миссис Бренди издала недовольный возглас и спросила, велико ли расхождение.

– Двадцать пять гиней, мэм.

– Двадцать пять гиней! – ужаснулась миссис Бренди. – Двадцать пять гиней! Невозможно! Нет, ты, должно быть, ошибаешься, Тоби. У нас в лавке и денег-то столько не бывает! – Затем ей в голову пришла новая мысль. – Наверное, нас ограбили!

– Нет, мэм, – отвечал Тоби. – Вы уж простите, но вы меня не так поняли. Я не говорил, что у нас не хватает двадцати пяти гиней. У нас на двадцать пять гиней больше!

Миссис Бренди молча уставилась на него.

– Сами увидите, – сказал Тоби, – если пожелаете спуститься. – И с озабоченным выражением на лице он открыл перед хозяйкой дверь.

Миссис Бренди устремилась в лавку, а Тоби последовал за ней.

Стоял безлунный вечер, на часах было около девяти. Джон закрыл ставни и потушил лампы. В лавке должен был царить непроглядный мрак, как в чайнице, однако комнату освещал мягкий золотистый свет от стопки золотых монет на прилавке.

Миссис Бренди подняла одну и внимательно осмотрела. Ей показалось, что она держит в руках нежный желтый огонек с монетой внутри. Свет оказывал на стоящих рядом людей странное действие. Миссис Бренди, Джон и Том ощущали себя не в своей тарелке: в лице хозяйки появилось что-то высокомерное и заносчивое, в чертах Тома проступили коварство и хитрость, а Джон и вовсе показался бы стороннему наблюдателю человеком свирепым и диким. Не стоит упоминать, что эти черты никогда не были свойственны их характеру. Однако еще чуднее были изменения, которые произошли с ящичками красного дерева, занимавшими целую стену лавки. Еще совсем недавно позолоченные буквы на них обозначали названия пряностей, теперь же «Мята (лимонная)» превратилось в «Маята (любовная)», «Мускатный орех» – в «Непрощенный грех», «Горчичное семя» – в «Горькое бремя», «Молотый кардамон» – в «Молодости неугомон», «Зерна перца» – в «Разбитое сердце». Никто, однако, этих изменений не замечал – и хорошо, не то хозяйка бы очень огорчилась: что делать с новыми товарами, кому такое продашь?

– Итак, – наконец решилась миссис Бренди, – откуда-то эти деньги взялись. Может быть, кто-нибудь решил заплатить долг?

Джон мотнул головой. Тоби повторил движение товарища.

– У нас и должников-то таких нет, – добавил он, – ну, за исключением герцогини Уорксоп, но, откровенно говоря, мэм, сомневаюсь я, что герцогиня...

– Да-да, Тоби, понимаю, – перебила хозяйка. Несколько мгновений она размышляла. – Возможно, какой-нибудь джентльмен вытирал лицо носовым платком, а деньги возьми да выпади из кармана на пол.

– Мы нашли их не на полу, – сказал Джон. – Деньги лежали в кассе вместе с остальной выручкой.

– Не знаю, что и сказать, – промолвила миссис Бренди. – Сегодня кто-нибудь расплачивался гинеями?

Джон и Тоби заверили хозяйку, что никто в тот день гинеями не расплачивался, иначе они непременно запомнили бы хотя бы одного из двадцати пяти покупателей.

– А какие они яркие, мэм, – заметил Джон, – все как одна, ни грязи, ни пятнышка.

– Может быть, сбегать за мистером Блэком, мэм? – спросил Тоби.

– Ах да, конечно! – радостно вскричала хозяйка. – Или нет, ах, не стоит! Зачем тревожить мистера Блэка по пустякам? Разве случилось что-нибудь плохое? Или случилось, Тоби? Или пустяк? Никак не могу решить.

В наш век неожиданное и необъяснимое появление такой огромной суммы денег – явление чрезвычайно редкое, посему ни Тоби, ни Джон не могли сказать хозяйке, благо это или зло.

– И все же, – продолжила миссис Бренди, – мистер Блэк так умен! Он разгадает нашу загадку, не сходя с места. Ступай на Харли-стрит, Тоби. Передай мои наилучшие пожелания мистеру Блэку и спроси, не сможет ли он уделить мне несколько минут своего драгоценного времени? Нет, постой! Лучше вот: извинись, что тревожишь его покой, и намекни, что, если он будет так любезен и поговорит со мной, я буду весьма благодарна... нет-нет, польщена... нет, благодарна... нет, все-таки польщена его вниманием.

Знакомство миссис Бренди со Стивеном Блэком состоялось тогда, когда сэр Уолтер унаследовал долги своего деда, а миссис Бренди – дело своего мужа. Каждую неделю Стивен Блэк приходил в лавку с гинеей-двумя в уплату долга. Тем не менее миссис Бренди, как ни странно, часто отказывалась принять деньги.

– Ах, мистер Блэк! – вздыхала она. – Умоляю, заберите ваши деньги. Уверена, сэр Уолтер сейчас находится в более стесненных обстоятельствах, чем я. Последнюю неделю дела в лавке

шли исключительно удачно! У нас появился шоколад карак. Покупатели так добры, что утверждают: больше в Лондоне нигде такого нет! Ни по аромату, ни по густоте. Люди стекаются к нам со всего города. Не хотите ли чашечку, мистер Блэк?

Миссис Бренди приносила фарфоровый кофейник с росписью синим по белому, наливала чашку и с тревогой спрашивала, нравится ли мистеру Блэку шоколад? Несмотря на то что люди стекались к ней со всего Лондона, миссис Бренди начинала верить в превосходное качество шоколада только после того, как узнавала мнение мистера Блэка. Впрочем, шоколадом заботы хозяйки о мистере Блэке не ограничивались. Она пеклась о его здоровье. Если день был холодным, миссис Бренди беспокоилась, не замерз ли он. Если шел дождь, хозяйка волновалась, не простудился ли. Если же стоял жаркий сухой день, она предлагала гостю посидеть у окна, выходящего в маленький садик, чтобы освежиться на ветерке.

Когда мистеру Блэку приходило время откланяться, хозяйка говорила примерно следующее:

– Не знаю, как насчет той недели. Скорее всего, мне понадобится эта гинея. Сами знаете, покупатели не всегда оплачивают счета, поэтому я наберусь нахальства просить вас прийти в четверг. Около трех. В это время я буду совершенно свободна и кофейник как раз согреется, раз уж вам так понравился мой горячий шоколад.

Возможно, читатели-джентльмены тут должны улыбнуться и заметить про себя, что женщины, как обычно, ничего не смыслят в делах. Дамы-читательницы, напротив, согласятся, что миссис Бренди превосходно разбиралась в делах, а главным делом жизни миссис Бренди было внушить мистеру Блэку те же нежные чувства, какие она испытывала к нему.

Когда Тоби вернулся не с посланием от мистера Блэка, а с самим мистером Блэком, тревога миссис Бренди по поводу богатства, свалившегося как снег на голову, уступила место более приятному волнению.

– Ах, мистер Блэк! Не ожидала увидеть вас так скоро! Даже не предполагала, что в это время вы ничем не заняты!

Стивен стоял за пределами круга света, который отбрасывали монеты.

– Не важно, чем я был занят, – проговорил он странным замедленным голосом. – В доме все пошло вверх дном. С ее милостью совсем плохо.

Миссис Бренди, Джон и Тоби замерли в изумлении. Как и все лондонцы, они питали самый живой интерес к ее милости. Миссис Бренди гордилась всеми своими знатными завсегдатаями, но леди Поул – в особенности. Как-никак, приятно сообщить покупателям, что за завтраком леди Поул кушает булочку с джемом из лавки миссис Бренди и пьет кофе из купленных там зерен.

Внезапно в голову хозяйки пришла тревожная мысль.

– Надеюсь, ее милость не съела чего-нибудь нехорошего?

– Нет, – вздохнул Стивен, – ничего подобного. Ее милость жалуется на боль в конечностях, странные сны и холод. Она почти не раскрывает рта, всегда грустна, а ее кожа холодна как лед.

Стивен вступил в круг света, отбрасываемого странными монетами.

Если странный свет преобразил миссис Бренди и ее приказчиков, то перемены в Стивене были стократ разительнее. Его природная красота увеличилась в пять, семь, нет, в десять раз. На лице проступило неопределимо благородное выражение; свет, стусившись вокруг лба, образовал подобие венца. Впрочем, как и прежде, никто из присутствующих не заметил ничего необычного.

Длинными черными пальцами Стивен начал перебирать монеты.

– Где вы нашли их, Джон?

– В кассе, вместе с прочими монетами. Как, ради всего святого, они попали туда, мистер Блэк?

– Я удивлен не меньше вашего. Даже не знаю, что и предположить. – Стивен обернулся к миссис Бренди. – Больше всего я беспокоюсь, мэм, как бы вас не заподозрили в том, что деньги получены нечестным путем. Я думаю, вы должны передать монеты своему поверенному. Пусть даст объявление в «Таймс» и «Утреннее обозрение»: не терял ли кто-нибудь двадцать пять гиней в лавке миссис Бренди.

– Поверенному, мистер Блэк! – ужаснулась миссис Бренди. – Но они столько дерут!

– Поверенные дорого обходятся, мэм, – согласился Стивен.

В это самое время джентльмен, прогуливавшийся по Сент-Джеймс-стрит, заметил идущий сквозь ставни свет. Тут же оказалось, что ему просто необходимы чай и сахар, и джентльмен, недолго думая, постучал в дверь.

– Тоби, посетитель! – крикнула миссис Бренди.

Тоби поспешил к двери, а Джон убрал деньги с прилавка. Комната тут же погрузилась во мрак. Только сейчас они поняли, что до сих пор видели друг друга лишь в неверном свете злополучных монет. Джон зажег лампы, снова придав лавке уютный вид, а Тоби занялся посетителем.

Стивен Блэк упал в кресло и поднес руку ко лбу. Лицо его посерело, весь вид выражал смертельную усталость.

Миссис Бренди уселась в кресло напротив и мягко коснулась руки Стивена.

– Вам нездоровится, дорогой мистер Блэк?

– Нет... просто я разбит, как человек, который плясал ночь напролет.

Дворецкий снова вздохнул и уронил голову на руки.

Миссис Бренди отняла руку.

– Не слышала, что прошлой ночью был бал. – В ее словах послышалась ревнивая нотка. – Надеюсь, вы приятно провели время. С кем танцевали?

– Ах нет. Не было никакого бала, только боль в мышцах и никакой радости. – Внезапно Стивен поднял голову. – Вы слышите?

– Что, мистер Блэк?

– Колокол. Колокол звонит по покойнику.

Несколько секунд женщина прислушивалась.

– Нет, ничего не слышу. Надеюсь, вы останетесь на ужин, мистер Блэк? Вы окажете нам большую честь. Боюсь, что еду вы не сочтете изысканной. Даже совсем неизысканной – устрицы, пирог с голубятиной и рагу из барашка. Впрочем, такой старый друг, как вы, не будет в претензии. Тоби принесет еще...

– Вы уверены, что ничего не слышите?

– Уверена.

– Я не могу остаться. – Казалось, Стивен хочет сказать что-то еще, он даже открыл рот, но слышный лишь ему колокол вновь сбил с мысли, и он промолчал. – Всего наилучшего!

Стивен встал и, небрежно поклонившись, вышел.

На улице колокол продолжал звонить. Стивен шел словно в тумане. Он уже добрался до Пиккадилли, как неожиданно ему навстречу из переулка выскочил разносчик в фартуке, волочивший корзину с рыбой. Пытаясь обойти разносчика, Стивен столкнулся с дородным джентльменом в синем сюртуке и бедфордской шляпе, стоявшим на углу Альбемарл-стрит.

Джентльмен посмотрел на Стивена и испугался: перед ним маячило черное лицо, черные руки подбирались к его карманам. Не обращая внимания на приличный костюм и респектабельный вид Стивена, джентльмен решил, что его хотят ограбить, и поднял зонтик, чтобы защититься.

Всю свою жизнь Стивен прожил в страхе перед этим мгновением. Сейчас позовут констебля, его поволокут к мировому судье, и даже покровительство сэра Уолтера Поула не спасет бедного дворецкого! Разве английские судьи поверят, что чернокожий не обязательно гра-

битель и лжец? Разве негр может быть приличным человеком? И хотя сейчас решалась его судьба, Стивен взирал на происходящее словно со стороны, как на пьесу за толстым стеклом или сценку на дне глубокого пруда.

Дородный джентльмен смотрел на Стивена со смесью гнева и страха. Он уже открыл рот, чтобы разразиться упреками, но внезапно начал меняться. Туловище стало стволом, руки (уже не две, а намного больше) раскинулись в разные стороны и обратились ветками, лицо покрылось корой и взмыло на двадцать футов вверх, а шляпа и зонтик оказались густой кроной плюща.

«Дуб. На Пиккадилли, – подумал Стивен, впрочем не особенно удивившись. – Странно».

Изменилась и улица. Мимо Стивена только что проезжала карета. Очевидно, она принадлежала какой-то важной персоне: на запятках стояли два лакея, дверцы украшал герб. Карету везла четверка лошадей серой масти. На глазах Стивена лошади истончились и удлинлись, превратившись в купу серебристых берез. Карета обратилась зарослями падуба, а кучер и лакеи – совой и соловьями и тут же упорхнули прочь. Только что джентльмен с дамой прогуливались по улице, но вот они выпустили ветки, и на их месте вырос куст бузины, а там, где мгновение назад пробегала собака, торчали сухие папоротники. Небо словно втянуло в себя газовые фонари, и они замигали звездами на фоне узора из голых ветвей. Пиккадилли сузилась до едва различимой тропинки в сумрачном зимнем лесу.

Стивен ничему не удивлялся, словно во сне, где все подчиняется собственной логике. Более того, он как будто всегда знал, что от Пиккадилли рукой подать до волшебного леса.

Стивен пошел по тропинке.

В лесу было тихо и темно. Над головой сияли немыслимо яркие звезды, древесные стволы угадывались по черным силуэтам, где звезд не было.

Тупая серая тоска, что целый день окутывала его разум и дух, отступила, и Стивен стал размышлять о занятном вчерашнем сновидении. В этом сновидении некто в зеленом сюртуке и с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе, привел его в странное место, где он до утра танцевал с удивительными партнершами.

В лесу печальный звон колокола звучал громче, чем в городе, и Стивен шел по тропе на звук. В скором времени он приблизился к громадному каменному дому с сотней окон, из некоторых струился слабый свет. Дом окружала высокая стена. Стивен прошел сквозь нее (не понимая как – в стене не было прохода) и оказался посреди широкого унылого двора, усеянного черепками, обломками костей и ржавыми доспехами. Казалось, они лежат тут столетия. Несмотря на громадный размер дома, внутри вела низенькая дверца, и Стивену пришлось пригнуться, чтобы войти. Его немедленно окружила толпа нарядно разодетых людей.

Рядом с дверью стояли два джентльмена в прекрасных черных сюртуках, белоснежных чулках, перчатках и лакированных туфлях. Они беседовали, но, когда Стивен вошел, один из джентльменов с улыбкой обернулся.

– А вот и Стивен Блэк! – воскликнул он. – Мы только тебя и ждали!

И тут вступили скрипки и флейты.

18. Сэр Уолтер советуется с джентльменами разных профессий

Февраль 1808 года

Бледная и грустная леди Поул сидела у окна. Она почти не разговаривала, а отвечала резко и невпопад. Когда озабоченный муж и друзья спрашивали ее милость, что случилось, леди Поул говорила, что устала от балов и больше не в состоянии танцевать. Что до музыки, то она и не подозревала раньше, что музыка ей так отвратительна.

Сэра Уолтера беспокоили молчание и безразличие жены. Все это слишком напоминало болезнь, которой леди Поул страдала до замужества и которая привела ее к смерти в столь юном возрасте. Та же бледность, тот же озноб.

Тогда докторам не дали осмотреть ее милость, и стоит ли удивляться, что они восприняли это как оскорбление своей профессии. «Магия! – негодовали медики при всяком упоминании леди Поул. – Может быть, магия, вернувшая ее к жизни, и замечательна, но при должном лечении никакого волшебства не потребовалось бы!»

Прав был мистер Лассельс, возлагая вину всецело на миссис Уинтертаун. Она презирала докторов и не допускала их к дочери. Сэр Уолтер, однако, подобных предрассудков не разделял, поэтому, недолго думая, послал за мистером Бейли.

Шотландец по происхождению, мистер Бейли был самым известным практикующим врачом в Лондоне. Он написал множество книг с учеными названиями и числился лейб-медиком короля. Чтобы подчеркнуть свой вес и значимость, этот рассудительный господин носил трость с золотым набалдашником. Не мешкая ни минуты, он прибыл на зов сэра Уолтера, горя желанием доказать преимущество медицины над магией. Мистер Бейли осмотрел леди Поул и сообщил, что ее милость совершенно здорова, даже не простужена.

Сэр Уолтер снова начал объяснять, насколько поведение леди Поул отличается от обычного.

Мистер Бейли внимательно выслушал сэра Уолтера. Затем заявил, что, кажется, понял, в чем суть проблемы. Сэр Уолтер и ее милость женаты недавно, не так ли? Сэр Уолтер должен простить его, но иногда докторам позволено переходить границы, установленные для простых смертных. Сэр Уолтер еще не привык к семейной жизни. Ему покамест трудно смириться с тем, что муж и жена часто ссорятся. Этого не стоит стыдиться – в лучших семьях иногда случаются размолвки. В таких случаях один из супругов может притвориться, будто испытывает легкое недомогание. Женщины почти всегда используют этот прием. Возможно, леди Поул чего-нибудь хочется? Если речь о пустяке вроде нового наряда или шляпки, почему бы не пойти ей навстречу? Если же речь о новом доме или поездке в Шотландию, то не мешало бы еще раз обсудить с ее милостью этот вопрос. Мистер Бейли уверен, что леди Поул – особа весьма здравомыслящая.

Возникла пауза – сэр Поул внимательно изучал длинный нос мистера Бейли.

– Мы с ее милостью не ссорились, – ответил он наконец.

Ах, разумеется, добродушно промолвил мистер Бейли. Возможно, сэру Уолтеру просто кажется, что ссоры не было? Иногда джентльмены не замечают очевидного в поведении жен. Мистер Бейли советует сэру Уолтеру хорошенько подумать. Что, если он чем-нибудь досадил ее милости? Мистер Бейли далек от обвинений. Подобные трудности нередки в начале совместной жизни.

– Не в характере леди Поул капризничать, словно испорченный ребенок!

Конечно-конечно, согласился мистер Бейли. Однако леди Поул очень молода, а молодости свойственно совершать глупости. Старая голова не подходит для молодых плеч. Мистер Бейли имеет большой опыт в подобных делах. Он готов привести исторические и литературные

примеры, которые доказывают, что в молодости многим трезвомыслящим и разумным людям были свойственны необдуманные поступки. Однако выражение лица сэра Уолтера предостерегло доктора от дальнейшего развития благодатной темы.

Сэр Уолтер тоже молчал. Ему было что сказать в ответ, однако он чувствовал себя неуверенно. Если вы впервые женитесь в сорок два года, то обнаруживаете, что окружающие лучше вас разбираются в ваших семейных делах. Поэтому в ответ на рассуждения мистера Бейли сэр Уолтер только нахмурился. Около одиннадцати часов утра он вызвал карету и отправился в Берлингтон-хаус на встречу с другими министрами.

Добравшись до Берлингтон-хауса, сэр Уолтер миновал колоннаду и череду позолоченных прихожих и начал подниматься по огромной мраморной лестнице. На потолке нарисованные боги, богини, герои и нимфы парили в синем небе и кувыркались в пушистых облаках. Слуги в ливреях и напудренных париках кланялись ему, покуда сэр Уолтер шел в кабинет, где министры листали бумаги и спорили друг с другом.

– Почему бы вам не послать за мистером Норреллом, сэр Уолтер? – спросил мистер Каннинг, выслушав его историю. – Удивлен, что вы до сих пор этого не сделали. Наверняка недопомогание леди Поул связано с последствиями колдовства, вернувшего ее к жизни. Мистер Норрелл внесет в заклинание необходимые поправки, и она выздоровеет.

– И впрямь, – согласился лорд Каслри. – Едва ли леди Поул помогут доктора. Мы с вами, сэр Уолтер, живем на этом свете по милости Божией, а ваша супруга – по милости мистера Норрелла. Леди Поул привязана к жизни иначе, чем мы с вами, – как с точки зрения теологии, так и с точки зрения медицины.

– Когда миссис Персиваль нездоровится, – вмешался мистер Персиваль, маленький, аккуратный правовед с непримечательной внешностью, занимающий высокий пост канцлера казначейства, – я прежде всего зову ее горничную. Кто лучше служанки знает о здоровье госпожи? Что говорит горничная леди Поул?

Сэр Уолтер покачал головой:

– Памписфорд озадачена не меньше, чем я. Она тоже заметила, что всего два дня назад леди Поул была здорова, а теперь бледна, холодна и несчастна. Вот и все, что известно Памписфорд. А еще всякая чепуха о привидениях, якобы обитающих в доме. Я не понимаю, что случилось со слугами. Сегодня утром лакей рассказал, что посреди ночи видел на лестнице человека в зеленом сюртуке и с копной серебристых волос.

– Призрак? Видение? – спросил лорд Хоксбери.

– Видимо, так он считает.

– Удивительно! Привидение что-нибудь сказало? – спросил мистер Каннинг.

– Нет. Джеффри утверждает, будто призрак одарил его холодным презрительным взглядом и прошествовал мимо.

– Вероятно, ваш слуга спал на ходу, сэр Уолтер, – предположил мистер Персиваль.

– Или был пьян, – добавил мистер Каннинг.

– Мне тоже так показалось. Поэтому я вызвал Стивена Блэка, – сказал сэр Уолтер. – Однако дворецкий оказался не умнее прочих слуг. Не мог связать и двух слов.

– Теперь, я полагаю, вы не станете отрицать, что дело в магии? – воскликнул мистер Каннинг. – Кто лучше мистера Норрелла сумеет все объяснить? Немедленно пошлите за мистером Норреллом, сэр Уолтер!

Слова эти звучали так убедительно, что сэр Уолтер удивился, почему ему самому не пришло в голову послать за мистером Норреллом? Сэр Уолтер высоко ценил собственную проницательность. Как же он просмотрел столь очевидную связь! Разгадка сыскалась тут же: в глубине души сэр Уолтер не жаловал магию – ни тогда, когда считал ее шарлатанством, ни теперь, когда убедился в ее реальности. Однако сэр Уолтер не мог поведать о своих чувствах мини-

страм – ведь именно он впервые за двести лет предложил взять волшебника на государственную службу!

В половине четвертого, в самое зловещее время зимнего дня, сэр Уолтер вернулся на Харли-стрит. Зимние сумерки стерли силуэты людей и домов, а небо еще сияло серебристо-голубым холодным светом. В просветах между домами закат окрасил небосвод розовым и кроваво-красным – цветом приятным для глаз, но тревожащим душу.

Разглядывая улицы из окна кареты, сэр Уолтер поздравил себя с тем, что ему не свойственна особая впечатлительность. Любого другого предстоящая нежеланная встреча в сочетании с кроваво-черным маревом лондонских улиц могла бы изрядно выбить из колеи.

Джефффри открыл дверь, и сэр Уолтер начал быстро подниматься по ступенькам. На втором этаже он миновал венецианскую гостиную, где сегодня утром оставил ее милость. Любопытство заставило его заглянуть внутрь. На первый взгляд гостиная была пуста. Камин догорал, создавая в комнате полумрак. Никто не зажигал ни ламп, ни свечей. И тут сэр Уолтер увидел жену.

Она сидела в кресле около окна спиной к нему. Кресло, поза, даже складки на платье и шали ничуть не изменились с утра.

Дойдя до кабинета, сэр Уолтер сел и немедленно написал мистеру Норреллу. Письмо содержало просьбу срочно прибыть на Харли-стрит.

Однако мистер Норрелл не торопился. Наконец, часа два спустя, он появился на Харли-стрит с преувеличенно спокойным выражением на лице. Сэр Уолтер встретил гостя внизу и объяснил, что случилось. Он настаивал, чтобы они немедленно поднялись на второй этаж и зашли в венецианскую гостиную к леди Поул.

– Ах нет! – быстро возразил мистер Норрелл. – Из вашего рассказа, сэр Уолтер, я понял, что нам незачем тревожить леди Поул. Боюсь, я ничем не могу ей помочь. Мне больно говорить вам об этом, дорогой сэр Уолтер, но, при всем моем горячем желании вам услужить, не думаю, что волшебство вылечит леди Поул.

Сэр Уолтер вздохнул. С несчастным видом он провел рукой по волосам.

– Мистер Бейли не нашел у нее никаких болезней, и я подумал...

– Тогда я тем более уверен, что ничем не могу помочь. Волшебство и медицина не так далеки друг от друга, как принято считать. Зачастую они пересекаются. Болезнь можно излечить как медицинским способом, так и волшебным. Если ее милость на самом деле заболела или – не дай бог! – умер, можно попробовать излечить или воскресить ее при помощи волшебства. Однако, простите, сэр Уолтер, то, что вы описываете, больше похоже на душевный недуг, нежели на телесный, а здесь бессильны и медицина, и волшебство. Я не слишком разбираюсь в этих материях, но возможно, вам следует поговорить со священником?

– Но лорд Каслри считает – я не утверждаю, что дело обстоит именно так, – так вот, лорд Каслри считает, что с тех пор, как леди Поул доверила свою жизнь волшебству... Боюсь, я не слишком хорошо понял, что он имел в виду, но лорд Каслри сказал: если жизнь леди Поул поддерживается волшебством, то излечить ее способно только волшебство.

– Неужели? Он так сказал? Лорд Каслри заблуждается, но сама мысль заслуживает внимания. Эту теорию называют ересью Мери³². В двенадцатом веке аббат из Риво посвятил жизнь ее искоренению и был впоследствии прославлен в лике святых. Я не слишком силен в магиче-

³² 1 Теория была впервые сформулирована корнуолльским чародеем Мери в XII веке и известна во многих изводах. Самые ярые последователи теории утверждают, будто человек, излеченный или оживленный с помощью магии, больше не принадлежит Господу и Его Церкви, но приобретает обязательства перед тем чародеем или духом, который ему помог. Мери был схвачен и предстал перед Стивеном, королем Южной Англии, и его епископами в Винчестере. Чародея раздели, заклеямили, высекли и выгнали вон, запретив людям помогать ему. Мери попытался добраться до Ньюкасла, где стоял замок Короля-ворона, но умер в дороге. Поверье, бытующее в Северной Англии, согласно которому души убийц не принадлежат ни Богу, ни дьяволу, а только Королю-ворону, называют разновидностью ереси Мери.

ской теологии, но вряд ли ошибусь, если скажу, что в шестьдесят девятой главе «Трех родов существ» Уильяма Пантлера...³³

Мистер Норрелл уже приготовился прочесть очередную долгую и нудную лекцию по истории английской магии, со ссылками на никому не известные источники, но сэр Уолтер его перебил:

– Да-да, разумеется. А известно ли вам что-нибудь о некоем господине в зеленом сюртуке и с копной серебристых волос?

– Ах! – воскликнул мистер Норрелл. – Вы думаете, он существует на самом деле? Вряд ли. Возможно, то был всего лишь халат, забытый нерадивым слугой? Вот кому-то и почудилось невесть что. Я и сам иногда пугаюсь собственного парика. Лукас знает, что вечером должен уносить его из спальни, но иногда забывает парик перед зеркалом на каминной полке, и тогда я вижу над камином двух джентльменов, которые, сдвинув головы, шепчутся обо мне.

Мистер Норрелл быстро заморгал маленькими глазками, затем, объявив, что ничем не может помочь ее милости, покинул дом на Харли-стрит.

Он сразу же отправился домой и напрямик поднялся в маленький кабинет на третьем этаже. Кабинет выходил окнами в сад. Слугам не разрешалось туда заходить, и даже Чилдермассу требовался для этого весомый предлог. Хотя мистер Норрелл редко предупреждал, что собирается поработать в кабинете, комната была всегда готова к его услугам. Вот и теперь в камине пылал огонь, горели лампы. Однако нерадивый слуга забыл задвинуть портьеры, и окно превратилось в большое черное зеркало, в котором отражалась комната.

Мистер Норрелл сел за письменный стол лицом к окну, открыл большой том – один из многих на столе – и зашептал заклинание.

Из камина выпал уголек, тень промелькнула по комнате, заставив волшебника поднять глаза. В темном окне он увидел свое испуганное лицо и отражение другого у себя за спиной. Бледное лицо гостя окаймляла копна сияющих волос.

Не оборачиваясь, мистер Норрелл с горьким упреком воскликнул:

– Когда ты говорил, что забереешь половину жизни юной леди, я думал, что ты позволишь ей оставаться с друзьями и родными половину от семидесяти пяти лет! После чего им покажется, что она просто умерла!

– Я этого не говорил.

– Ты обманул меня! Ты нарушил наш договор! Из-за твоей хитрости все пропало! – вскричал мистер Норрелл.

Дух в окне издал недовольный возглас:

– Зря я надеялся, что при нашей второй встрече ты будешь вести себя благоразумнее. Опять эти злоба и высокомерие! Я выполнил условия договора! Я сделал то, о чем ты просил, и претендую только на законную награду! Если бы тебя по-настоящему заботило благополучие леди Поул, ты бы радовался, что она среди тех, кто любит и почитает ее!

– Ах, она меня нисколько не волнует, – презрительно заметил мистер Норрелл. – Что значит судьба одной юной леди по сравнению с будущностью английской магии? Нет, меня беспокоит ее муж, ради которого я на это пошел! Он может пострадать от твоего вероломства! Что будет, если она не поправится? Если он уйдет в отставку? Я больше не найду сторонников среди министров!³⁴ Никто из них уже не будет передо мной в таком неоплатном долгу!

– Ее муж? Если захочешь, я вознесу его на небывалую высоту! Дарую положение, какого он никогда не достиг бы своими силами! Он станет премьер-министром! Или императором Великобритании! Годится?

³³ Уильям Пантлер. «Три рода существ, способных к усовершенствованию» (Изд-во Генри Линтота: Лондон, 1735). Существа, способные к усовершенствованию, – ангелы, люди и эльфы.

³⁴ Из этого замечания следует, что мистер Норрелл не сознавал, как ценят его министры и как стремятся использовать его способности при ведении военных действий.

– Нет! – воскликнул мистер Норрелл. – Ты не понимаешь! Я хочу только, чтобы он был мною доволен и убеждал других министров, что магия принесет Англии великое благо!

– Никогда не понимал, – надменно процедило отражение, – почему ты предпочитаешь его помощь моей? Что он знает о магии? Да ничего! Я научу тебя, как поднять горы и обрушить их на головы твоих врагов! Облака будут петь в твою честь! Весна будет следовать за тобой по пятам, а там, откуда ты уйдешь, завьюжит зима. Я мог бы...

– Разумеется, а в обмен ты потребуешь, чтобы английская магия подчинялась твоим прихотям! Ты будешь похищать англичан и англичанок, и в Англии не будет житья никому, кроме твоего гнусного племени! Цена твоей помощи слишком высока!

Отражение не дало прямого ответа, но подсвечник на столе неожиданно подпрыгнул, перелетел через комнату и разбил зеркало на противоположной стене, а также маленький фарфоровый бюст Томаса Ланчестера.

Все стихло.

Мистер Норрелл дрожал. Он уставился в книгу, лежавшую перед ним на столе, но если и читал ее, то способом, известным лишь волшебникам, ибо глаза его не следили за строчками. Через несколько минут мистер Норрелл поднял голову от книги. Отражение в зеленом сюртуке пропало.

Следует признать, что надежды на счастливую семейную жизнь леди Поул обратились в ничто. Брак, обещавший столько благ жениху и невесте, привел к молчаливому безразличию одной стороны и горю другой. Леди Поул больше не блистала в обществе и никуда не выходила. Никто не навещал ее, и скоро модный лондонский свет совершенно о ней забыл.

Слуги неохотно заходили в гостиную, где сидела леди Поул, хотя никто из них не смог бы объяснить почему. Дело было в том, что рядом с леди Поул в воздухе висел слабый отзвук колокольного звона. Промозглый ветер гулял по комнате, заставляя вошедших ежиться. Так она и сидела, час за часом, завернувшись в шаль, безмолвно и неподвижно, а вокруг роились нехорошие сны и тени.

19. «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»

Февраль 1808 года

Как ни удивительно, но никто не заметил, что Стивена Блэка поразила та же странная хворь, что и ее милость. Оба жаловались на озноб и усталость, оба почти все время молчали, а если и говорили, то с видом замученным и унылым.

Впрочем, едва ли этому стоит удивляться. Разница в образе жизни стирала всякое сходство. Несмотря на подавленное состояние духа, дворецкий обязан выполнять свою работу. Как бы ни страдал Стивен, он не мог целые дни молчаливо просиживать у окна, подобно госпоже. Симптомы, принятые за болезнь у благородной леди, у дворецкого сочтут в лучшем случае хандрой.

Джон Лонгридж, повар с Харли-стрит, страдал от сходной болезни более тридцати лет и, сразу же распознав в Стивене родственную душу, с распростертыми объятиями принял его в орден меланхоликов. Бедняга очень обрадовался, что нашел собрата по несчастью. Однажды вечером, когда Стивен сидел на кухне, опустив голову на руки, повар пристроился напротив и принялся выражать свое сочувствие:

– Соболезную, сэр, от всей души соболезную. Меланхолия, мистер Блэк, вот сущее мучение. Иногда мне кажется, что весь Лондон превратился в холодную гороховую кашу. Лица и руки у людей цвета холодной гороховой каши, и они бредут по улицам, продираясь сквозь гороховую кашу. Боже, как мне бывает тяжело! Даже солнце тогда кажется серым и вязким, словно гороховая каша, и ничто не может меня согреть. Вас ведь тоже часто знобит, не так ли, сэр?

Джон Лонгридж накрыл ладонью руку Стивена Блэка.

– Ах, мистер Блэк, сэр, – заметил он, – вы холодны как могила.

Стивен жил словно во сне. Ему снился дом на Харли-стрит со всей прислугой. Работа, друзья и даже миссис Бренди тоже являлись дворецкому во снах. Иногда Стивена посещали странные сновидения, и где-то глубоко внутри некая крохотная, замерзшая крупинка его личности понимала, что такого быть не должно. Стивен мог идти по коридору или подниматься по ступеням в доме на Харли-стрит, но, завернув за угол, обнаруживал, что попал в другой коридор или на лестничный пролет, которого здесь отродясь не бывало. Дом на Харли-стрит словно бы поместили внутрь другого дома, большого и древнего. Сверху нависали каменные своды, кругом лежала пыль, в углах замерли тени. Потертые каменные ступени выглядели необработанными. Однако самым удивительным было то, что Стивен как будто узнавал эти призрачные залы. Он то и дело ловил себя на странных мыслях: «Вот сейчас за поворотом будет Восточная Оружейная» или «Эти ступеньки ведут в Башню Потрошителя».

Обнаруживая загадочные коридоры или просто ощущая их присутствие, Стивен немного оживлялся. Что-то размораживало лед, сковавший душу и сердце, и пробуждало любопытство. Больше ничто не забавляло Стивена, ничто не казалось ему желанным. Вокруг были только тени, пустота, эхо и пыль.

Временами беспокойство выгоняло Стивена на улицу – бродить по темным переулкам вокруг Пиккадилли и Мэйфер. В один из таких вечеров в конце февраля он обнаружил, что стоит рядом с кофейней мистера Уортона на Оксфорд-стрит. Стивен хорошо знал это место. Комнату на верхнем этаже занимал «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»: здесь собирались уважаемые слуги из самых респектабельных домов Лондона. Среди почитаемых членов клуба значились: камердинер лорда Каслри, кучер герцога Портлендского и Стивен Блэк. Члены клуба собирались каждый третий четверг месяца и развлекались тем, чем обычно развлекаются члены любого мужского клуба, – пили, обедали, играли, говорили о политике и сплетничали о любовницах. В другие вечера свободные от трудов члены клуба приходили

в кофейню мистера Уортона, чтобы поднять дух общением с приятелями. Стивен вошел в кофейню и поднялся по ступенькам на верхний этаж.

Комната выглядела как любой лондонский клуб. Сильная половина человечества утонула в клубах табачного дыма. Стены были обшиты темными дубовыми панелями. Комнату разделяли деревянные перегородки, чтобы каждый член клуба мог чувствовать себя уединенно. Ежедневно пол посыпали свежими опилками. Столы были застелены белыми скатертями, лампы заправлены, фитили прочищены. Стивен уселся за перегородку, заказал портвейн и мрачно уставился в бокал.

Обычно, когда кто-нибудь из членов клуба проходил мимо закутка, Стивен поднимал руку. Сегодня же он не отвечал на приветствия приятелей. Внезапно в ухе раздался резкий шепот: «Молодец, что не отвечаешь им! Кто они такие? Простые слуги! В будущем, когда с моей помощью ты займешь подобающее тебе высокое и благородное положение, с каким удовольствием ты вспомнишь, что отверг их дружбу!» Этот отчетливый шепот перекрывал голоса и смех посетителей. Казалось, он проходит сквозь камни, железо и бронзу. Шепот спускался с высоты в тысячу футов, он мог раскрошить драгоценные камни в пыль и свести с ума.

Все это было столь необычно, что Стивен очнулся от забытья. Он с живым любопытством огляделся вокруг, затем привстал и заглянул в соседний закуток. Там с удобством расположился джентльмен весьма неординарной наружности. Он явно чувствовал себя крайне непринужденно. Сидел закинув руки на перегородку и задрал ноги на стол. Самой же примечательной чертой его облика была копна серебристых волос, мягких и сияющих, словно пух на отцветшем чертополохе. Джентльмен подмигнул Стивену, затем встал и перешел в его закуток.

– Должен заметить, – сообщил незнакомец доверительным тоном, – что нынешний город в подметки не годится прежнему. Куда подевалось бывшее великолепие? С тех пор как я прибыл в Лондон, моему разочарованию нет пределов. Когда-то город казался сверху лесом шпилей и башен. Многоцветные флаги и знамена развевались по ветру, лаская взор! Дома покрывала резьба, тонкая, словно фаланга пальчика, и замысловатая, как бурлящий поток. Фасады украшали каменные драконы, грифоны и львы, символизируя мудрость, храбрость и ярость их обитателей, а в садах жили драконы, грифоны и львы из плоти и крови, запертые в прочных клетках. Их рев, отчетливо слышимый на улице, устрасал малодушных. В каждой церкви лежали святые мощи, ежечасно совершавшие чудеса по просьбе прихожан. Мощи хранились в раках слоновой кости, помещенных в украшенные самоцветами усыпальницы, а те, в свою очередь, заключались в великолепных склепах. День и ночь сияли они золотом и серебром в свете тысяч восковых свечей! Каждый день устраивались величественные процессии в честь того или иного святого, а слава Лондона гремела среди других городов! И то сказать, в те времена лондонцы приходили ко мне, чтобы спросить, как строить церкви, разбивать сады и украшать дома. Если просители были достаточно почтительны, я не отказывал им в добром совете. При мне Лондон славился своим великолепием, а ныне...

Джентльмен сделал красноречивый жест, словно смял город в ладони и отбросил прочь.

– Чего ты так уставился на меня? Ты выглядишь глупо, Стивен. Чтобы нанести тебе визит, мне пришлось изрядно постараться, а ты сидишь с открытым ртом и молчишь! Разумеется, ты удивлен, но это не повод забыть о хороших манерах. Впрочем, – добавил незнакомец, словно делая Стивену огромное одолжение, – в моем присутствии англичане часто изумленно замирают. Что может быть естественнее? Однако мы ведь старинные приятели, и я заслужил более теплый прием.

– Разве мы знакомы, сэр? – изумленно промолвил Стивен. – Я уверен, что видел вас во сне. Мы вместе бродили по громадному зданию с бесконечными пыльными коридорами!

– «Разве мы знакомы, сэр?» – передразнил его джентльмен. – Что за ерунду ты несешь? Да каждую ночь мы разделяем трапезу и танцуем на балах!

– Но ведь все это мне только снится...

– Какой же ты бестолковый, Стивен! – вскричал джентльмен. – «Утраченная Надежда» – не сон! Это старейший и прекраснейший из моих бесчисленных дворцов, и он ничуть не менее реален, чем дом принца Уэльского на Пэлл-Мэлл. И даже более того. Я могу видеть будущее, поэтому мне известно, что через двадцать лет Карлтон-хаус³⁵ сровняют с землей, а Лондону осталось еще всего лишь две тысячи лет, в то время как «Утраченная Надежда» будет стоять, пока не наступит новая эра этого мира! – Казалось, незнакомца вдохновляют собственные слова, да и вся его речь была не чем иным, как безудержным самовосхвалением. – Нет, то был не сон. Ты находишься под воздействием чар, которые каждую ночь приводят тебя во Дворец Утраченной Надежды, дабы пировать и веселиться вместе с жителями волшебной страны!

Стивен непонимающе воззрился на незнакомца. Затем, вспомнив, что должен подобающим образом поприветствовать гостя и извиниться за свою угрюмость и дурные манеры, он собрался с мыслями и, запинаясь, произнес:

– Э... а... эти чары... они ваши?

– А ты как думал? – Джентльмен явно считал, что даровал Стивену некую великую милость.

Стивен вежливо поблагодарил незнакомца.

– Должен сказать, – добавил он, – что я ума не приложу, чем заслужил подобную милость? Я не совершил ничего особенного.

– Ах! – довольно воскликнул джентльмен. – У тебя превосходные манеры, Стивен Блэк! Ты способен показать англичанам, как надлежит обращаться к высоким особам! Твои манеры когда-нибудь принесут тебе великую удачу!

– А золотые гинеи в кассе миссис Бренди, – начал догадываться Стивен, – они тоже ваши?

– Ты только сейчас это понял? Подумай, до чего славно я все устроил! Ты жаловался, что днем и ночью окружен врагами, и я передал деньги твоей доброй знакомой. Когда ты женишься на ней, деньги станут твоими.

– Откуда вы... – начал Стивен и остановился. От внимания джентльмена ничего не ускользало – тот знал все и считал себя вправе во все вмешиваться. – А что до врагов, сэр, то здесь вы ошибаетесь, – добавил Стивен. – У меня нет врагов.

– Дорогой мой Стивен! – вскричал джентльмен. – Конечно же, они у тебя есть! И самый главный из них – твой хозяин, муж леди Поул! Он заставляет тебя прислуживать себе, не дает тебе покою ни днем ни ночью. Да как он смеет приказывать человеку, наделенному такой красотой и благородством? По какому праву?

– Наверное, потому... – начал Стивен.

– Вот именно! – победно воскликнул джентльмен. – Потому что этот злодей в своей гнусности поработил тебя и заковал в цепи. Ах, как он торжествует, как радостно пляшет, оглашая воздух пронзительным хохотом!

Стивен открыл рот. Он хотел сказать, что сэр Уолтер в жизни не проделывал ничего подобного, напротив, всегда относился к нему с большим участием. В молодости сэр Уолтер всегда выкраивал деньги на обучение Стивена, чтобы тот мог ходить в школу; позже, когда сэр Уолтер впал в еще более стесненные обстоятельства, они часто ели за одним столом и грелись у одного камина. Что до торжества над врагами, сэр Уолтер, одержав победу над очередным политическим противником, мог ухмыльнуться, но никогда еще не плясал, оглашая воздух пронзительным хохотом! Стивен собирался сказать все это джентльмену с волосами, словно пух от чертополоха, но упоминание о цепях поразило его, словно удар молнии. В воображении возникло жаркое, зловонное замкнутое пространство. Мелькали страшные тени, лязгали кандалы. Стивен не понимал, откуда пришло видение и что оно означает. Это не могло быть воспоминанием. Он никогда, никогда не был в подобном месте!

³⁵ Лондонская резиденция принца Уэльского на Пэлл-Мэлл.

– ...а если он обнаружит, что каждую ночь вы с ней веселитесь в моем доме, то забьется в припадке ревности и попытается убить вас обоих! Ничего не бойся, дорогой мой Стивен! Я позабочусь о том, чтобы он не смог осуществить свои намерения. Как же я ненавижу подобных себялюбцев! Я-то знаю, что значит жить под гнетом этих гордецов-англичан и выполнять унижительные обязанности! Мне больно видеть, что и тебе выпала подобная участь! – Ледяными пальцами джентльмен погладил Стивена по щеке – словно мурашки пробежали по коже. – Ты даже не представляешь, как я забочусь о твоём будущем! Я вынашиваю план сделать тебя королем какого-нибудь волшебного королевства!

– Э... простите, сэр, я отвлекся. Королем, вы сказали? Нет. Я не могу стать королем, сэр. Вы так добры ко мне, но это вряд ли возможно. Кроме того, боюсь, воздух волшебной страны не очень-то мне полезен. С самого первого визита в ваш дом я испытываю неловкость и тяжесть. Утром, днем и ночью я чувствую утомление. Жизнь стала тяжелой ношей. Очевидно, я сам в этом виноват, но возможно, блаженство волшебной страны не годится для смертного?

– Нет-нет, Стивен, тебя тяготит тоскливая Англия! Ты скучаешь по восхитительной жизни, сплошь состоящей из роскошных пиров и изысканных балов, жизни, которую ведешь в моем доме!

– Вероятно, вы правы, сэр, однако, если бы вы решили освободить меня от чар, я был бы весьма признателен.

– Но это невозможно! – вскричал джентльмен. – Разве ты не знаешь, что мои прекрасные сестры и кузины – а ради них короли убивали друг друга и целые империи обращались в прах – перессорились из-за того, кому быть твоей следующей партнершей? Что с ними станет, если я скажу, что больше ты не появишься в бальной зале «Утраченной Надежды»? Ко всем моим прочим добродетелям я еще заботливый брат и кузен и не упускаю случая доставить удовольствие моим дорогим родственницам. И зря ты отказываешься стать королем – нет ничего приятнее, чем принимать поклоны и именоваться высокими титулами!

Джентльмен продолжал расхваливать красоту Стивена, достоинство, с которым тот держится, и его умение танцевать. Он уверял, что для управления волшебным королевством необходимы именно эти качества. Затем джентльмен стал прикидывать, какое из волшебных королевств подойдет Стивену больше:

– Безмерная благодать – превосходное место, с темными непроходимыми лесами, высокими горами и глубокими морями. Там сейчас нет правителя, и это большое преимущество, а недостаток в том, что на место короля уже двадцать шесть претендентов, и ты окажешься прямо в гуще кровавой междоусобицы. Вряд ли тебе это подойдет. Еще есть герцогство Горестей. У тамошнего герцога почти нет серьезных сторонников, однако я не могу допустить, чтобы мой друг управлял таким жалким владением, как Горести!

20. Подозрительный шляпник

Февраль 1808 года

Тех, кто полагал, что с появлением волшебника война немедленно завершится, ждало разочарование.

– Магия! – восклицал министр иностранных дел мистер Каннинг. – Не говорите мне о магии! От нее одни разочарования!

Бесспорно, в этом утверждении содержалась крупинка истины, и мистер Норрелл всегда готов был обстоятельно и многословно разъяснить, почему то или иное требуемое волшебство невозможно. Во время одного из подобных объяснений ему случилось обронить несколько слов, о которых он впоследствии сильно сожалел. Разговор происходил в Берлингтон-хаусе, и мистер Норрелл втолковывал лорду Хоксбери, министру внутренних дел³⁶, что для какой-то его просьбы необходима дюжина – никак не меньше! – волшебников, которые будут трудиться, не смыкая глаз ни днем ни ночью. Долгая и утомительная речь, посвященная плачевному состоянию английской магии, заканчивалась так: «Все могло бы сложиться иначе, но, как известно вашей милости, наши одаренные юноши избирают армию, флот или церковь. Моя бедная профессия находится в печальном небрежении!» И мистер Норрелл испустил глубокий вздох.

Мистер Норрелл хотел всего только лишний раз подчеркнуть свои выдающиеся таланты, но, к несчастью, лорд Хоксбери понял его превратно.

– Вот как! – воскликнул он. – Вы хотите сказать, что нам нужно больше волшебников? Разумеется, я и сам это вижу. Как насчет школы? Или Королевского общества под патронажем его величества? Уверен, мистер Норрелл, вы сами выберете необходимую форму. Если возьмете на себя труд написать докладную записку по этому вопросу, я с удовольствием прочту ее и предложу обсудить министрам. Нам известно, что вы большой мастер писать подобные проекты четко, ясно и подробно, да и почерк у вас превосходный. Рискну предположить, что мы сумеем добыть денег на ваши планы. Можете не спешить – всем известна ваша загруженность.

Бедному мистеру Норреллу меньше всего на свете хотелось заниматься разведением новых волшебников. Он утешался мыслью, что лорд Хоксбери, будучи образцовым министром, слишком занят повседневными заботами. Вряд ли министр еще раз вспомнит о его неосторожном высказывании.

Однако в следующее посещение Берлингтон-хауса мистер Норрелл понял, что ошибался. Лорд Хоксбери бросился к нему со словами:

– Мистер Норрелл, я говорил с королем о вашем плане воспитания новых волшебников! Его величеству очень понравилась эта мысль, и он с радостью готов взять ваш план под свое покровительство.

К счастью, ответить мистер Норрелл не успел, так как внезапное появление шведского посла заставило министра умчаться прочь.

Тем не менее через неделю на приеме, который принц Уэльский давал в честь мистера Норрелла в Карлтон-хаусе, лорд Хоксбери вновь принялся за свое:

– А, вот вы где, мистер Норрелл! Вы захватили с собой рекомендации по устройству школы? Я только что говорил об этом с герцогом Девонширским, и он очень заинтересовался. Герцог считает, что его дом на Лимингтонских водах прекрасно для нее подойдет. Он задавал мне вопросы об учебной программе, и предполагается ли общая молитва, и где будут спать волшебники, а я понятия не имею. Не будете ли вы так любезны поговорить с герцогом? Вон он,

³⁶ Роберт Бенкс Дженкинсон, лорд Хоксбери (1770–1828). После смерти своего отца в декабре 1808 года стал лордом Ливерпулем. В последующие девять лет – один из самых верных сторонников мистера Норрелла.

у камина. Ага, заметил нас – идет сюда. Ваша светлость, мистер Норрелл с радостью посвятит вас во все детали!

С большим трудом мистеру Норреллу удалось убедить лорда Хоксбери и герцога Девонширского, что устройство школы сопряжено со слишком большими затратами времени и средств, да и одаренных молодых людей пока сыскать не удалось. Собеседники с неохотой согласились, и мистер Норрелл смог перевести разговор на более насущную проблему истребления волшебников уже существующих.

Уличные маги давно вызывали у мистера Норрелла стойкое раздражение. Еще пребывая в безвестности, мистер Норрелл писал петиции членам правительства и прочим выдающимся джентльменам, требуя изгнать бродячих чародеев. Разумеется, став знаменитым, он удвоил и даже утроил усилия. Мистер Норрелл считал, что магия должна регулироваться правительством, а каждый волшебник обязан получить лицензию (хотя мистер Норрелл и не видел кандидатов для получения оной, кроме себя самого). Он даже предлагал создать для этой цели Совет по магии и чародейству, хотя здесь мистер Норрелл, пожалуй, несколько перегнул палку.

Как сказал лорд Хоксбери сэру Уолтеру:

– Нам бы не хотелось обижать столь заслуженного человека, но создавать новый Совет со всякими тайными советниками, секретарями, да еще бог знает кем, в разгар тяжелой и затяжной войны! Да и зачем? Выслушивать речи мистера Норрелла и бесконечно восхвалять его? Решительно невозможно! Дорогой сэр Уолтер, умоляю, убедите мистера Норрелла обратить свой ум к более насущным задачам.

Посему, когда сэр Уолтер и мистер Норрелл встретились в доме на Ганновер-Сквер, сэр Уолтер заявил следующее:

– Никто не сомневается, что вы стремитесь к самым похвальным целям, но создание Совета не лучший способ их осуществить. Внутри Лондонского Сити – а как я понимаю, это главный источник вашего беспокойства – решения Совета не будут иметь силы. Вот что мы сделаем: завтра же отправимся в Мэншн-хаус и поговорим с лорд-мэром и одним-двумя олдерменами. Уверен, мы найдем там сторонников.

– Ах, сэр Уолтер! – вскричал мистер Норрелл. – Проблема не ограничивается пределами Лондона! Я занимаюсь ею еще с тех пор, как жил в Йоркшире... – Он покопался в стопке бумаг на маленьком столике и выудил оттуда листок. – Вот, двенадцать уличных чародеев в Норидже, два – в Ярмуте, два – в Глостере, шесть – в Винчестере и *сорок два* – в Пензансе! И это еще не все! Недавно одна из них – грязная попрошайка – заявила ко мне в дом и настаивала, чтобы я выдал ей бумагу – удостоверение ее способностей, ни много ни мало, – что она может творить магию! Я был изумлен, как никогда в жизни! Я сказал ей: «Женщина...»

– Что до прочих мест, о которых вы упомянули, – поспешно перебил его сэр Уолтер, – уж если Лондон избавится от этой заразы, то и в других городах с нею скоро покончат.

Вскоре мистер Норрелл убедился в правоте сэра Уолтера. Лорд-мэр и его олдермены изъявили радостную готовность поучаствовать в возрождении английской магии. Им удалось убедить суд городского совета учредить Комитет магических актов, который и постановил, что в границах Сити только мистеру Норреллу дозволено творить волшебство, а прочие, осмелившиеся «открыть лавку, установить балаган либо каким-либо иным способом досаждают жителям Лондона предложениями магических услуг», будут незамедлительно выдворены из города.

Уличные чародеи собрали свои палатки, уложили потрепанный скарб и потащились вон из города. Некоторые, уходя, сыпали проклятиями, однако большинство отнеслось к превратностям судьбы с философским спокойствием. Они решили, что раз уж им не позволяют заниматься магией, то придется податься в воры и нищие, а поскольку они и в прежние годы кланчили или подворовывали, то разница была не очень и велика.

Впрочем, один остался. Винкулюс, чародей с Треднидл-стрит, по-прежнему сидел в своей палатке, предсказывал несчастья и помогал брошенным любовницам и обиженным подмасте-

рям чинить мелкую месть. Разумеется, мистер Норрелл часто обращался в Комитет магических актов, сетуя на подобное состояние дел, ибо из всех уличных магов мистер Норрелл особенно ненавидел Винкулюса. Комитет посылал бидлов и констеблей, чтобы запугать Винкулюса, однако тот не обращал на служителей закона никакого внимания. Винкулюс был так популярен среди лондонцев, что Комитет, опасаясь беспорядков, не решался изгнать его силой.

Одним пасмурным февральским днем замерзший до полусмерти Винкулюс сидел в своей палатке у церкви Святого Христофора на Бирже. Если читателям в детстве доводилось видеть палатку уличного мага, они согласятся, что сооружение это больше походит на кукольный театр Панча и Джуди или ярмарочный балаган. Строится оно из досок и ткани. Желтая занавеска, обрамленная снизу жирной полосой грязи, служила дверью и одновременно извещала желающих о том, чем здесь торгуют.

Впрочем, сегодня у Винкулюса посетителей не было. Улицы опустели. Серый туман, отдававший дымом и дегтем, накрыл город. Лавочники подбрасывали уголь в очаги и жгли лампы в тщетной надежде хоть немного рассеять серость и мглу, но сегодня их эркеры не бросали на улицы приветные отблески; свет не пробивался сквозь густой смог. Никто не шел в лавки потратить деньги, и лавочники в длинных белых фартуках и пудренных париках лениво перебрасывались словами друг с другом или грелись у каминов. В такой день счастливы, у которых не было дел вне дома, с радостью оставались в тепле, а те, кому приходилось выходить, стремились поскорее вернуться к домашнему очагу.

Замерзший Винкулюс мрачно сидел за желтой занавеской и перебирал в уме трактирщиков, которые согласятся налить в долг стаканчик-другой глинтвейна. Он почти уже определился, с кого начнет, когда услышал, что долгожданный посетитель за занавеской топает ногами и дует на пальцы, чтобы согреться. Винкулюс отдернул занавеску и вышел наружу.

– Ты чародей?

Винкулюс опасливо кивнул – уж больно посетитель походил на судебного пристава.

– Превосходно. У меня к тебе дело.

– Первая консультация – два шиллинга.

Человек опустил руку в карман, достал кошелек и положил два шиллинга в ладонь Винкулюса.

Затем он принялся излагать историю, которая привела его к уличному чародею. Незнакомец изъяснялся ясно и четко: он твердо знал, чего хочет. Однако чем дальше он рассказывал, тем меньше Винкулюс ему верил. Незнакомец поведал, что прибыл из Виндзора. Что ж, возможно. Правда, выговор у него был северный, однако многие северяне отправляются на юг в поисках лучшей доли. Незнакомец также сообщил, что у него успешное шляпное дело, а вот это уже вызывало серьезные сомнения – на галантерейщика он точно не походил. Винкулюс мало что знал о галантерейщиках, но в одном не сомневался: они всегда одевались лучше прочих. Незнакомец же был облачен в латаный-перелатанный черный сюртук; рубашка, пусть чистая и хорошего полотна, выглядела бы старомодной лет двадцать назад. Винкулюс не знал, как называются всяческие галантерейные мелочи, но любой шляпник должен был знать их наперечет. Этот человек именовал их попросту финтифлюшками.

Подморозило, и земля превратилась в корку изо льда и замерзшей грязи. Винкулюс, делавший пометки в маленькой засаленной книжечке, поскользнулся и повалился на сомнительного шляпника. Предательский лед не давал ему подняться, заставляя перебирать ногами и хвататься за незнакомца, словно за перила лестницы. Подозрительный шляпник был явно недоволен, что в лицо ему дышат парами эля вперемешку с капустным духом, а костлявые пальцы хватают его за одежду, однако вслух ничего не сказал.

– Извините, – пробормотал Винкулюс, с трудом поднимаясь на ноги.

– Ничего, – вежливо отвечал подозрительный шляпник, стряхивая с сюртука черствые крошки, жирные ошметки, грязь и прочие следы, оставленные Винкулюсом.

Последний тем временем приводил в порядок свои растрепавшиеся от внезапного падения лохмотья.

Подозрительный шляпник продолжил рассказ:

– Так вот, дело мое процветает, товар славится по всему Виндзору: недели не проходит, чтобы какая-нибудь из принцесс не заказала у меня новую шляпку или финтифлюшку. Я повесил над дверью золоченый королевский герб – пусть видят, что официальный поставщик двора. Труд шляпника тяжел: просиживать ночи за шитьем, пересчитывать выручку и прочее. Моя жизнь могла бы стать не в пример легче, если бы одна из принцесс влюбилась и вышла за меня замуж. У тебя есть такое заклинание, маг?

– Приворотное заклинание? А как же! Но это дорого. Обычно я беру четыре шиллинга за молочницу, десять – за швею и шесть гиней – за вдову с собственным делом. А принцесса... хм. – Винкулюс поскреб небритую щеку грязным ногтем. – Сорок гиней.

– Прекрасно.

– Которую? – спросил Винкулюс.

– В каком смысле которую? – не понял подозрительный шляпник.

– Которую принцессу?

– А разве они не все одинаковые? Разве цена от этого зависит?

– Да нет. Я дам вам заклинание на листке бумаги. Разорвете листок на две части. Одну спрячьте на груди, вторую тайно вложите в одежду той из принцесс, которую выбрали.

Подозрительный шляпник глянул изумленно:

– И как же, черт возьми, я это сделаю?

Винкулюс посмотрел на незнакомца:

– Вы только что сказали, что шьете им шляпки.

Подозрительный шляпник рассмеялся:

– Ах да! Разумеется.

Винкулюс взгляделся в незнакомца:

– Ты такой же шляпник, как я...

– Маг? – пришел на помощь подозрительный шляпник. – Признайся, что чародейство не единственная твоя профессия. Только что, например, ты обчистил мне карманы.

– Я всего лишь хотел узнать, что ты за каналья, – парировал Винкулюс, вытряхивая из рукава предметы, которые извлек из карманов незнакомца. Здесь были: пригоршня серебряных монет, две золотые гиней и несколько сложенных листков бумаги. Винкулюс развернул их.

Листки были маленькие, плотные и превосходного качества, сверху донизу исписанные мелким аккуратным почерком. В самом верху первого значилось: «Два заклинания, как заставить упряма покинуть Лондон, и одно – как узнать, чем занят сейчас мой враг».

– Чародей с Ганновер-Сквер! – вскричал Винкулюс.

Чилдермасс (ибо это был именно он) кивнул.

Винкулюс попытался разобрать мелкие строчки. Первое заклинание должно было внушить жертве, что на каждом лондонском кладбище водятся привидения, а каждый мост стерегут души самоубийц, которые некогда бросились с него в воду. Жертва должна была узреть призраков во всем их великолепии: со следами насилия, болезней и глубокой старости. В результате жертва начинала бояться церквей и мостов, что в Лондоне представляло серьезное неудобство, так как церквей здесь было едва ли не больше, чем мостов, которые попадались через каждую сотню ярдов. Второе заклинание убеждало жертву, что лишь в сельской местности обретет он свою истинную любовь и все мыслимые удовольствия. Третье – то, что показывало, чем занят в настоящее время враг, – предполагало наличие зеркала. Вероятно, мистер Норрелл дал его Чилдермассу, чтобы тот шпионил за уличным магом.

Винкулюс ухмыльнулся:

– Передай мэйферскому чародею, что его заклинания на меня не действуют!

– Неужто? – ехидно осведомился Чилдермасс. – Вероятно, потому, что я еще их не про-изнес.

Винкулюс швырнул бумажки на землю.

– Давай же, заклинай! – Защищаясь, он выставил руки перед собой, а глаза вспыхнули, словно Винкулюс собрался, по своему обыкновению, вызвать Дух Темзы.

– Спасибо, не буду.

– Почему это?

– Потому что, как и ты, я не люблю, когда мне указывают. Хозяин велел мне удостове-риться, что ты покинул Лондон. Однако в нашем случае я предпочитаю действовать по своему разумению, а не по его указке. Пошли, Винкулюс, нам есть о чем потолковать.

Уличный маг задумался.

– Может, найдем для этого местечко потеплее, где подают эль?

– Как скажешь.

Ветер трепал листки с заклинаниями мистера Норрелла. Винкулюс нагнулся, собрал их и, не обращая внимания на соломинки и комки грязи, налипшие на бумагу, сунул за пазуху.

21. Марсельское Таро

Февраль 1808 года

Пивная «Ананас» некогда служила прибежищем одному прославленному вору и убийце. У этого злодея был враг, столь же отъявленный негодяй. Вместе они совершили ужасное преступление, но вор, чтобы не делиться добычей, выдал сообщника властям. Сбежав из Ньюгейтской тюрьмы, глухой полуночью сообщник явился в пивную с тремя десятками своих подручных. Они разобрали черепичную крышу и вынули камни из стен пивной, лишь бы добраться до предателя. Никто не знает, что случилось потом, но многие слышали в глухой ночи леденящие душу крики. Владелец обнаружил, что мрачная репутация идет заведению на пользу, и не стал чинить стены и крышу. Он ограничился тем, что замазал щели и забил дыры досками. Теперь пивная выглядела как замотанный бинтами, заклеенный пластырем драчун.

Скользкие ступени спускались в мрачный зал. У пивной был свой узнаваемый запах: смесь эля, табака, немытого тела и непередаваемой вони реки Флит, с незапамятных времен служившей лондонцам сточной канавой. Речушка текла прямо под фундаментом пивной, грозя когда-нибудь поглотить славное заведение. Дешевые гравюры по стенам изображали знаменитых разбойников прошлого столетия, повешенных за свои ужасные преступления, и беспутных сыновей короля, пока не повешенных.

Чилдермасс и Винкулюс уселись за столик в углу. Мрачная служанка поставила на стол дешевую сальную свечу и две оловянные кружки с горячим, сдобренным пряностями элем. Чилдермасс заплатил.

Некоторое время они пили в молчании, затем Винкулюс поднял глаза на Чилдермасса:

– Что ты там плел о шляпках и принцессах?

Чилдермасс рассмеялся:

– Да так, выдумал. С тех пор как ты вломился в библиотеку моего хозяина, он изводит своих высокопоставленных друзей просьбами тебя уничтожить. Даже просил лорда Хоксбери и сэра Уолтера Поула пожаловаться королю. Наверное, хозяин думает, что его величество направит против тебя армию, однако лорд Хоксбери и сэр Уолтер вряд ли станут связываться с вонючим оборванцем за желтой занавеской. Вот я и решил: если его величество узнает, что ты угрожаешь непорочности его дочерей, он может изменить свою точку зрения³⁷. – Чилдермасс глотнул эля. – Послушай, Винкулюс, неужели тебе не надоело продавать фальшивые заклинания и корчить из себя предсказателя? Половина посетителей ходит над тобой посмеяться. Они больше не верят в твои магические способности. Дни твои сочтены. В Англии появился настоящий волшебник.

Винкулюс с отвращением фыркнул:

– Волшебник с Ганновер-Сквер! Все большие лондонские шишки твердят, что твой хозяин – честный волшебник, но я-то знаю магов и магию и вот что тебе скажу: все волшебники лгут, а этот – больше всех.

Чилдермасс пожал плечами, словно и не собирался спорить.

Винкулюс подался вперед:

– Магия будет начертана на каменных лицах холмов,
Но их разуму ее не вместить;
Облетевшие деревья зимой —

³⁷ Любящий отец шести дочерей, король, сам того не желая, превратился в их тюремщика. Он и слышать не хотел о том, что дочери когда-нибудь выйдут замуж и оставят его. Бедняжки вынуждены были прозябать в Виндзорском замке рядом с королевой, славившейся своим дурным нравом. Из шести только одна сумела выйти замуж до сорока лет.

Черные письма, которых им не постичь...

– Деревья? Холмы? Да когда ты в последний раз видел живое дерево или холм, Винкулюс? Почему бы тебе не сказать, что магия написана на грязных стенах домов, а дым из труб чертит магические знаки на небе?

– Это не мое предсказание!

– Ну да, разумеется. Предсказание Короля-ворона. Ничего удивительного. Каждый шарлатан уверяет, будто ему ведомо пророчество короля.

– *Я восседаю на черном троне, – бормотал Винкулюс, – но им не дано увидеть меня. Дождь отворит мне дверь, и я войду.*

– Ладно, если не ты его сочинил, то где нашел?

Поначалу казалось, что Винкулюс не ответит, однако несколько секунд спустя он промолвил:

– Так написано в книге.

– В книге? В какой книге? У моего хозяина громадная библиотека, а ему не известно о таком предсказании.

Винкулюс промолчал.

– Это твоя книга? – продолжал допытываться Чилдермасс.

– Я храню ее.

– Где ты взял ее? У кого стащил?

– Я не крал. Это мое наследство. Величайшая честь и величайшее бремя, доставшееся человеку в наш век.

– Если книга и впрямь ценная, ты мог бы продать ее Норреллу. Он заплатит любые деньги.

– Волшебнику с Ганновер-Сквер не завладеть этой книгой! Он даже никогда ее не увидит!

– И где же ты хранишь свое сокровище?

Винкулюс холодно рассмеялся, давая понять, что не скажет об этом слуге своего врага.

Чилдермасс окликнул служанку и заказал еще эля. Некоторое время они пили в молчании. Затем Чилдермасс вынул из-за пазухи колоду и показал Винкулюсу:

– Марсельское Таро. Видел такие когда-нибудь?

– Много раз, – ответил Винкулюс. – Однако твои отличаются от обычных.

– Это копия колоды, принадлежавшей матросу, которого я встретил в Уитби. Он купил карты в Генуе, чтобы с их помощью находить спрятанное пиратское золото, но понял, что вряд ли когда-нибудь в них разберется. Матрос предложил продать карты мне, но я в ту пору был беден и не смог заплатить цену, которую он запросил. Тогда мы заключили сделку: я ему погадаю, а он даст мне карты, чтобы я смог их перерисовать. К сожалению, корабль отплыл слишком скоро, и половину карт мне пришлось дорисовывать по памяти.

– Какую же судьбу ты ему предсказал?

– Настоящую. Что он утонет еще до конца года.

Винкулюс одобрительно рассмеялся.

Видимо, когда Чилдермасс заключал сделку с матросом, ему не на что было купить не то что карты – даже бумагу. Карты были нарисованы на обороте счетов из пивных и прачечных, театральных афишек и писем. Позднее Чилдермасс раскрасил карты, однако на некоторых просвечивала обратная сторона, придавая колоде комичный вид.

Чилдермасс разложил девять карт в ряд. Открыл первую.

Под картинкой были изображены номер и название карты: *VIII. L'Ermite* – «Отшельник». Картинка изображала старика в рясе и монашеском клобуке. Старик держал фонарь и тяжело опирался на посох, словно его, более привычного к сидению и размышлению, тяготила необ-

ходимость стоять на ногах. На худом лице застыло подозрительное выражение. От картинки как будто тянуло пылью.

– Хм! – промолвил Чилдермасс. – В настоящем твоими действиями управляет затворник. Ну, это мы и так знаем.

Следующей картой оказалась *Le Mat*, «Дурак». Номера на карте не было, словно фигура на ней осталась за рамками основного повествования. Карта изображала мужчину, бредущего по дороге мимо дерева, покрытого листвой. Мужчина опирался на палку, а котомка его свисала с другой палки, перекинутой через плечо. Рядом бежала собака. Фигура изображала дурака или шута старых времен – колокольчик на шляпе и ленты на штанах Чилдермасс раскрасил красным и зеленым. Он немного помедлил, видимо не зная, как растолковать этот символ, затем перевернул еще две карты: *VIII. La Justice* – «Правосудие» (картинка изображала женщину в короне с мечом и весами в руках) и двойку Жезлов. Жезлы перекрещивались и могли, кроме всего прочего, обозначать распутье.

Чилдермасс хмыкнул.

– Итак, – произнес он, скрестив руки и с некоторым изумлением поглядывая на Винкулюса. – Вот эта карта, – Чилдермасс ткнул в *La Justice*, – говорит мне, что тебя тяготит твой выбор и ты готов принять решение. А эта... – указывая на двойку Жезлов, – что выбор твой – скитания. Так что зря я тут трачу время. Ты собираешься оставить Лондон. Стоило возмущаться, если ты уже сам все решил!

Винкулюс пожал плечами, словно недоумевал, а чего еще Чилдермасс от него ждал.

Пятая карта оказалась валетом Чаш, *Valet de Coupe*. Считается, что валету надлежит быть юным, но картинка изображала зрелого мужчину со склоненной головой, курчавыми волосами и окладистой бородой. В левой руке он держал тяжелую чашу, хотя тяжесть ее не могла объяснить странного выражения не то муки, не то натуги – не иначе, тяжелой этой чаши не было во всем свете, или его тяготила иная, невидимая ноша. Так как Чилдермасс рисовал на чем попало, то карта приобрела весьма необычный вид. Сквозь бумагу просвечивали буквы с оборотной стороны листа. На одежде, на руках и лице вальета проступали каракули.

Увидев карту, Винкулюс рассмеялся, словно встретил старого знакомого, и трижды дружески по ней постучал. Непонятный жест смутил Чилдермасса.

– Ты должен передать кому-то известие, – осторожно предположил он.

Винкулюс кивнул:

– А следующая карта должна показать этого человека?

– Да.

– Скорее! – Винкулюс, не дожидаясь Чилдермасса, сам перевернул карту.

Шестая карта оказалась рыцарем Жезлов – *Cavalier de Baton*. Мужчина в широкополой шляпе сидел на лошади. Местность вокруг была обозначена несколькими камнями и пучками травы под лошадиными копытами. Одежда рыцаря производила впечатление богатой и ладно скроенной, но по непонятной причине он держал в руках тяжелую дубинку. Впрочем, сей предмет и дубинкой-то нельзя было назвать – так, толстый сук с торчащими ветками и листьями.

Винкулюс схватил карту и принялся пристально ее разглядывать.

Седьмой оказалась двойка Мечей. Чилдермасс ничего не сказал и тут же перевернул восьмую – *Le Pendu* – «Повешенный». Девятая карта называлась *Le Monde* – «Мир». На ней плясала нагая женщина, а в углах были изображены ангел, орел, крылатый вол и крылатый лев – эмблемы евангелистов.

– Тебе предстоит встреча, – сказал Чилдермасс, – и приведет она к испытанию, возможно, к смерти. Карта не говорит, уцелеешь ли ты, но что бы ни случилось, – он ткнул в последнюю карту, – здесь говорится, что ты достигнешь своей цели.

– Ну, теперь ты знаешь, кто я такой? – спросил Винкулюс.

– Не совсем, но теперь я знаю о тебе гораздо больше.

– Ты видишь, я не такой, как все, – сказал Винкулюс.

– Нигде здесь не сказано, что ты не шарлатан. – Чилдермасс начал собирать карты.

– Постой, – сказал Винкулюс, – давай я покажу тебе твое будущее.

Винкулюс взял колоду и, повторяя действия Чилдермасса, разложил девять карт. Карты легли так: XVIII. *La Lune* – «Луна», XVI. *La Maison Dieu* – «Башня» (перевернута), девятка Мечей, валет Жезлов, десятка Жезлов (перевернута), II. *La Papesse* – «Папесса», X. *La Rove de Fortune* – «Колесо Фортуны», двойка Монет, король Чаш. Винкулюс смотрел на карты. Затем поднес к глазам *La Maison Dieu*, но ничего не сказал.

Чилдермасс рассмеялся:

– Ты прав, Винкулюс. Ты не такой, как все. Здесь перед тобой вся моя жизнь. Однако ты не можешь прочесть ее. Ты странное создание, Винкулюс, – полная противоположность волшебникам прошлого века. Они многое знали, но не обладали магическими способностями. Ты же, напротив, ничего не знаешь, но у тебя есть талант. Ты не можешь объяснить то, что способен совершить.

Винкулюс поскреб желтоватую щеку грязным ногтем.

Чилдермасс начал собирать колоду, но Винкулюс снова прервал его и жестом показал, что хочет опять разложить карты.

– Зачем? – удивленно спросил Чилдермасс. – Я уже рассказал тебе о твоём будущем. Ты не смог ничего сказать о моем. Что дальше?

– Я собираюсь предсказать его будущее.

– Чье? Норрелла? Ты опять не поймешь.

– Тасуй колоду, – настаивал Винкулюс.

Чилдермасс стасовал колоду. Винкулюс разложил девять карт и перевернул первую. III. *L'Empereur* – «Император». Картинка изображала короля на троне с обычными знаками власти: скипетром и короной. Чилдермасс наклонился, чтобы рассмотреть карту.

– Что там? – спросил Винкулюс.

– Кажется, я плохо скопировал эту карту и только сейчас заметил. Чернила смазались, поэтому волосы и мантия кажутся почти черными. А еще кто-то оставил грязный отпечаток пальца прямо поперек орла. Император должен быть старше, а я нарисовал юношу. Что скажешь, Винкулюс?

– Ничего. – Винкулюс пренебрежительно дернул подбородком, и Чилдермасс вынужден был перевернуть следующую карту.

III. *L'Empereur*.

Последовало короткое молчание.

– Невозможно, – сказал Чилдермасс. – В колоде только один Император.

Этот король оказался еще моложе и свирепее на вид. Волосы и мантия стали совершенно черными, а корона превратилась в тонкую полоску бледного металла. На карте не было отпечатка грязного пальца, но птица в углу окончательно почернела и теперь больше походила на английского ворона, чем на орла.

Чилдермасс перевернул третью карту. III. *L'Empereur*. И четвертую. III. *L'Empereur*. На пятой номер и название карты исчезли, но картинка осталась прежней: юный черноволосый король, у ног которого притулилась огромная черная птица. Чилдермасс перевернул последние карты. Он хотел рассмотреть карты, оставшиеся в колоде, но от волнения заторопился и выпустил ее из рук. Черные короли закружились в холодном сером воздухе. На каждой карте была изображена все та же фигура с мертвенно-бледным лицом и неумолимым взглядом.

– Ну вот, – мягко промолвил Винкулюс. – Вот это и передай своему волшебнику с Ганновер-Сквер! Перед тобой его прошлое, настоящее и будущее!

Незачем и говорить, что, когда Чилдермасс вернулся на Ганновер-Сквер и рассказал обо всем хозяину, тот ужасно разозлился. Хватило бы и того, что Винкулюс упорствовал, не желая

подчиниться, но его слова о книге, которую мистери Норреллу никогда не прочесть, возмущали до крайности, а уж то, что Винкулюс посмел угрожать ему Королем-вороном, выходило за всякие рамки!

– Он провел вас! – возмущенно объявил мистер Норрелл. – Подменил вашу колоду своей. И куда только вы смотрели?

– Да уж, – согласился Лассельс, холодно поглядывая на Чилдермасса.

– Конечно, Винкулюс передернул колоду, – поддакнул Дролайт, – и все равно жаль, что я этого не видел. Зря вы не сказали, что собрались к Винкулюсу. Я бы пошел с вами.

Чилдермасс, словно не слыша Лассельса и Дролайта, обратился к мистери Норреллу:

– Даже если предположить, что Винкулюс способен на такой трюк, в чем я сильно сомневаюсь, откуда ему было знать, что у меня есть колода Марсельского Таро? Даже вы о ней не знали!

– Вот и хорошо, что не знал! Нет ничего хуже гадания на картах! Ваша затея была недуманной от начала до конца!

– А о какой книге толкует этот шарлатан? – спросил Лассельс.

– Да-да, то странное пророчество, – подхватил мистер Норрелл. – Полагаю, это всего лишь набор слов, однако некоторые обороты говорят в пользу его древности. Я бы не отказался ее увидеть.

– Что скажете, мистер Чилдермасс? – спросил Лассельс.

– Я не знаю, где он хранит книгу.

– Так узнайте!

И Чилдермасс начал шпионить за Винкулюсом. Первым и самым удивительным открытием оказалось то, что Винкулюс женат, причем в куда большей степени, чем большинство людей. Жен у бродячего чародея оказалось пять, и жили они в разных приходах Лондона и ближайших окрестностях. Старшей исполнилось сорок пять, младшей – пятнадцать, причем ни одна не подозревала о существовании остальных. Чилдермасс решил познакомиться с каждой. Двум он предстал в образе сомнительного шляпника, третьей представился таможенным чиновником, ради четвертой стал пьяницей и игроком, а пятой сказал, что, хотя в миру служит у великого мистера Норрелла с Ганновер-Сквер, на самом деле он и сам чародей. Две попытались его обокрасть, одна поклялась выложить за выпивку всю правду, четвертая чуть не утатила Чилдермасса на молитвенное собрание методистов, а пятая, ни много ни мало, без памяти в него влюбилась. Тем не менее к концу своих приключений Чилдермассу пришлось признать, что жены Винкулюса не подозревали о существовании книги и уж тем более не знали, где муж ее прячет.

Мистер Норрелл отказывался этому верить. В своем уединенном кабинете он снова и снова всматривался в серебряную чашу, изучая жилища Винкулюсовых жен, но не нашел ничего, хоть отдаленно напоминающего книгу.

Тем временем этажом выше, в своей каморке, Чилдермасс раскладывал карты. Они снова стали прежними, за исключением Императора, который так и остался в личине Короля-ворона. Некоторые карты выпадали снова и снова, например, туз Чаш – церковный потир в таком вычурном стиле, что казался городом на ножке, обнесенным крепостной стеной, и *II. La Papesse* – «Папесса». Чилдермасс считал, что обе карты означают нечто скрытое. С невиданной частотой выпадала масть Жезл, почти всегда семерка, восьмерка, девятка и десятка. Чем больше Чилдермасс вглядывался в вереницу жезлов, тем больше они походили на письма. Одновременно жезлы образовывали преграду, препятствие, мешавшее Чилдермассу разгадать их скрытый смысл. В конце концов он пришел к заключению, что книга Винкулюса, где бы ее ни прятали, написана на неизвестном языке.

22. Рыцарь Жезлов

Февраль 1808 года

Джонатан Стрендж не походил на отца: ему были чужды алчность, сварливость и несговорчивость. Не обладая серьезными пороками, Стрендж вряд ли мог похвастаться и особыми добродетелями. На приемах в Уэймуте и в гостиных Бата среди модной молодежи он слыл «приятнейшим человеком на свете», хотя это означало всего лишь умение болтать ни о чем, хорошо танцевать, знать толк в карточной игре и охоте, как и положено джентльмену.

Джонатан Стрендж был высок и хорошо сложен. Кое-кто даже находил его красивым, хотя далеко не все. У Стренджа было два недостатка: ироническое выражение лица и длинный нос. Правда и то, что волосы его слегка отдавали рыжиной, а всем известно, что обладатель рыжих волос не может называться красавцем.

Как раз в то время, когда умер его отец, Стрендж задумал склонить некую молодую даму к замужеству. По прибытии в Шрусбери, узнав от слуг печальную новость, Стрендж сразу же подумал о своей избраннице. Каков теперь будет ее ответ?

Казалось, ничто не могло помешать этому браку. Друзья одобряли выбор Стренджа, а брат девушки – ее единственный родственник – не меньше Стренджа хотел, чтобы дело устроилось ко всеобщему удовольствию. Лоуренсу Стренджу не нравилось, что избранница его сына бедна, но он сам устранил это препятствие, заморозив себя до смерти.

Однако, хотя Стрендж уже несколько месяцев считался признанным ухажером, помолвка – ожидаемая знакомыми и друзьями с часу на час – еще не состоялась. Не то чтобы избранница не любила его (Стрендж был совершенно уверен в ее чувствах), однако иногда казалось, что она влюбилась только ради того, чтобы без конца с ним ссориться. Причин ее недовольства Стрендж не понимал. Ему казалось, что в угоду возлюбленной он уже изменил свой образ жизни. Почти забросил карты и другие азартные игры, стал меньше пить – редко более бутылки в день – и даже уверил избранницу, что готов чаще ходить в церковь – раз в неделю или даже два, если ей так хочется. Однако девушка заявила, что это вопрос его собственной совести и она не считает себя вправе вмешиваться. Стрендж знал, что ей не нравятся его частые визиты в Бат, Брайтон, Уэймут и Челтнем. Он заверил, что нимало не интересуется тамошними дамами, – разумеется, им не откажешь в очаровании, но ему решительно нет до них дела. Барышня ответила, что ее это нисколько не беспокоит, ей лишь хочется, чтобы Стрендж нашел себе более достойное занятие. Она не собирается читать ему морали и сама не меньше других любит повеселиться, но этот бесконечный праздник! Неужто он ничего другого не хочет? Ни к чему не стремится?

Стрендж отвечал, что полностью с ней согласен: он и сам вынашивал планы найти себе достойное дело. Планы были не то чтобы дурны. В разное время Стрендж думал, что станет покровителем какого-нибудь непризнанного поэта, займется изучением права или поиском окаменелостей на пляже в Лайм-Риджисе, купит железоплавильный завод, изучит технологию плавки, отыщет одного старого приятеля, который расскажет ему о новейших способах ведения сельского хозяйства, посвятит себя теологии и дочитает наконец одну ученую книгу по инженерному искусству, которую вроде бы оставил на столике в дальнем углу отцовской библиотеки два-три года назад. Однако все эти идеи наткнулись на непреодолимые препятствия. Обездоленные поэты на пути Стренджа не попадались³⁸, книги по юриспруденции оказались

³⁸ Решение отказаться от поэтической карьеры далось Стренджу нелегко. В «Жизнеописании Джонатана Стренджа» (Издание Джона Мюррея: Лондон, 1820) Джон Сегундус рассказывает, как, отчаявшись отыскать подходящий объект для покровительства, Стрендж сам решил написать поэму. «Начиналось все прекрасно: от завтрака до обеда Стрендж просидел в халате у маленького столика и успел исписать виршами несколько дюжин страниц форматом в четвертую долю листа. Ему самому очень нравились собственные творения, равно как и его камердинеру, малому, не чуждому литературе, который давал хозя-

невыносимо нудными, фамилию старого приятеля – большого знатока сельского хозяйства – Стрендж забыл, а в тот день, когда он отправился изучать окаменелости, в Лайм-Риджисе, как назло, зарядил дождь.

И так далее и тому подобное. Стрендж поведал барышне, что в юности страстно хотел стать моряком. Ничто на свете не влекло его так сильно, как военный флот! Однако отец не поддержал его стремления, а сейчас, в двадцать восемь, было поздно задумываться о морской карьере.

Несговорчивую особу звали Арабелла Вудхоуп. Она была дочерью покойного младшего священника церкви Святого Свитина Винчестерского в Кланбери³⁹. В то время, когда умер старый мистер Стрендж, девушка гостила у друзей в Глостершире, в сельской местности, где ее брат тоже служил младшим священником. Утром в день похорон Стрендж получил от нее письмо с соболезнованиями. Письмо содержало положенные случаю слова утешения и надежду, что Джонатан простил старому мистеру Стренджу все обиды и несправедливости. Однако этим Арабелла не ограничилась. Она беспокоилась о нем. Сожалела, что ее нет в Шропшире. Огорчалась, что он сейчас один и без друзей.

Стрендж решил ковать железо, пока горячо. Ситуация складывалась на редкость благоприятная: никогда Арабелла не будет испытывать к нему такого участия; никогда сам он не будет богаче. (Стрендж никак не мог поверить уверениям Арабеллы, что она совершенно равнодушна к его деньгам.) Он решил, что выждет диктуемый приличиями срок и сделает предложение. Трех дней ему показалось вполне довольно; утром четвертого дня Стрендж велел лакею сложить вещи, а конюху подготовить лошадь. Он отправлялся в Глостершир.

Стрендж брал с собой нового слугу. обстоятельно побеседовав с ним, хозяин счел, что новый работник энергичен, находчив и знает свое дело. Слуге польстил выбор хозяина (хотя тщеславие подсказывало ему, что иначе и быть не может). Теперь, когда новый слуга минует этап низвержения великанов и перешагивает из мифа в реальность, будет уместнее называть его по имени, как обычного смертного. Итак, звали слугу Джереми Джонс.

В первый день пути никаких особенных происшествий не случилось. Путешественники повздорили с владельцем собаки, облаявшей их без всякого повода, да еще лошадь Стренджа начала выказывать признаки нездоровья, которое при тщательном осмотре не подтвердилось. Утром второго дня они скакали по приятной для глаз местности – мягкие очертания низких холмов, зимний лес и ухоженные фермы. Джереми Джонс тренировал надменное выражение, приличествующее слуге, чей господин унаследовал крупное состояние, а Джонатан Стрендж думал о мисс Вудхоуп.

Чем ближе становилась встреча с Арабеллой, тем большие сомнения охватывали Стренджа. Его радовала мысль, что рядом с мисс Вудхоуп ее брат, славный старина Генри, который всегда хотел этой помолвки и всячески склонял к ней сестру. Однако Стрендж сомневался в друзьях Арабеллы, у которых она гостила, – священнике и его жене. Он ничего не знал о них, но как любой богатый молодой человек, привыкший не отказывать себе в удовольствиях, с опасениями относился к духовенству. Кто знает, какие нелепые добродетели и ненужное самопожертвование они привьют Арабелле?

ину дельные советы по метафорам и риторике и время от времени собирал листочки, раскиданные по комнате. Камердинер складывал их в аккуратную стопку, а иногда спускался на кухню ¹ (прод.) и давал прочесть особенно волнующие места своему приятелю – младшему садовнику. Стрендж сочинял с удивительной быстротой. Камердинер утверждал, что, поднося руку к голове хозяина, он ощущает жар творческого вдохновения. На второй день Стрендж уселся за стол с намерением написать еще полсотни страниц, но тут же запнулся на рифме к строке „и пусть любовь осуществится!“. „Две девицы“ казались ему сущей чепухой, „и так стодитя“ решительно не устраивало, а «поживиться» звучало слишком вульгарно. Стрендж сражался с непокорной рифмой битый час, так ничего и не придумал и решил прокатиться верхом, чтобы освежить голову, однако больше к недописанной поэме не возвращался».

³⁹ Деревня в пяти-шести милях от усадьбы Стренджа.

Низкое зимнее солнце отбрасывало длинные тени. Иней сверкал на ветках. Вид крестьянина, идущего за плугом, навел Джонатана на мысль о тех семействах, что жили на его собственных землях и служили предметом неустанных забот мисс Вудхоуп. В голове его начал складываться воображаемый диалог. «Как вы намерены стоять отношения с арендаторами?» – спросит она. «Отношения?» – переспросит Джонатан. «Да, – ответит Арабелла. – Вы собираетесь облегчить их жизнь? Ваш отец забирал у них все до последнего пенни». – «Знаю, – скажет Стрендж. – Я никогда не оправдывал отца». – «Вы уже снизили ренту? Поговорили с приходским советом? Подумали о богадельне и школе?»

«Вот ведь придумает, рента, школы и богадельни! – мрачно подумал Стрендж. – Отец умер только в прошлый четверг».

– Странно! – заметил Джереми Джонс.

– Хм? – пробурчал Стрендж. Он обнаружил, что они остановились рядом с белыми воротами. Сбоку располагался новенький опрятный домик с белеными стенами и готическими окнами.

– А где сборщик пошлыны? – спросил Джереми Джонс.

– Хм? – снова промычал Джонатан.

– Это сторожка, сэр. А вот листок, на котором написано, сколько мы должны заплатить, но нигде не видно сборщика. Оставить шесть пенсов?

– Да-да, поступай как знаешь.

Джереми Джонс оставил плату за проезд на пороге домика и открыл калитку. В ста ярдах от сторожки начиналась деревня. Солнце золотило древнюю каменную церковь, поодаль тянулась аллея старых скрюченных грабов, из труб двух десятков каменных домов струился дым. Рядом с дорогой тек ручей, окаймленный полоской сухой желтой травы. На траве блестел иней.

– А где местные жители? – спросил Джереми.

– Жители? – переспросил Стрендж. Он огляделся и в окнах ближайшего дома заметил двух маленьких девочек. – Вот они.

– Нет, сэр. Это дети. Я о взрослых. Никого не видеть.

По дороге с гордым видом прохаживались куры, кошка сидела на соломе в видавшей виды тележке, на поле паслись лошади, но нигде не было видно людей. Только выехав из деревни, Стрендж и Джереми Джонс поняли, что случилось. В ста ярдах от последнего дома у живой изгороди собралась толпа, вооруженная топорами, серпами, палками и ружьями. Картина получалась зловещая и одновременно нелепая. Можно было подумать, что жители собрались воевать с зарослями боярышника и бузины. Низкое зимнее солнце отбрасывало странные тени на лица фермеров, придавая им решительное выражение. Толпа безмолвствовала, фермеры осторожно переминались с ноги на ногу, явно стараясь не шуметь.

Проезжая мимо, Стрендж и Джереми Джонс привстали на стременах, чтобы увидеть, вокруг чего сгрудились крестьяне.

– До чего странно! – воскликнул Джереми. – Там ничего нет.

– Ошибаешься, – сказал Стрендж, – там человек. Неудивительно, что ты его не заметил. Я тоже сначала принял его за корягу, но это все-таки человек – бледный, изможденный, потрепанный, и тем не менее человек.

Дорога привела их в зимний лес. Джереми возбужденно гадал, что за человек лежал под изгородью и что с ним собирались сделать жители деревни. Стрендж пару раз отвечал невпопад, но вскоре мысли его вновь обратились к мисс Вудхоуп.

«Не стоит обсуждать те изменения, которые должны последовать за смертью моего отца, – думал он. – Это слишком опасно. Начну-ка с чего-нибудь полегче, например с приключений, которые случились с нами в дороге. Что бы могло ее заинтересовать? – Джонатан посмотрел вверх. Его окружали темные мокрые ветки. – Ну должно же быть хоть что-нибудь. – Он вспомнил ветряную мельницу возле Херефорда с детским платьем, зацепившимся за одно

из крыльев. Платье то окуналось в слякоть на дороге, то взмывало вверх ярким алым стягом. – Словно аллегория чего-то там. Потом я расскажу ей о пустой деревне и двух девочках за занавесками: у одной в руках кукла, у другой – деревянная лошадка; затем перейду к молчаливой толпе с топорами и палками и человеку под изгородью».

«Ах! – воскликнет она. – Бедняга! Что с ним случилось?» – «Не знаю», – ответит он. «Но вы ведь остановились, чтобы помочь ему?» – скажет тогда Арабелла. «Нет», – ответит Стрендж. «Ах!» – снова воскликнет она...

– Стой! – вскричал Стрендж, натягивая уздечку. – Надо вернуться. Тот бедолага под изгородью не идет у меня из головы.

– Отлично! – облегченно воскликнул Джереми Джонс. – Я рад, что вы так решили, сэр. Очень рад.

– Полагаю, ты и не подумал захватить с собой парочку пистолетов? – спросил Стрендж.

– Нет, сэр.

– Вот ч...! – начал было Стрендж, но вовремя спохватился, вспомнив, что Арабелла не одобряет проклятий. – А нож или что-то в этом роде?

– Нет, ничего нет, сэр. Но не волнуйтесь, я знаю, что делать. – Джереми прыгнул с лошади и углубился в подлесок. – Я сделаю нам дубинки – будет ничуть не хуже пистолетов.

Кто-то срубил крепкие ветки и оставил лежать у дороги. Джереми поднял одну и подал Стренджу. Оружие не слишком напоминало дубинку, скорее оно походило на ветку с сучьями.

– Ладно, – с сомнением протянул Стрендж, – все лучше, чем ничего.

Джереми тоже взял ветку. Вооружившись таким образом, они возвратились к безмолвной толпе.

– Эй, любезный, – обратился Стрендж к мужчине в пастушьей куртке, обмотанной вязаными платками, и широкополой шляпе. Для убедительности он сопроводил свои слова угрожающим взмахом дубинки. – Что здесь происходит?

Внезапно крестьяне обернулись, и все как один приложили палец к губам.

К Стренджу подошел человек, одетый приличнее прочих – в коричневую плисовую куртку. Он коснулся шляпы и вежливо обратился к Стренджу:

– Уж простите, сэр, не могли бы отвести вашу лошадь подальше? Она слишком громко дышит.

– Но... – начал Стрендж.

– Ш-ш-ш, – зашипел мужчина. – Громко. Вы говорите очень громко. Вы его разбудите.

– Кого разбужу?

– Человека под изгородью, сэр. Он чародей. Разве вы не слышали, что, если разбудить чародея, можно выпустить его сны в мир?

– А кто знает, что за ужасы ему снятся! – шепотом согласился другой крестьянин.

Стрендж попытался было что-то возразить, но несколько человек в толпе нахмурились и возмущенно замахали на него руками, призывая говорить тише.

– Откуда вы знаете, что он чародей? – шепотом спросил Стрендж.

– Он уже два дня живет в Монк-Греттон и всем говорит, что чародей. В первый же день заставил детей залезть в кладовку и украсть для него пирог и пиво, утверждая, что это для королевы Фей. А вчера бродил в окрестностях Форватер-Холл – это здешняя усадьба, сэр. Владелица усадьбы миссис Морроу попросила его предсказать будущее, а он заявил, что ее сына, капитана Морроу, убьют французы. Теперь бедняжка от горя не встает с постели. Мы уже устали от него, сэр. Хотим, чтобы этот бродяга ушел. Если не послушается, отправим его в работный дом.

– Что ж, весьма разумно, – прошептал Стрендж, – только я не понимаю...

В это мгновение человек под изгородью открыл глаза. Толпа издала общий вздох, некоторые отступили на шаг назад.

Человек отлепился от изгороди. Это оказалось не таким уж легким делом: веточки боярышника, побеги плюща, омелы и ракитника забились в одежду, в волосах застыл иней. Бродяга выпрямился. Казалось, его совсем не удивила собравшаяся вокруг толпа, напротив, по его поведению было заметно, что он ждал чего-то подобного. Посмотрев на крестьян, он пренебрежительно хмыкнул.

Затем бродяга запустил пятерню в волосы, вытряхивая оттуда листья, веточки и полдюжины ухверток.

– *Я простер руку*, – пробормотал он, ни к кому не обращаясь. – *И английские реки потекли вспять.*

Затем ослабил шейный платок и вытащил из-под рубашки нескольких пауков. Шею и горло бродяги покрывали синие линии, точки, крестики и кружочки. Затянув шейный платок и завершив таким образом свой нехитрый туалет, бродяга поднялся на ноги.

– Меня зовут Винкулюс, – объявил он. Для человека, прошедшего ночь под изгородью, он говорил на удивление бодро и звонко. – Я путешествую на запад в поисках человека, которому суждено стать великим волшебником. Десять дней назад мне показали его изображение, а сейчас по неким мистическим знакам я вижу, что этот человек – ты!

Все оглянулись.

Мужчина в пастушеской куртке потянул Стренджа за сюртук.

– Он о вас, сэр, – сказал он.

– Обо мне? – удивился Стрендж.

Винкулюс подошел ближе.

– *Два чародея появятся в Англии*, – промолвил он.

– Первый будет страшиться меня, второй возжаждет узреть меня;
Первым будут управлять убийцы и воры;
Второй устремится к саморазрушению;
Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу,
Но боль его не уймется;
Второй увидит сокровище свое в руках недруга...

– Ясно, – перебил Стрендж бродягу. – И кто же из этих двоих я? Нет, не говори. Не стоит. Обе судьбы кажутся мне достаточно печальными. Если хочешь, чтобы я сделался волшебником, надо было сочинить что-нибудь не столь пугающее. В скором времени я собираюсь жениться и совершенно не намерен жить в лесу с ворами и убийцами. Выбери кого-нибудь другого.

– Не я выбирал тебя, чародей! Ты избран давным-давно.

– Кто бы меня ни выбрал, они будут разочарованы.

Винкулюс не обратил внимания на это замечание и крепко ухватился за уздечку коня, на котором восседал Стрендж, продолжая нараспев повторять предсказание, которое некогда читал перед мистером Норреллом в библиотеке на Ганновер-Сквер.

Стрендж слушал предсказание с тем же неудовольствием, что и мистер Норрелл, а когда Винкулюс закончил, нагнулся и отчетливо произнес:

– Я знать не хочу никакой магии!

Винкулюс замолчал. Казалось, он на мгновение согласился, что это и впрямь серьезное препятствие. К счастью, бродяга тут же нашелся: он засунул руку за пазуху и вытащил клочки бумаги с налипшей на них соломой.

– Вот, – сказал он с таинственным и многозначительным видом, – заклинания, которые... Нет, нет! Я не могу отдать их вам! – вскричал он, когда Стрендж потянулся к клочкам бумаги. –

Это весьма ценные заклинания. Чтобы добыть их, мне понадобились годы страданий и мучительных испытаний.

- Сколько? – спросил Стрендж.
- Семь шиллингов шесть пенсов, – ответил Винкулюс.
- Хорошо.
- Вы же не собираетесь давать ему деньги, сэр? – спросил Джереми Джонс.
- Если он от меня отвяжется, то с превеликим удовольствием.

Тем временем толпа разглядывала Стренджа и Джереми Джонса самым недружелюбным образом. Их появление совпало с пробуждением Винкулюса, и теперь крестьяне гадали, не явились ли эти двое из его сна? Они начали выяснять, кто разбудил чародея. Спор разгорался. Тут появилось некое должностное лицо в официального вида шляпе и заявило, что Винкулюс – нищий и должен отправляться в работный дом. Винкулюс резко возразил, что он уже не нищий: у него есть семь шиллингов и шесть пенсов, – и в доказательство своих слов с дерзким видом позвенел монетами под носом у должностного лица. Неизвестно, чем бы разрешился конфликт, если бы Винкулюс не развернулся и не побрел в одну сторону, а Стрендж с Джереми Джонсом не поскакали в другую. Мир в деревне Монк-Греттон был восстановлен.

Около пяти вечера путешественники прибыли на место и остановились в гостинице недалеко от Глостера. Стрендж так боялся предстоящего разговора с мисс Вудхоуп и так свято верил, что встреча не принесет ничего, кроме страданий, что решил отложить ее на следующее утро. Он заказал плотный обед и уселся в удобном кресле с газетой, однако вскоре понял, что удобство и безмятежность – плохая замена обществу мисс Вудхоуп, отменил обед и решил немедленно отправиться к мистеру и миссис Редмонд, чтобы узнать свою участь. Застал он только дам – миссис Редмонд и мисс Вудхоуп.

Влюбленные – не самые разумные создания на свете, и читатель ничуть не удивится, узнав, что мысли Стренджа о мисс Вудхоуп рисуют совершенно неверный ее портрет. Да, воображаемый разговор с Арабеллой давал некоторое понятие об ее *убеждениях*, однако не показывал *манеры* и *нрав*. Мисс Вудхоуп не имела обыкновение требовать от только что осиротевших знакомых строительства школ и богаделен или придирается к их каждому слову.

Вот и сейчас в ее поведении не было ничего от той сердитой ворчуньи, которую вообразил себе бедный влюбленный. Арабелла не только не потребовала немедленно исправить все злодеяния отца, но приветствовала Стренджа с особым теплом и нескрываемой радостью.

Ей было года двадцать два. Красота девушки не бросалась в глаза. В лице и фигуре не было ничего особенно примечательного, но когда Арабелла улыбалась или беседовала, черты ее совершенно преображались. Мисс Вудхоуп отличали живость, сообразительность и веселый нрав. Когда на лице ее играла улыбка – истинное украшение любой леди, – Арабелла могла затмить первых красавиц трех графств.

Ее подруга миссис Редмонд, доброе и кроткое создание сорока пяти лет от роду, не могла похвастаться ни богатством, ни знанием света, ни особенным умом. При других обстоятельствах миссис Редмонд не посмела бы и слова вымолвить в компании такого светского человека, как Джонатан Стрендж, но, к счастью, недавняя смерть его отца предоставила ей тему для беседы.

– Полагаю, сейчас вы очень заняты, мистер Стрендж, – сказала она. – Когда умер мой отец, мне пришлось заниматься тысячей дел сразу. Он оставил так много распоряжений! Помню, у нас на кухонной полке стояли кувшины, и отец завещал их старым слугам, но как понять, кому какой полагается? Поэтому слуги начали спорить – всем хотелось заполучить желтый с розовыми розочками. Ах! Я думала, это никогда не кончится! А ваш отец оставил много распоряжений по наследству, мистер Стрендж?

- Нет, мадам. Ни единого. Он всех ненавидел.
- Ах! Какая удача, не правда ли? И что вы делаете сейчас?

– Делаю? – переспросил Стрендж.

– Мисс Вудхоуп сказала, что ваш бедный дорогой отец занимался куплей и продажей. Вы пойдете по его стопам?

– Нет, мадам. Если мне удастся... а я полагаю, это мой долг, – я как можно быстрее сверну отцовское дело.

– Ах! Тогда, стало быть, вы посвятите себя сельскому хозяйству? Мисс Вудхоуп говорила, что у вас большое имение.

– Да, мадам. Однако я уже пробовал и могу сказать, что не рожден для сельского хозяйства.

– Что вы говорите! – промолвила миссис Редмонд с важным видом.

Наступило молчание. Тикали часы, в камине трещал уголь. Хозяйка начала распутывать клубок шелковых ниток для вышивания, лежащий у нее на коленях. Черная кошка сочла это приглашением к игре и, подкравшись к дивану, стала хватать лапой нитки. Арабелла засмеялась и принялась дразнить кошку. Именно о таких мирных домашних сценах мечтал Стрендж (только без миссис Редмонд, да и насчет кошки он сомневался). Оставалось лишь убедить Арабеллу, что их желания совпадают. В порыве внезапного вдохновения Стрендж вновь обратился к миссис Редмонд:

– Впрочем, мадам, не думаю, что у меня будет много свободного времени. Я собираюсь заняться изучением волшебства.

– Волшебства! – воскликнула Арабелла, удивленно взглянув на него.

Она явно хотела продолжить интересную тему, но тут в прихожей раздался голос мистера Редмонда. С ним пришел младший священник, тот самый Генри Вудхоуп – брат Арабеллы и друг детства Джонатана Стренджа. Последовали представления и объяснения, ибо Генри не знал о визите Джонатана, и на некоторое время о неожиданном заявлении Стренджа забыли.

Джентльмены пришли с приходского собрания, поэтому, усевшись в гостиной, они начали пересказывать миссис Редмонд и мисс Вудхоуп новости. Затем обсудили путешествие Стренджа, сравнительное состояние дорог и фермерства в Шропшире, Херефордшире и Глостершире (Стрендж проехал через три этих графства). В семь подали чай. В наступившем засим молчании миссис Редмонд обратилась к мужу:

– Мистер Стрендж собирается стать волшебником, милый.

В ее устах это прозвучало как нельзя более естественно.

– Волшебником? – переспросил Генри удивленно. – Зачем ему это?

Стрендж медлил. Он не хотел называть истинную причину – желание поразить Арабеллу решением найти себе достойное занятие, – поэтому предложил единственное объяснение, которое пришло в голову:

– Человек, сидевший под изгородью в деревне Монк-Греттон, сказал мне, что я волшебник.

Миссис Редмонд засмеялась отличной шутке.

– Восхитительно! – воскликнула она.

– А вы и вправду волшебник? – поинтересовался мистер Редмонд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.